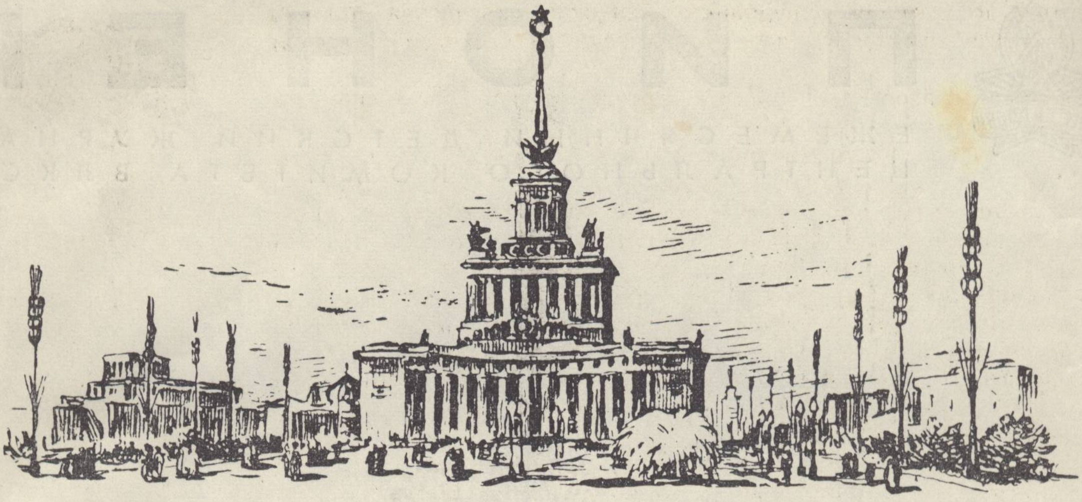
ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ



№ 6 июнь 1954 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»



ГОРОД МАСТЕРОВ ИЗОБИЛИЯ

На северной окраине Москвы, там, где многоэтажные каменные дома столицы сменяются деревянными домиками пригородов, а густые аллеи Останкинского парка незаметно переходят в зеленеющие поля и рощи Подмосковья, вырос новый, необыкновенный город-сад.

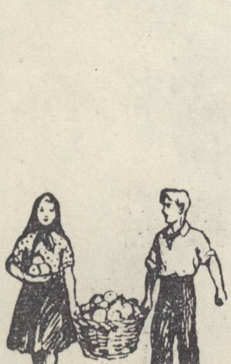
Он раскинулся на огромной площади в две с лишним сотни гектаров. За день его и не обойдёшь. Широкие проспекты, прямые улицы и асфальтированные проезды этого города протянулись на шестьдесят пять километров! Более трёхсот зданий, удивительных по красоте и разнообразию архитектуры, построено на его территории. Немало в нём просторных площадей и тенистых аллей, скверов и цветников, прудов и фонтанов. Здесь есть и почта, и телеграф, и поликлиника, магазины и рестораны, театры и кино и даже троллейбусы, которые довезут вас до любой из его улиц и площадей.

Двадцать восемь пятиэтажных гостиниц для приезжающих в этот город будет выстроено в нынешнем году, а к концу пятьдесят пятого года их будет семьдесят пять.

— Зачем же нужно так много гостиниц? — спросите вы.— Почему так много приезжих будет в этом городе?

А вот почему. Этот город — Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Сюда приедут овцеводы, доярки, телятницы, виноградари, шелководы, чабаны — все, кто делает своё дело образцово, кто настригает больше всего шерсти с тонкорунных баранов, кто надаивает больше всего молока от крупных молочных коров, кто выхаживает сильных коней, кто выращивает больше всех золотой пшеницы, ароматного чайного листа, белоснежного хлопка. Сюда, на выставку, они привезут плоды своего труда.

Ещё больше будет здесь людей, которые приедут учиться у этих мастеров своего дела, перенимать у них знания, уменье работать. Удивительный город станет огромной школой, где учениками будут миллионы тружеников сельского хозяйства.



Ведь Коммунистическая партия поставила перед советским народом великую задачу. За два — три года мы должны добиться такого изобилия продуктов и товаров, чтобы советские люди не испытывали недостатка ни в чём.

Опыт и достижения передовиков сельского хозяйства должны знать все. Для этого и устроена Всесоюзная сельскохозяйственная выставка.



Выставка открывается 1 августа. Но уже и сейчас мы можем, хотя бы мысленно, заглянуть туда.

Вот мы миновали торжественно-праздничную арку главного входа. И сразу же перед нами открылась величественная перспектива сказочных дворцов. Они сложены из светлого камня, богато украшены живописью и скульптурами, отделаны полированным деревом и цветным стеклом. В металле и камне воплощены яркие и живые узоры украинских и белорусских вышивок, цветистая вязь узбекских и таджикских орнаментов, кружевные рисунки северных костерезов.

В центре выставки возвышается монументальное здание главного павильона СССР. Оно увенчано золотым шпилем, поднимающимся ввысь на тридцать пять метров.

А какие здесь фонтаны! Вот под сверкающими водяными струями застыл скульптурный хоровод—шестнадцать девушек-колхозниц шестнадцати союзных республик. Этот фонтан так и называется: «Дружба народов». Чуть подальше — «Каменный цветок». Не отведёшь глаз от этого фонтана! Он сложен из переливающихся нежными красками уральских самоцветов. Ещё дальше — «Зелёный фонтан»: в центре, словно взлетающая ввысь огромная струя, стройный пятнадцатиметровый тополь. Вокруг него падают каскады светлой зелени плакучих ив, дальше — плотное кольцо кустарников... А вода? Нет воды в этом фонтане! Мастера-садовники так искусно вырастили зелень живых растений, что в ярком свете прожекторов листва похожа на струи бьющей воды.



Исходив этот чудесный город от края до края, из конца в конец, вы словно заглянете во все уголки нашей Родины—от холодных просторов тундры до цветущих садов Средней Азии, от берегов Тихого океана до синих вод Дуная.

Вокруг каждого павильона растут деревья, цветы и кустарники, привезённые из республики, которой он принадлежит. Перед павильоном Армении выстроились, как часовые, серебристые пирамидальные тополя. Это переселенцы из окрестностей высокогорного озера Севан. У павильона Грузии вырос зелёный холм, покрытый кустами чая и мандариновыми деревьями. Землю для этой горки привезли с Кавказа, чтобы растения чувствовали себя как дома. А для того, чтобы создать возле павильона среднеазиатских республик заросли саксаула и тамариска, пришлось заменить московскую землю песчаной почвой пустынь.

Немало потрудились здесь садоводы. Они насадили полезащитные полосы, рощи из десятков тысяч деревьев и сотен тысяч кустов. На выставку привезены самые редкие растения с севера и юга, с запада и востока нашей страны. Одних только роз здесь высажено больше тридцати тысяч кустов. А всего различных цветущих растений — пять миллионов с лишним.

Позади павильонов поля и фермы. На опытных участках тихо кланяются под ветром тяжёлые, литые колосья лучших сортов пшеницы; зеленеют коробочки хлопчатника; кочаны капусты чинно сидят на делянках. Шесть гектаров занимает фруктовый сад, в котором вы найдёте все сорта плодов и ягод, созданных великим преобразователем природы Иваном Владимировичем Мичуриным.



Больше всего юных посетителей будет, конечно, возле животноводческих ферм. Ведь здесь можно увидеть своими глазами чудо-животных: огромных и сильных битюгов, которые тянут больше тонны груза, красавиц-коров костромской и ярославской породы, дающих больше десяти тысяч литров молока в год, круторогих баранов с гу-



стым шелковистым руном. Смотришь на такого барана и диву даёшься: и как только он на ногах стоит, не падает под двухпудовым грузом своей шерсти! Здесь и куры, несущие до трёхсот двадцати яиц в год, и свиньи весом с некрупную корову... Здесь можно подсмотреть, как в инкубаторах вылупляются из яичек пушистые жёлтенькие цыплята, узнать, как разводят в искусственных водоёмах ценные породы рыб.

На опытных полях вы познакомитесь с передовыми методами нашего сельского хозяйства. Вы увидите, как сажают картофель квадратно-гнездовым способом, как выращивают рассаду в торфо-перегнойных горшочках, как применяют электричество и пар для обогрева парников и теплиц. Вы сможете совершить экскурсию по усадьбе МТС, взглянуть на работающую колхозную электростанцию и ветросиловую установку.

Сепараторы, маслобойки и прессы молочного завода у вас на глазах превратят свежевыдоенное молоко в густые жирные сливки и в бруски янтарного масла.

В глубине выставочной территории ещё издали виден громадный прозрачный стеклянный купол павильона механизации. Здесь собраны все сложные и сильные машины, которыми вооружила земледельца советская техника и наука. Вот целое семейство комбайнов: один — для уборки зерна, другой — для уборки хлопка. Тут есть комбайны и для свёклы, и для кукурузы, и для подсолнечника, и для картофеля, и для капусты. Блестят стальными лемехами мощные плуги. Острые бороны, тракторные сеялки и самоходные косилки выстроились в ряд... Всех машин и не перечислишь: их около тысячи. Вот механик пускает в ход одну из машин, стоящих на стенде. Машина работает, а одна стенка у неё прозрачная, и вы видите всё, что происходит внутри: как движутся клапаны, шестерни, рычаги и цепи передач.



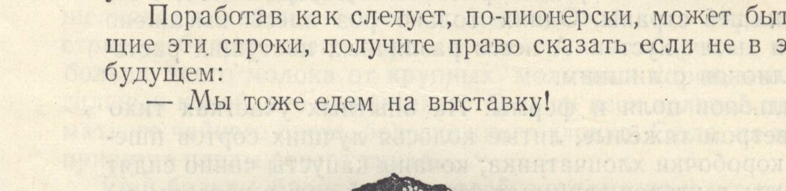
Есть на выставке один павильон, где хозяева — ваши сверстники, школьники и пионеры. Это павильон юннатов. Здесь будут показаны достижения юных садоводов, полеводов, юных животноводов, юных механизаторов.

Ребята из Лосино-Петровской школы Московской области покажут здесь кроликов. Школьники Ленинграда приедут со своими курами. Юные животноводы Шунги, Костромской области, покажут рослых и крепких телят, которых они помогли вырастить на ферме своего колхоза. Юные рыболовы Лопасненской школы привезут своих зеркальных карпов. А кировские пионеры покажут гусениц дубового шелкопряда, которых они приучили к новой, «северной пище» — к берёзовым листьям.

Каждый школьный кружок натуралистов, добившийся больших успехов, сможет показать на выставке плоды своего труда.

Поработав как следует, по-пионерски, может быть, и вы, читающие эти строки, получите право сказать если не в этом году, так в будущем:

— Мы тоже едем на выставку!





СТАРШАЯ СЕСТРА

Повесть Л. Воронковой. **Рисунки М. Клячко.**

(Продолжение)

НОВЫЙ ГОД СТОИТ У ВОРОТ

В школе готовились к Новому году. В шестом классе девочки были очень заняты: клеили из разноцветной бумаги ёлочные игрушки, пёстрые цепи из разноцветных бумажных колечек, золотые и серебряные корзиночки, разные фонарики и всё, что только могли придумать... Нанизывали на длинные нитки кусочки ваты, чтобы потом подвесить их к потолку; эти пушистые белые клочки будут изображать падающий снег. Шили к спектаклю платья из белой и голубой марли, в пышных оборках и сборочках, украшали их серебряными звёздами — это костюмы для Снежинок, которые будут танцевать вокруг деда Мороза.

Как и предвидела Зина, Тамара Белокурова отказалась изображать Снежинку.

— Соне Поливановой почему-то главную роль, а мне Снежинку,— сказала она.— Снежинку кто хочешь сыграет: кружись, да и всё. Всё мне какую-то мелочь даёте, лучше уж я совсем не буду играть!

— Ну и ладно,— решили девочки,— пусть выставку делает. Как бы ещё не раздумала да не бросила бы всё...

Но Тамара не собиралась бросать своё дело. Она с увлечением собирала картинки, требовала, чтобы девочки отыскивали все иллюстрации и фотографии по сельскому хозяйству. У неё материала уже накопилась целая большая папка. И Тамара в свободные от уроков и от катка минуты просматривала и перебирала свои материалы с торжествующей улыбкой:

— Вот посмотрим, чья выставка будет лучше! Ага! Посмотрим. Ну, может, в других классах тоже найдут такие же картинки — из «Огонька», из «Пионера»... Но вот из таких журналов, которые у папы!.. Ну уж нет! Дудочки! Скоро все будут около меня кружиться... Не будете говорить: «Меня дома нет».

В последние дни её задушевной подругой стала Шура Зыбина. Шура была добродушное существо. Она дружила со всеми.

Тамаре с её тревожной и сумрачной душой сейчас была нужна именно такая подруга. Тамара никак не могла забыть встречи с Зиной на вечерней улице.

«Ты ко мне? А меня дома нет!»

Эта фраза оскорбляла Тамару каждый раз снова и снова, как только приходила на память. Подумайте! Тамара, как лучший друг, идёт навестить Зину, даже на каток не пошла... А она вон как!

— Зина — невоспитанная девочка,— утешала Тамару мать.— Ну и что же ты огорчаешься? Оставь её в покое, пожалуйста. И я тебе

скажу вот что... Ты уже большая, я могу тебе это сказать.

Антонина Андроновна присела на диван и Тамару посадила рядом. У Тамары от любопытства глаза стали круглыми и блестящими.

— Знакомства надо выбирать,— сказала Антонина Андроновна, разделяя каждое слово по слогам и прихлопывая в такт ладонью.— Каждый разумный человек должен выбирать себе друзей, а не дружить с кем попало. Вот посмотри на отца. Где у него друзья? Кто у него друзья?

Тамара опустила ресницы, взгляд её словно заволокло дымкой. Тотчас возникли огромный цех завода; чёрные от гари фермы, уносящие куда-то вверх невидимый потолок; бешеный вой пламени и горячие отблески мартеновских печей... А по цеху мимо воющих печей идёт её отец, уверенный, строгий, прямой, и рядом с ним сталевары в прокопчённых спецовках, с очками на кепках, измазанные сажей, весёлые, дружелюбные люди... Тамара снова услышала их почтительные голоса, слова, полные уважения, обращённые к её отцу...

— Кто бывает у нас? — продолжала мать.— Инженер Петушков с Марьей Борисовной, но он же подчинённый отца, и я знаю, почему он бывает: просто хочет подслужиться... Ну и ещё кое-кто. А директор завода когда-нибудь у нас был? А жена его Катерина Егоровна когда-нибудь у нас была? Нет. И не пойдут они никогда. А почему? Потому что я их приглашу, а отец сейчас же какого-нибудь вальцовщика позовёт. А разве директор захочет за одним столом с вальцовщиком сидеть?

— А Катерина Егоровна у Зины Стрешневой на дне рождения была...— задумчиво сказала Тамара.

Антонина Андроновна откинулась на спинку дивана.

— Что? У Стрешневых?

— Да,— Тамара кивнула головой, всё так же задумчиво глядя куда-то в угол комнаты.— И теперь приходит... И Шура к ним приходит тоже.

— Шура? Директорова дочка? А! Ну, понятно. Зина твоя знает, с кем дружить. А через дочку и мать заводит знакомство. А ты вот не умеешь. Почему к тебе Шура не приходит? Ты приведи её! Придёт Шура — придёт и Катерина Егоровна, совершенно естественно!

Тамара поглядела матери в глаза и отрицательно покачала головой.

— Нет,— сказала она.— Катерина Егоровна не придёт.

— Почему?

— Не знаю, почему! — Тамара тряхнула кудрями, словно отгоняя какие-то трудные мысли.— А вот знаю, что не придёт, и всё.

Антонина Андроновна рассердилась:

— А вот об этом не тебе судить! Вот и видно, что не понимаешь ничего! Другая бы уже давно пригласила к себе Шурочку, подружилась бы...

— Пожалуйста! — Тамара пожала плечами.— Шура завтра же будет здесь.

— А, хитрюга! — Антонина Андроновна погрозила ей пальцем и расцвела улыбкой.— Ты, я вижу, кое-что соображаешь! Есть надежда, что ты будешь во всём похожа на меня, и правильно! Научишься жить на свете как следует. От жизни надо всё самому брать, а милостей не дожидаться, так и Мичурин говорил. Вот кто такая я была? Простой диспетчер. Жила бедно, в какой-то комнатушке. А теперь? Отдельная квартира, работница, ковры, машина... И всего этого я добилась. Ну? Есть чему поучиться или нет?

Тамара глядела на неё странным взглядом и ничего не отвечала.

— Только ты смотри,— спохватилась мать,— не болтай повсюду насчёт... ну... диспетчера-то. Незачем это.

Тамара, ничего не ответив, встала и молча ушла в свою комнату. Она уселась за письменный стол, разложила учебники, но долго сидела, запустив руки в растрепавшиеся густые кудри, глядела в стол мимо задачника и думала о чём-то.

На другой день Тамара попросила Шуру Зыбину придти позаниматься с ней.

— Зина к тебе не ходит больше? — спросила Шура.

— Нет,— холодно ответила Тамара.

— Да, правда, когда же ей ходить! — вздохнула Шура.— Дома у неё работы пропасть. Надо теперь тебе к ней ходить.

Тамара нахмурилась.

— Да знаешь... Я тебе правду скажу: мне с ней заниматься не очень легко. Она как-то плохо запоминает... И вообще...

— А ты тогда хорошо отвечала,— напомнила Шура,— когда с Зиной занималась.

Тамара покраснела, но Шура не заметила этого.



— Раздевайся, деточка, раздевайся,— заворковала Антонина Андроновна.— Вот сюда повесь...

— Ну, тогда ведь Зине легко было,— продолжала она,— а теперь ей надо помогать. Я-то, по правде, сегодня к ней собиралась, но раз ты просишь...

— Ой, да! Я новое это правило никак понять не могу!

— Ну, ладно. Я приду к тебе. А к Зине Фатьма пойдёт. И потом хотела пойти Паша Розеткина, и ещё Лида Лимонова хотела. Ладно. Приду.

Антонина Андроновна, как только услышала, что к Тамаре пришла Шура Зыбина, сейчас же вышла из спальни, где любила проводить свои пустые, праздные дни.

Тамара вышла в прихожую встретить подругу. Вслед за ней появилась и мать.

— Раздевайся, входи,— сказала Тамара.

— Раздевайся, деточка, раздевайся,— заворковала Антонина Андроновна,— вот сюда повесь. Тамара, что же ты не поможешь? Гостей надо встречать с уважением!

— Я сама,— пробормотала Шура, смущённая таким необыкновенным приёмом, и поспешно повесила своё пальто.

— Иди сюда,— Тамара провела Шуру в свою комнату.

Но Антонина Андроновна поспешила войти туда же и принялась наводить порядок на письменном столе.

— Вам удобно будет, девочки? Может, лампу отсюда взять? Или стол пододвинуть вон туда? Там как будто светлее.

— Да ничего не надо! — Тамара нетерпеливо отстранила мать.— Мы же всегда тут занимались!

— Но то вы занимались со Стрешневой, а Шурочка, по всей вероятности, привыкла заниматься в лучших условиях,— возразила Антонина Андроновна и, переложив ещё раз с места на место книги и учебники, наконец ушла из комнаты.

— Занимайтесь, девочки. Не буду вам мешать.

Тамара и Шура уселись за стол. Через пять минут дверь снова открылась. Антонина Андроновна глядела на них заботливыми глазами:

— Ну, что, девочки? Удобно ли вам?

Тамара сверкнула на неё взглядом, а Шура мягко ответила:

— Да, да, очень хорошо.

Антонина Андроновна исчезла. Но через некоторое время, когда девочки совместными усилиями решали трудную задачу и уже уловили правильный путь решения, двери открылись снова, и Антонина Андроновна вошла с двумя чашками чаю на маленьком подносе.

— Ну, мама! — нетерпеливо крикнула Тамара.— Ты же нам мешаешь!

— Ничего не мешаю, отнюдь,— ответила Антонина Андроновна,— выпейте чайку, отдохните. А потом снова будете заниматься. Чай оказывает бодрящее действие. Вот и печенье. Берите, Шурочка. Как поживает ваша мама?

Шуре стало неловко от неожиданного «вы» и от этой наигранной ласковости. Она почувствовала, что ей хочется уйти из этого дома. Но выражение её лица оставалось спокойным и безмятежным.

— Мама ничего поживает,— ответила она, подняв на Антонину Андроновну большие светлые глаза,— она сейчас всё шьёт и шьёт.

Антонина Андроновна удивилась:

— Что шьёт?

— Подарки. Она хочет подарить платье Зине к Новому году и Изюмке. И Антону костюмчик тоже. У них ведь нету мамы теперь...

— Это, конечно, очень хорошо. Но зачем же терять время? Можно бы купить в магазине. Это же такая нудная работа!

— А мама любит шить.

— Ваша мама, Шурочка, очень добра, но не знаю, стоит ли это... Обычно за добро люди спасибо не говорят, а только обижаются. Дашь — мало. Ещё дать — всё равно будет мало. Лучше уж вообще не давать, тогда и обижаться не будут. Но, впрочем, это так, я немножко философствую. А как же? Нас, знаете, приучают философствовать. Вот политкружок сейчас — и там всё философия, философия... Николай Сергеевич занимается, а я, по правде сказать, не могу, голова болит. Ешьте печенье, Шурочка. И вот что попрошу: передайте вашей маме, Катерине Егоровне, что я очень бы хотела её видеть у себя. Просто так, посидим, поболтаем. Обещаете передать?

— Хорошо, передам,— ответила Шура и поглядела на Тамару. Тамара поняла её взгляд.

— Мама, ну нам же заниматься надо!

— А я уже ухожу! — Антонина Андроновна собрала чашки на подносик.— Но ты, Тамара, не забудь: Шурочка обязательно должна быть у тебя на ёлке. Если до Нового года Катерина Егоровна не выберется, то уж на Новый год обязательно. Так, Шурочка, и передайте.

— Я маме передам,— сказала Шура,— только на ёлку... на Новый год... я не могу к вам придти. Мы к Зине пойдём.

— Но, голубчик,— весело удивилась Антонина Андроновна,— что же там за ёлка будет? Наверно, наша всё-таки будет и побольше и понаряднее! И угощенье получше!

— Нет,— снова отказалась Шура, глядя на неё спокойными, ясными глазами.— Я не могу. Я обещала к Зине.

И снова взглянула на Тамару.

— Мама, уходи же,— сказала Тамара,— ты нас совсем сбила — то с чаем, то с ёлкой! Ну что ты всё к нам пристаёшь и пристаёшь!..

— Каждый делает своё дело, деточка,— возразила Антонина Андроновна, закрывая за собой дверь.

Девочки снова уселись за стол. Но мысли уже бежали по разным путям, далёким от задачника.

— А почему ты на ёлку непременно должна к Зине идти? — хмуро спросила Тамара.— Там и без тебя хватит...

— Я очень Изюмку люблю и Антона,— с тёплой улыбкой ответила Шура, словно эти ребятишки стояли перед её глазами,— их повеселить нужно... И я же обещала.

— Подумаешь, обещала!

— Да если бы и не обещала, пошла бы,— продолжала Шура,— и обязательно пойду. А к тебе потом. Ладно? Праздник-то не один день! Сначала пойдём к Зине, а потом к тебе. Ладно?

— Почему-то ко мне всегда потом. А сна-

чала всегда к кому-нибудь другому! — пожала плечами Тамара.

Шура подняла на неё свои широко раскрытые, полные ласкового блеска глаза:

— Тамара! Но ведь там же маленькие дети. Как же им будет одним на Новый год? А Новый год уже вот он, вот он, за дверями стоит! Ой, ой, как хорошо! В магазинах везде ёлочки, везде игрушки. Ты любишь смотреть? Я очень люблю!

...Зина и ребятишки тоже любили стоять около витрин игрушечных магазинов в эти предпраздничные дни. Каждый день ранними сумерками Зина выходила погулять с Антоном и Изюмкой. Открывая калитку, она спрашивала:

— Куда пойдём? На сквер?

Но и Антон и Изюмка отвечали в один голос:

— На большую улицу, ёлку смотреть!

И они все трое, держась за руки, отправлялись на большую улицу, полную прохожих, огней и широких магазинных витрин.

Их влекла к себе всегда одна и та же обрамлённая огнями витрина. Достигнув её, они останавливались и с увлечением разглядывали волшебное царство, сверкающее за толстым зеркальным стеклом.

Во всё окно, до самого потолка, стояла там зелёная живая ёлка, вся опутанная серебряным блеском и разноцветными огнями лампочек. А что же творилось под её распахнутыми лапчатыми ветками? Тут румяные куклы в синих и белых шапочках катались на санях с горки. Бежали на лыжах весёлые лыжники. Снегурочка в серебряной шубке кормила морковкой плюшевых зайцев. Красная Шапочка разговаривала с волком, а волк поблескивал зелёными прозрачными глазами-пуговицами. Здесь, у ствола ёлки, стоял весёлый дед Мороз в красной с золотом шубе, с серебряной бородой и с большим мешком за плечами. Яркие парашюты спускались сверху, а над ними парили серебряные самолёты с красными звёздами на крыльях... И над всем этим сказочным миром висели неподвижные ватные снежинки, отливающие серебром. Словно и правда снег идёт, только снежинки летят так медленно, что незаметно, как они опускаются вниз.

— А у нас ёлка будет? — спросил однажды Антон, стоя вот так у новогодней витрины.

— Будет, — ответила Изюмка уверенно.

Но Антон смотрел на Зину и ждал ответа. Будет у них ёлка или нет? Зина и сама не знала. Отцу некогда сходить за ёлкой. Значит, надо самой? А как она её купит? А как донесёт? Может, обойтись без ёлки?..

Зина поглядела на ребят и встретила две пары глаз, устремлённых на неё. Сердце у Зины чуть-чуть сжалось.

— Будет ёлка, конечно, будет! — поспешила ответить она.

«Нет, непременно куплю им ёлку!»

НЕ ХУЖЕ, ЧЕМ У ЛЮДЕЙ

До Нового года оставался один день. А перед Зиной стояла гора дел и забот, и она не знала, как ей справиться. Только что кончилась вторая четверть. Отец настрого приказал:

— Дома делай только самое необходимое, уроков не запускай... Дома потом и выстирается и вымоется. А сейчас самое главное: учись.

И Зина большие хозяйские дела всё откладывала да откладывала. Отметки в табеле были хорошие, но Зина была недовольна: затесались две четвёрки — по русскому и по географии. Уже не круглая пятёрочница. Конечно, с такими отметками закончить полугодие не стыдно. Лида Лимонова, например, которая только и держится на тройках, могла бы позавидовать Зине. Но что из этого? Зина-то всегда была круглой пятёрочницей!

Огорчился этим и отец, но виду не показал, а сделал весёлое лицо и сказал Зине:

— Молодец! Норму держишь! Не хуже, чем у людей, а?

Зина тоже постаралась улыбнуться, однако для ответа не нашлась.

— Ну, а теперь как же, дочка, у нас с хозяйством будет? — спросил отец. — За что приниматься? Ведь послезавтра праздник.

Зина окинула взглядом комнату. Скука давно не мытого и не чищенного жилища смотрела изо всех углов — запылённые цветы, застиранная, плохо проглаженная скатерть, смятые чехлы на диванных подушках... Эти подушки где только не побывали — и на полу под столом, когда Антон и Изюмка устраивали себе там квартиру, и в углу за диваном, где они строили пещеру... А уж про пол и говорить нечего. Зине трудно было мыть полы: не хватало времени и не хватало сил.

— А ещё целый бак белья нестиранного, — прошептала Зина, подытоживая запущенные хозяйские дела.

— Да. — Отец подавил вздох и только крякнул, словно поднимая большую тяжесть.

Зина сжала губы и молча глядела на отца. И хотя оба они молчали, каждый из них знал о тяжести, лежавшей на сердце другого.

«Береги отца... береги отца...» — эти слова прозвучали в воспоминании так отчётливо, будто Зина сейчас снова услышала их. — А как же мне беречь его? Вон он какой худой, чёрный, и морщины на лбу... Раньше всегда бритый ходил, чистый, причёсанный... А сейчас? Вон как борода-то поседела... И на висках седина. А рубашка... ворот-то какой заношенный!»

Зина ещё крепче сжала губы и, чтобы отец не увидел, что к глазам её подступили слёзы, отошла к окну, раздвинула шторы. Морозные стёкла переливались огоньками при свете уличного фонаря, а в круглые проталинки глядел синий вечер.

«Не смей, — приказала Зина сама себе, — не смей плакать! Не смей!»

Это помогло. Будто кто-то посторонний приказал ей, и Зина, переведя дух, отошла от окна.

— Ну и что же? — бодрым голосом начала она, снова подойдя к отцу. — Вот как возьмёмся завтра все сразу, да всё и сделаем! И квартиру вымоем. А бельё я сегодня ночью немножко постираю.

Отец поглядел на неё и усмехнулся.

— Постираешь! Эх, ты, канареечка моя! Да где ж тебе с бельём справиться?

— Вот и справлюсь, — горячо возразила



Елочка была небольшая, пушистая, с красивой макушкой.

Антон, который строил для Изюмки домик из карт, оглянулся на отца и засмеялся:

— Папка сам себя не узнал!

— Да-а...— Отец покачал головой, не спуская глаз со своего отражения.— Вот это да-а...

И, виновато поглядев на Зину, провёл рукой по колючим щекам и взлохмаченной голове.

— Да, она меня, пожалуй, и домой-то не пустила бы,— сказал он.— Просто бродяга какой-то!

В дверь постучали. Вошла тётя Груша. Она была приземистая, широкоплечая, скуластая, говорила грубым голосом с хрипотой. Но тётю Грушу любили все — и рабочие на заводе, и соседи по квартире, и все ребятишки во дворе. Из её небольших яркосиних глаз глядела горячая, добрая душа.

Изюмка и Антон, как только появилась тётя Груша, уронили свой карточный дом, подбежали к ней и ухватились с двух сторон за её наглаженный синий фартук.

— Ну вот, ну вот,— загудела тётя Груша своим простуженным басом,— свалите с ногто!.. А кто поднимать будет?

Она пошарила в карманах и достала два мятных пряника — розовый и белый.

— Мне розовый! — закричал Антон.

— И мне розовый! — ещё громче закричала Изюмка.

Зина, тронутая ласковым словом «канареечка». У них в семье такими словами зря не разбрасывались.— А ты, папочка, пойди побрейся, и новую рубашку надень, и причешись как следует!

— Ну, я и так хорош,— усмехнулся отец.

Но Зина не отступилась:

— Хорош! Вот так хорош! Папочка, а если бы мама тебя таким увидела, что бы она сказала, а?

Отец вдруг встал и подошёл к зеркалу. Он глядел на себя в зеркало немножко изумлённым взглядом, будто был не совсем уверен, он ли это.

— Начинается! — с упрёком сказала Зина.— Это вместо того, чтобы спасибо сказать!

— Спасибо! — крикнули ребята в один голос. Но Изюмка тут же добавила:

— А мне розовый!

— Антон, уступи,— попросила Зина,— ты ведь у меня уже большой!

Антон поглядел на Зину и протянул розовый пряник Изюмке.

— Слушает сестру, молодец парень.— Тётя Груша похлопала Антона по спине.

— Ну, что же вы сидите, воробьи позастрешные, а? — обратилась она к отцу и к Зине.— Праздник ведь на дворе!

— Да, праздник,— согласился отец и снова провёл рукой по небритым щекам.

— А что-то у вас праздника не видно,— продолжала тётя Груша.— Пироги-то будете печь?

— Я не умею...— негромко сказала Зина и покачала головой.

— Не умеешь, так сумеешь,— возразила тётя Груша.— Пойдём тесто ставить.

— Эх, до пирогов ли! — сказал отец.— Тут вот и пол надо мыть и бельё там...

В комнату без стука вошла старуха-соседка Анна Кузьминична.

— Мир вам, и я к вам!

— Милости просим,— ответила Зина. Так отвечала мама.

— Вы что же, хозяева,— начала старуха,— когда-нибудь свой черёд по квартире справлять будете ай нет? Одну неделю пропустили, и другую, и третью... И конца этому нет. Значит, так и дальше будет? Топтать — топчете, вон у вас людей-то сколько, одни ребятишки взад-вперёд носятся! А коридор мыть я?

— Я вымою! — Зина покраснела и украдкой взглянула на отца.

— Ну вот, видишь? — обратился отец к тёте Груше.— А ты — пироги!

— Ещё что! — загудела тётя Груша на Анну Кузьминичну.— Заставь, заставь, старая, девчонку всю квартиру мыть, благо она сиротка! Вот так! Со слабыми-то воевать невелик труд!

— А что, я должна за всеми убирать? — закричала Анна Кузьминична.— Мне ведь тоже на седьмой десяток, не молоденькая!

— Давайте-ка я вам пол вымою,— предложил отец.— Не сумею, что ли?

— Подожди, не спеши,— сказала тётя Груша.— Всё это дело нетрудное. Чего проще? Заплати нашей уборщице, она придёт и вымоет да ещё спасибо скажет.

— Правильно! — обрадовался отец.— И как же я сам-то не догадался? Конечно, так и сделаем! Только где эту уборщицу взять?

— А чего её брать! Вон она в том флигеле живёт,— вмешалась Анна Кузьминична.— Утром схожу да позову. Только деньги оставь, не забудь.

— Вот и уладилось,— заключила тётя Груша,— а теперь, дочка, всё-таки пойдём тесто ставить. Ну что за праздник без пирогов!

Зина отправилась с тётей Грушей на кухню, и ребятишки потянулись за ними.

Тётя Груша говорила:

— Нагрей молока, клади масла, сахару... Дрожжи размешай...

Зина всё это делала, а ребята глядели. Так все вместе они поставили тесто для праздничных пирогов.

Утром, когда Зина спешила в школу, она ещё издали увидела, что Фатьма поджидает её у ворот. А рядом, с метлой в руках, стоит её круглолицая, черноглазая мать Дарима.

— Здравствуйте! — закричала им Зина и прибавила шагу.

— Здравствуй, здравствуй, белый преник! — Дарима улыбалась ей, блестя крупными зубами.— Подойди поближе, говорить надо!

— Что?

— Как праздник справлять будешь?

— Вчера тесто поставили! — живо сообщила Зина.— Тётя Груша пирогов напечёт.

— А в доме-то, небось, ничего не прибрано?

Зина замялась.

— Нет ещё... уборщица придёт...

— Мама, мы с девочками соберёмся,— сказала Фатьма,— вымоем всё.

— Эге! Вымоете вы! — Дарима махнула своей брезентовой рукавицей.— Ты лучше скажи мне, белый преничек, там в комнату меня кто-нибудь впустит?

— Там Анна Кузьминична... А ключ на вешалке.

— Ну и хорошо.— Дарима похлопала Зину по спине.— Бегите в школу теперь. Насчёт уборки не беспокойся, всё будет чисто к празднику!

— Спасибо! — обрадовалась Зина.— Спасибо, тётя Дарима! А я вам потом тоже буду помогать снег возить!

Девочки взялись за руки и побежали в школу.

В первую же перемену к Зине подошла Елена Петровна.

— Как у тебя дома? — спросила она, внимательно заглядывая ей в глаза.— Девочки ходят? Помогают?

— Ходят,— ответила Зина,— помогают всё время.

— А ёлка уже есть у вас?

Зина опустила ресницы.

— Елки ещё нету. Я сегодня схожу...

— Пойдём-ка.

Елена Петровна повела Зину в кабинет завуча, где был телефон.

— Как позвонить на завод, знаешь?

Зина сказала номер. Елена Петровна вызвала её отца.

— Андрей Никанорыч? Это учительница. Да, Елена Петровна. Как насчёт ёлки у вас? Забыли? Нет, вечером поздно. Мы сходим днём. Ну за что же столько благодарности! — И, положив трубку, обернулась к Зине: — За ёлкой вместе пойдём.

Зина радостно вскинула на неё глаза:

— С вами?!

— Со мной.

Зине хотелось обнять Елену Петровну, прижаться к ней лицом, но разве она посмела бы? Она только зарумянилась и заулыбалась, с гордостью поглядывая на девочек, которые слышали этот разговор: вот видите, Елена Петровна сама пойдёт покупать им ёлку!

Когда кончились занятия и звонок прозвенел в последний раз, отпуская учителей и учеников на новогодние праздники, Елена Петровна и Зина пошли за ёлкой. Вместе с ними отправилась и Фатьма. У самой калитки школьного сада их нагнала Шура Зыбина: а если ёлка попадётся большая, без неё ведь и не дотащат! И обязательно захотела пойти с ними Сима Агатова: чем больше народу, тем веселее.

Было солнечно, морозно, в воздухе сверкали искорки. Праздник уже бродил по улицам. Спешили прохожие с покупками. Несли ёлки. Проезжали гружённые ёлками машины. Магазины сверкали ёлочными уборами. Весёлые ребятишки пробегали стайками и толпились возле витрин с игрушками...

Недалеко от вокзала, в заснеженном сквере, вырос еловый лесок. Елочки стояли, увязнув в сугробе или прислонившись к ограде.

Они стояли, растопырив зелёные ветки, украшенные снегом, и каждая словно говорила: «А посмотрите-ка на меня. Вот я какая хорошенькая!»

Покупатели ходили по скверу, выбирали ёлки. Ходили и выбирали ёлку и наши друзья. Выбирали, присматривались, и всё казалось, что эта ёлочка не самая лучшая, а самая лучшая, пожалуй, вон та. Наконец Елена Петровна сказала:

— Кажется, лучше этой не найдём!

Елочка была небольшая, пушистая, с красивой макушкой. Заплатили деньги, вытащили ёлочку из сугроба, связали её верёвкой, чтобы не топорщилась, и понесли домой. Зина шла и улыбалась:

— Вот теперь ребятишки обрадуются!

Едва войдя в квартиру, Зина почувствовала, что праздник пришёл и в их дом. Пахло тёплыми пирогами, свежестью чисто промытых полов... И как только внесли ёлку, по всем комнатам побрёл весёлый запах леса, смолы и хвои...

Навстречу вышла Дарима, раскрасневшаяся, слегка растрёпанная. Она только что закончила уборку и стояла, вытирая покрасневшие от воды руки.

— Входите, входите! Всё готово! Управилась.

— Спасибо, тётечка Дарима! — сказала ей Зина.

А Дарима, увидев ёлку, радостно всплеснула руками:

— Ай-яй! И ёлочка есть!

Комната показалась Зине и просторней и светлей, словно Дарима каким-то волшебством раздвинула и осветила её. Пол стал чистым. Коврик, вычищенный снегом, ярко пестрел голубыми и красными цветами. Полотняные чехлы на диванных подушках, выстиранные и проглаженные, сияли свежестью. Большая полотняная скатерть с тугими складками на сгибах лежала на столе, словно впервые выпавший снег. Цветы на окнах стали зелёными и живыми... У Зины вдруг сжалось сердце: так вот было при маме. Будто это она вошла, и прибрала всё у них, и сделала всё, как было... На мгновение Зине показалось, что мама дома, что она здесь, что она лишь на минуту вышла в кухню, а сейчас войдёт, и улыбнётся, и скажет что-нибудь весёлое... Но мгновение пролетело, и Зина сжала губы от душевной боли. В комнату вместо мамы вошла тётя Дарима.

Девочки суетились, развязывали ёлку, прикидывали, куда поставить. И никто не заметил волнения Зины. Заметила только Фатьма.

— Зина, ты что? — спросила она тихонько.

— Нет, ничего,— поспешно ответила Зина.— Мне показалось, что мама дома. А она... Не спрашивай ничего, не говори... У нас Новый год, а она.... в могиле...

Голос у Зины прервался. Но, почувствовав, что ещё немножко и слёзы хлынут из глаз, она грозно приказала себе: «Не смей!» И ещё раз: «Не смей!» И это опять помогло.

Елена Петровна тревожно взглянула на неё, но тотчас поняла, что Зину надо отвлечь от её тяжёлых и горьких чувств.

— Где у вас всегда стояла ёлка, Зина? — спросила она, будто не замечая, что у Зины глаза блестят от слёз.— У окна?

— Нет.— Зина торопливо отодвинула маленький столик.— Вот здесь, чтобы её в зеркале было видно. Тогда у нас будто две ёлки: одна здесь, а другая в зеркале.

Разыскали старую деревянную крестовину, установили ёлку. Достали со шкафа коробку с ёлочными игрушками.

— Давайте я прикреплю звезду на верхушку,— сказала Елена Петровна, взяла звезду и, поставив стул, влезла на него.— Вот так не криво? Хорошо?

Елка стояла вся ещё зелёненькая, как в лесу, и только на верхушке сияла серебряная гранёная звезда.

— А теперь я, девочки, пойду домой, дома меня тоже ждут.— Елена Петровна слезла со стула и полюбовалась на звезду.— Вы поможете Зине нарядить ёлку?

— Конечно, поможем! — закричали и Сима, и Шура, и Фатьма все сразу.

Елена Петровна улыбнулась им, нежно провела рукой по гладким белокурым волосам Зины, простилась и ушла. А вслед за ней ушла и Дарима.

— Девочки, а вот я читала «Детство Никиты»,— сказала Сима,— там знаете, как? Пока ёлку не нарядят, ребятишек не пускают. А потом сразу — хлоп! Двери настежь. Ребятишки входят, а ёлка уж вся наряженная и в огнях! Давайте и мы так сделаем, пока их нет дома!

Девочки весело согласились:

— Давайте!

— А вдруг Антон сейчас возьмёт да придёт со двора! — сказала Сима.

— Не придёт! — ответила Зина.— Они всем классом в кукольный театр пошли. А мы в это время все игрушки повесим, лампочки зажжём! У нас ведь игрушек не очень много... Бусы побились. Шариков тоже мало осталось... А канитель-то — у, какая! Не блестит уже... Ну, ничего. Что есть, то и есть.

Всё вышло так, как задумали девочки. Зато и было же радости, когда перед Антоном и Изюмкой вдруг раскрылись двери комнаты и наряженная ёлка встала перед ними вся в огнях и блеске! Изюмка закричала от радости и бросилась к ёлке, под самые ветки, начала прыгать, хлопать в ладоши, смеяться. Антон, весь расплывшись в улыбке и затаив дыхание от счастья, подошёл к ёлке, словно боясь, что она сейчас исчезнет. Ведь ещё днём никакой ёлки не было. Откуда же она взялась? Постоял, посмотрел, а потом и сам начал прыгать вместе с Изюмкой. Девочки были довольны: вот сколько радости доставили они ребятам!

Впрочем, тут произошёл маленький эпизод, который чуть не разрушил всё непрочное веселье осиротевшей семьи... Антон попрыгал, поплясал, а потом снова задумался о чём-то и вдруг потихоньку исчез из комнаты. Зинины подруги, развеселившись, потешали Изюмку, как могли,— пели песенки, водили хоровод, читали маленькие смешные стихи. А Зина, тотчас заметив исчезновение Антона, вышла из комнаты. Она нашла его в кухне. Антон стоял, открыв дверь кладовки, и смотрел туда, в холодную темноту. Услышав шаги, он обернулся, и Зина увидела, что глаза его широко открыты.

— Ты что тут делаешь? — негромко спросила Зина.— Что ищешь?

Антон тихонько прикрыл кладовку.

— Я думал, может, она там...

У Зины сжалось сердце:

— Кто там? Что ты говоришь, Антон?

— Да так просто.— Антон отвёл глаза.— Я подумал... может, мама? А кто же принёс ёлку? А может, она вдруг взяла да и пришла из больницы?

Зина взяла его за руку и повела в комнату.

— Нет,— сказала она ласково,— мама не пришла ещё. Это мы с Еленой Петровной купили ёлку. Иди попляши с Изюмкой, не надо сейчас говорить про маму, ладно? А то папа придёт, и ему станет скучно... Не будем папу расстраивать? Знаешь, мама велела его беречь! Ладно?

— Ладно,— согласился Антон и кивнул своей остриженной круглой головой.



Зина подошла к портрету матери.

Вскоре пришёл и отец. Он пришёл чистый, выбритый, подстриженный, в свежей рубашке,— видно, прямо с работы успел сходить в баню. Он вошёл в комнату и развёл руками.

— Что такое? Куда я попал? Домой я пришёл или нет?

— Домой! — закричал Антон.— Это наш дом!

— Это наша ёлка! — подхватила Изюмка. И тут же быстрые глаза её подметили, что отец, войдя, поставил на стул большую белую коробку.— Папочка! А это что? Покажи нам скорее!

Белую коробку тотчас окружили.

— Что там такое, а?

— Торт! — сказала Шура и причмокнула.— Наверное, с кремом!

— Ничего подобного, торт завязывают ленточкой, а здесь верёвочка,— возразила Сима.

— А может быть, пирожные?..— мечтательно предположила Фатьма.

Зина вздохнула с улыбкой:

— В такой большой коробке-то? Что ты! Это не может быть. Наверно, папа себе ботинки купил...

Отец, молча улыбаясь, исподлобья поглядывал на ребят и, забавляясь их нетерпением, не спеша развязывал верёвочку.

— Ну, папка, ну, скорей же! — Изюмка кричала и дёргала его за рукав.— Ну что ты, развязывать не умеешь?

Наконец верёвочка развязана, коробка открыта — и в комнате раздался общий вздох восхищения. Из коробки хлынули серебряные лучи, искры и молнии...

Игрушки!.. Такого подарка никто не ожидал. Новые ёлочные игрушки!

Девочки тотчас принялись разбирать их и вешать на ёлку. Потянулись цепи круглых блестящих бус, закачались на ветках большие шары с красными и синими вмятинами, полились серебряные нити дождя, засверкали рыбки, птички, парашютики, корзиночки, зайчики, снежинки из тонкого серебра...

В эту минуту вошла Катерина Егоровна.

— Ах, какая богатая ёлка! — сказала она.— Вот так ёлочка! Хороша!

Отец вскочил, обрадовался:

— Вот спасибо, Катерина Егоровна! Спасибо, что не забываете нас.

— Выдумал! Почему же это я буду вас забывать? Вот тут ребятишкам кое-что. Хозяйки-то в доме нет. А вы, мужчины, в этом ни шиша не понимаете. Зиночка, поди-ка сюда! На вот, посмотри, что тут — годится ли?

Зина поблагодарила Катерину Егоровну и унесла свёрток в спальню. И подруги и ребятишки гурьбой бросились туда же. В свёртке оказалось голубое платье из лёгкой шерсти — Зине. Розовое платьице всё в складочках — Изюмке. И синий костюм с матросским воротником — Антону. Девочки пристали, чтобы всё это надеть сейчас же. Антон, ничего не говоря, уже стаскивал с себя старую рубашку, а Изюмка приплясывала на месте от радости. Шура и Фатьма принялись одевать ребятишек, а Сима помогла одеться Зине. И вот они все трое, нарядные и счастливые, вышли из спальни. Зина бросилась к Катерине Егоровне, крепко обняла её и поцеловала. Отец покачал головой:

— Как благодарить тебя, Катерина Егоровна? Не знаю.

— А и знать-то нечего,— засмеялась Катерина Егоровна.— Ещё неизвестно, кому и кого надо благодарить. Неизвестно, что приятнее: получать подарки или дарить? Мне вот, например, дарить всегда веселее!.. А между прочим,— Катерина Егоровна оглянулась на пустой стол,— соловьёв баснями не кормят. Давайте-ка Новый год встречать!

— А как же хозяин? — спросил отец.

— Сейчас и хозяин прибудет. Встретим у тебя, а потом на банкет поедем. Что ж делать? Директор! Обязательно банкет. А по мне хоть бы и дома просидеть.

— Сюда приедет? — удивился и обрадовался отец.— Ах, какой же вы мне праздник устроили!

Отец засуетился. Он шепнул, чтобы Зина и Фатьма сбегали за Даримой — она была добра к ним, нельзя же не позвать её на праздник. Позвали и тётю Грушу: без тёти Груши тоже нельзя. И Анну Кузьминичну позвали — хоть и не сходила Анна Кузьминична за уборщицей, но ведь всё-таки хотела же сходить!

Скоро вокруг белоснежного стола собрался весёлый круг гостей. Приехал и «хозяин»,

директор завода, муж Катерины Егоровны Владимир Никитич. Он вошёл с шумом, с одышкой, с громким говором, румяный, коренастый, голубоглазый человек.

— А поесть чего-нибудь привёз? — спросила Катерина Егоровна.

— А как же? — ответил Владимир Никитич и начал вытаскивать из карманов свёртки.

За стол вместе со взрослыми посадили и Шуру, и Фатьму, и Антона, и Изюмку, и Зину. Только Сима ушла: было уже поздно, а она жила далеко.

— С наступающим Новым годом! — Владимир Никитич поднял рюмку и чокнулся с отцом. — С наступающим! Желаю тебе, Андрей Никанорович, твёрдо стоять на земле. А пошатнёшься — протяни руку, поддержим. Не забывай, что рядом с тобой товарищи и друзья. С наступающим!

— Спасибо! — ответил отец. — Желаю вам всем счастья... Желаю того, что вам самим хочется. А говорят, когда пожелаешь людям чего от чистого сердца, то обязательно сбудется! С наступающим!

Звенели рюмки и стаканы, люди говорили друг другу добрые, хорошие слова, от которых всем становилось тепло и радостно... И богато убранная ёлка празднично и торжественно сияла своими огнями.

Зина выбрала минутку, вошла в спальню и, подойдя к портрету матери, который она повесила над постелью Изюмки, прошептала:

— С Новым годом, мамочка! Видишь, мама? Вот и у нас не хуже, чем у людей. Видишь, мамочка? Ты за нас не бойся.

ТАМАРА ТОЖЕ ВСТРЕЧАЕТ НОВЫЙ ГОД

Тамара видела, как девочки, окружив Зину и Елену Петровну, отправились покупать ёлку. Минуты две она глядела им вслед блестящими глазами: может, побежать, догнать и пойти вместе с ними? Она уже сделала несколько шагов и остановилась. А зачем? Разве они звали её?

«Звали! Вот ещё! Агатову тоже не звали, а она взяла да и пошла. Может, и мне?»

Тамара выбежала за калитку и опять остановилась.

«Даже и не оглядываются. А что я им буду навязываться? Не буду. Стрешнева тоже хороша! То друзья на всю жизнь, а то!.. А может, догнать всё-таки?»

Но девочки и Елена Петровна уже скрылись за углом, и Тамара повернула домой. Ещё в прихожей Тамара услышала, что дома у них неурядица. Из столовой доносились раздражённые голоса.

— А я нахожу, что это возмутительно! — говорила Антонина Андроновна. — Я берегу девочку, чтобы никакой работы, никакой заботы, не позволяю ей носового платка выстирать! Да, да, и незачем ей это делать, у нас есть Ирина, мы ей за это деньги платим!.. А тебе непременно нужно, чтобы Тамара шла к каким-то Стрешневым что-то мыть, что-то убирать!

— Ничего позорного не вижу, — холодно отвечал отец. — Моя мать сама мыла полы, обшивала и обстирывала всех своих детей, а у неё было пятеро. И ничего не внушала людям, кроме уважения.

— Что ты всё говоришь мне о своей матери? Вот ещё! У твоей матери отец не был главным инженером! Какое сравнение!

— Ох, не кричи так!

Отец резко отодвинул тарелку, и что-то со звоном полетело на пол.

— Как это, не кричи? — повысила голос Антонина Андроновна. — Я и так всё одна. Весь дом на моих плечах, а ты даже и посоветовать ничего не хочешь!

— Я тебе уже сказал, что девчонка могла бы пойти и помочь подруге в такой день, как сегодня. Ведь там матери нет! Доходит это до тебя или не доходит? А ты боишься, как бы она ручки не запачкала!..

— Если твоя мамаша мыла полы, то, значит, не надо создавать нашей дочери хорошую жизнь?

— Ах, создавай, создавай, пожалуйста! Делай из неё парикмахерскую куклу без души и сердца!.. Такую же, как ты сама!

— Ну вот, ну вот! — Антонина Андроновна заплакала. — Если я люблю культуру... если ты сам отсталый... грубый...

Отец стремительно вышел из столовой и захлопнул за собой дверь кабинета.

Тамара неподвижно стояла у вешалки, наполовину расстегнув шубку. Праздничное настроение — ёлка, подарки, Новый год — сразу исчезло. Она медленно разделась и подошла к большому зеркалу. Парикмахерская кукла... Почему парикмахерская кукла? Она уже не носит клетчатого банта на голове, а форменное платье у неё такое же, как у всех девочек, — только получше сшито... Почему же парикмахерская кукла? Может, потому, что её рыжеватые кудри копной стоят на голове? Но ведь она их приглаживает и примачивает, когда идёт в школу — ей уже не раз доставалось за эти завитки от учительницы. Так почему же она парикмахерская кукла?

И вдруг она догадалась:

«...без души и сердца!»

А, значит, вот почему? Но разве отец знает, почему Тамара не пошла к Зине сегодня? Разве он знает, как Зина ответила ей однажды: «Ты ко мне? А меня нет дома»?

Горькие, противоречивые чувства кипели в сердце Тамары. Каждый раз, когда отец и мать ссорились, Тамаре казалось, что в квартиру входила тоска, наполняла все комнаты, придавая каждой вещи мрачное выражение. Так и сегодня: всё сделалось скучным и тёмным. Даже огромная новогодняя ёлка, протянувшая во все стороны тяжёлые от игрушек лапы, словно скучала и томилась в углу её спальни.

Как быть Тамаре? На чью сторону стать, за кого заступаться? А ссорятся они чаще всего именно из-за неё. Как-то отец послал Тамару за хлебом — Ирина была в отпуску, — но мать не пустила её и пошла за хлебом сама. Отец тогда так рассердился, что уехал без обеда. Так же рассердился он из-за дорогого шёлкового платья, которое мать сделала ей к Первому мая. Он сказал, что девчонкам, которые ещё не знают, как зарабатывать на хлеб, незачем носить дорогие шелка... Ну, мать, конечно, тоже не молчала, она так кричала на отца, что он сразу убежал из дома. Они кричали и бранились, не выбирая выра-

жений, а Тамара так и не знала, кто же из них прав. И как ей жить на свете: так, как велит мама, или как живёт отец? Её избалованным рукам нравилось безделье, шёлковые платья ей тоже нравились... Но Тамара уже начинала понимать, что отец презирает мать за её праздную жизнь, за её самомнение, за её эгоизм, за то, что от неё на земле «ни пользы, ни радости людям». Ведь она не раз слышала всё это, при ней не стеснялись высказываться. Раньше, когда Тамара была поменьше, всё было просто: мать балует её, значит, мать и права. А на отца вообще нечего обращать внимания: он отсталый, некультурный, и считаться с ним не стоит. Даже Ирина — и та с ним не считается!

Но теперь, особенно после того, как Тамара увидела своего отца на заводе и почувствовала, каким уважением и симпатией он там окружён и что как раз с ним-то там очень считаются, тревожные и трудные мысли стали одолевать Тамару. Так ли уж права её мать? И такой ли уж отсталый и некультурный у неё отец? И почему директор сколько раз приглашал к себе отца на совет, а потом увозил его домой и там принимал как гостя, а мать в это время сидела дома? Тамара слышала, как она горько пеняла отцу за это! И почему Катерина Егоровна так любила зинину мать, а придти к тамариной матери без стеснения отказалась? И почему теперь — Тамара чувствует это — подруги всё дальше и дальше отходят от неё самой?

Тамара сидела в сумерках своей комнаты и думала. Алые отблески дня, горевшие в бусах и цветных ёлочных шарах, тускнели и гасли один за другим. Слышно было, как ходит за стеной мать, как Ирина убирает со стола, гремя посудой... Только в кабинете отца стояла тишина. Вдруг мать, шурша жёстким шёлком, вошла в комнату и включила свет.

— Ты здесь? — удивилась она, увидев Тамару.— Ты не обедала?

— Нет.

— А почему же? Какие странные фантазии! Может, потому, что у твоего отца мамаша нередко без обеда оставалась?

Тамара понимала, что это говорится для отца, и молчала.

— Иди поешь сейчас же! — приказала мать.— Что это за фокусы? Сидит одна и думает о чём-то, будто какой-нибудь Стократ: «Я знаю, что знаю»!

Лукавое лицо Ирины, проходившей мимо с посудой, заглянуло в дверь:

— Как, Антонина Андроновна? Как его звали?

— Кого? — гордо спросила Антонина Андроновна, чувствуя, что у неё краснеют уши.

— Ну, вот того, кто сидел и думал?.. Стократ?

— Делай своё дело и не лезь туда, где тебя не спрашивают!

Ирина тотчас скрылась, но Тамара уловила насмешливую улыбку, скользнувшую по её круглому лицу.

— Его звали не Стократ, а Сократ,— хмуро сказала Тамара.

— Не учи! Мала ещё! Ступай обедать. Ведь скоро собираться надо — Новый год встречать. Только я и заботься обо всех. Всё я да я! А больше никому и дела нет! Стократ, Сократ, подумаешь, разница!

На улице стемнело, но времени было мало, всего только восьмой час. Тамара пообедала и уселась с книгой на диван. Но ей не читалось. Шум улицы и блеск праздничных огней не проникали в окна, плотно закрытые шторами. Вечер, который сулил ей столько радости, тянулся медленно и как-то бесцельно.

Между тем Антонина Андроновна готовилась к банкету. Новое яркофиолетовое платье лежало на кресле, широко раскинув модные рукава. Антонина Андроновна завивалась перед зеркалом, и запах палёных волос носился по квартире.

— Тамара, что же ты сидишь? — гремя перегретыми щипцами, спросила она.— Ты бы хоть платье примерила. А вдруг что не так? Тогда в последнюю минуту и начнётся горячка!

— В последнюю минуту я лягу спать,— ответила Тамара.

Антонина Андроновна чуть не выпустила щипцы из рук:

— Что такое? Ляжешь спать?

— Да.

— А что же к Шурочке?

— Она меня не звала.

— Вон как! — Антонина Андроновна принялась яростно накручивать на щипцы прядь волос.— Знаться не хотят! А кого же они позвали, интересно?

— Никого. Они сами к Стрешневым пошли.

— Чудно! — Антонина Андроновна усмехнулась и пожала плечами.— Подходящее общество для директорской семьи! Ну так поедем, как и собирались раньше, к Лидии Константиновне. Я тебя отвезу туда, а с банкета за тобой заедем. Там собирается молодёжь, ты отлично проведёшь время! Я бы тебя взяла на банкет, но это неудобно, неприлично!

— Я не поеду к Лидии Константиновне.

— Как? Но не сидеть же мне с тобой дома?

— Я буду сидеть одна. А ты не сиди!

— Опять фокусы! — закричала Антонина Андроновна.

Тамара заткнула уши.

Мелодично прозвенел телефон. Антонина Андроновна поспешно взяла трубку, но звали не её, а Николая Сергеевича. Она остановилась у двери и стала слушать. Тамара видела, что мать стоит и слушает, и тотчас представила, как она сама не раз подслушивала у двери. Тамара отвернулась.

— Сейчас приехать? — говорил кому-то отец.— А вы тоже у Стрешневых? Хорошо. А как же банкет, Владимир Никитич? Успеем? Хорошо, Владимир Никитич. А Стрешнева нельзя с собой утащить? Хочет побыть с детьми? Да... да. Он прав. Хорошо, еду.

— Это куда же, разрешите спросить? — вскинулась Антонина Андроновна.

— К Стрешневу. А ты бери машину и поезжай на банкет... Я потом приеду.

— Одна? При живом муже?

— Пригласи Петушковых.

Отец оделся и ушёл. Мать, разгневанная, закрылась в спальне.

Тамара сидела в уголке дивана и прислушивалась, что делает мать. «А вдруг она сей-

час выйдет из спальни в своём домашнем халате, с косой, заплетённой на ночь, и скажет:

— Стрешнев хочет побыть с детьми сегодня. Знаешь, я тоже решила сегодня побыть со своей дочкой!

— Да, да, мамочка! — закричит тогда Тамара, вскочит с дивана и закружится по комнате.— Как я рада, что мы с тобой вместе будем встречать Новый год! Мы накроем стол, поставим всё, что у нас есть, зажжём ёлку! А потом мы с тобой споём песенку, которую ты пела мне, когда я была совсем маленькая! Помнишь? Я ложилась спать, а ты около меня пела, и я засыпала... Такая хорошая песенка!.. Отец ушёл. Он сказал, что Стрешнев сегодня хочет побыть с детьми. А у нашего отца, значит, нет никого! Ну и ладно! А мы с тобой встретим Новый год, мамочка! Ты со мной не соскучишься, вот увидишь!»

Большие часы в столовой медленно пробили десять. Мать в яркофиолетовом платье с золотыми пуговицами и золотым поясом, завитая и надушенная, вошла в комнату. Тамара вскочила, но, взглянув на неё, снова забилась в угол дивана.

— Ты что? — спросила Антонина Андроновна.

— Ничего.

И вдруг Тамара спросила:

— Мама... а что, если бы ты побыла дома немножко?.. Ещё рано...

Но мать, расстроенная исчезновением отца и озабоченная тем, как сидит её новое платье



— Тамара, что же ты сидишь? — гремя щипцами, спросила Антонина Андроновна.

и не скажет ли кто, что жена главного инженера небогато одета, не обратила внимания на эти слова.

— Глупости, глупости! — сказала она, заглядывая в зеркало.— Ещё рано? Ничего. Я заеду к Петушковым... Запри дверь хорошенько и никому не открывай. Слышишь? Никому! Ирина сегодня не вернётся, а у нас есть ключ. Спокойной ночи, девочка! В буфете торт. Отрежь себе кусочек!

Тамара так и сделала. Заперла за матерью дверь, отрезала себе торта. Но что же делать дальше одной в пустой квартире в такой вечер, когда все люди веселятся?

«Твоя мама ничего не делает и никого не любит, вот и сидит одна!» — сказала ей как-то Зина. Может, и она, Тамара, тоже сидит одна потому, что не любит никого? Она — никого? И её — никто?

Ну и пусть! Тамара будет одна встречать Новый год!

Она запустила радио на полную мощность, обошла все комнаты и всюду зажгла свет. Включила разноцветные лампочки на ёлке, отчего ёлка залилась серебром и блёстками... Хотела достать из буфета вина и хрустальный бокал, но оказалось, что вино и бокалы заперты. Тогда она налила в чайную чашку холодного чаю. И, подойдя с этой чашкой к зеркалу, крикнула:

— С Новым годом, Тамара!

Странное отражение взглянуло на неё — растрёпанные волосы, скрутившийся в трубочку пионерский галстук, смятое платье. Тамара Белокурова, у которой сегодня нет ни матери, ни отца,— вот она какая!

Тамара поспешно убрала чашку, погасила огни, выключила радио. Только разноцветные лампочки на ёлке оставила. И легла спать.

Так она встретила Новый год. В этот вечер она особенно остро поняла, что это такое остаться одной, когда у тебя нет друзей и когда никто не ждёт и не зовёт тебя...

ПЕРЕМЕНЫ

Прошли, прошумели новогодние каникулы. Школьницы наши веселились, как могли. Многие побывали в Колонном зале Дома со-



Экскурсовод вела их из зала в зал, объясняла, кто написал эти картины, чем эти картины замечательны, рассказывала, как они были написаны.

юзов на ёлке; Зина с ребятишками тоже ходила. И долго все трое рассказывали отцу, каких чудес они там нагляделись. Они видели ёлку ростом с дом, и ёлка эта не стояла неподвижно, а медленно кружилась и вся блестела. Они плясали там со Снегурочкой и с Котом в сапогах, а у Кота был длинный хвост и красная шляпа с пером. Там был клоун, который играл на гармошке, дудел в дудку и в то же время стучал в медные тарелки... И там в кукольном театре бегала мышка.

А всем ребятам раздавали золотые и серебряные шапочки. Антон свою шапочку уронил и сам же наступил на неё нечаянно. А Изюмка свою принесла – вот она!

Подруги собирались и толпой ходили на каток. То-то радость, то-то веселье мчаться под музыку по зеркальному льду, в котором сияют, словно в тёмной воде, отражения больших фонарей!..

Ходили в кино. Побывали в кукольном театре. Ездили в Третьяковскую галерею.

Зина в Третьяковской галерее была первый раз. Да, пожалуй, и никто из девочек не бывал здесь раньше. Школьницы сбились в кучку, стараясь не отстать от Ирины Леонидовны и боясь потеряться в толпе. Экскурсовод вела их из зала в зал, объясняла, кто написал эти картины, чем эти картины замечательны, рассказывала, как они были написаны... Зина жадно слушала, боясь проронить слово, старалась всё понять, всё запомнить, некоторые картины она радостно узнавала: вот мишки – «Утро в сосновом лесу»! А вот «Берёзовая роща» Куинджи – репродукция с этой картины висит у них в классе! Вот и «Три богатыря» Васнецова и «Алёнушка» – печальная девушка на камне у тёмной воды!

Царство картин, неведомое и прекрасное, встало перед Зиной, окружило и ошеломило

её. Оттого, что хотелось всё увидеть и запомнить, заболела голова. Внимание притупилось. И Зина сердилась на себя за то, что начинает проходить мимо некоторых картин, не глядя... Школьницы дошли до картин Левитана, посмотрели их и пошли дальше. А Зина осталась. Она не заметила, как ушла экскурсия. Фатьма потянула её за руку, но она сказала: «Сейчас, сейчас!..» — а сама всё стояла и глядела на неподвижную воду омута, на золото берёзок над синей рекой, на солнечную радость первой весенней зелени. Девочки потом еле отыскали Зину, а она стояла перед этими картинами, как во сне.

— И что в них увидела? — удивилась Тамара.— Тут даже и людей нету!

— Зина, а правда, почему ты тут стояла? — спросила её Маша Репкина.— Вот Иван Грозный убил сына — это да! А что тут стоять?

— Не знаю,— ответила Зина.

— Моей маме тоже, наверно, эти картины понравились бы,— сказала Фатьма.— Она очень любит деревья.

«А правда, почему?» — думала и Зина. И не знала, почему. Она чувствовала только, что новый мир открылся перед ней, волнующий мир красок, настроений, мир, куда бессознательно всё время тянется её душа...

«Я ещё приду сюда,— решила Зина,— обязательно приду! Приду одна и буду глядеть, сколько захочу! Завтра же приду!»

Но назавтра Зине не удалось придти в Третьяковскую галерею: оказалось, что дома кончились крупа и масло. Надо было идти в магазин. И послезавтра не удалось: у Антона прохудились локти на курточке, надо было зачинить. Очень долго чинила Зина эту курточку, всё получалось как-то нескладно — то заплатка велика, то заплатка мала, то стягивается кульком,— как же Антон наденет такую куртку? Потом надо было ребятам постирать чулки, а стала стирать,— увидела, что их и штопать нужно. Мелкие хозяйственные дела обступили Зину со всех сторон, а руки у неё были ещё неопытные, неумелые, и то, что мама делала между прочим, у Зины отнимало много труда и много времени. Иногда ей очень хотелось бросить всё и убежать к подружкам — к Фатьме, к Шуре, к Маше Репкиной... У Маши всегда затевались какие-нибудь игры — народу в семье было много. Или пойти к Симе Агатовой. Там тоже было нескучно: Костя созывал своих товарищей, устанавливал диафильм и показывал картины, как в кино!

Убежать? А Изюмка пусть ходит с оторванными пуговицами? Недавно Анна Кузьминична увидела, что у Изюмки оборвался шнурок на ботинке, и начала вздыхать:

— Эх, без матери-то! Всё вкривь да вкось!

Ну нет! Не будет у них всё вкривь да вкось. Зина не бросит всё и не убежит к подружкам. Что же делать, ведь она старшая сестра!

В свободные минуты тянуло рисовать. Рисовала что придётся: тропический лес, возникающий на морозном стекле, цветок на окне, освещённый солнцем, луга и берёзки над синей речкой, которые часто мерещились ей...

Но свободных минут этих было так мало! А когда кончились каникулы, то их не стало совсем. Зина вымыла кисти, сложила бумагу и краски и убрала в ящик своего стола. В ящике она увидела засохшую жёлтую веточку дуба с потускневшими желудями. Зина взяла её в руки,— сразу вспомнились обещания, данные в лесу «перед лицом синего неба». Зина улыбнулась: какая маленькая и глупая девчонка была она тогда! И небрежно бросила веточку на стол.

«А кто был со мной, когда пришла беда? Кто настоящий друг, тот и был. А кто обещался на всю жизнь, того я и не видела. Да и я сама... На всю жизнь! Тамара, Маша... Где они? А Фатьме не обещала. И Фатьма мне не обещала. И правда, зачем обещать? Мы и без обещания никогда не разлюбим друг друга».

И чтобы дубовая веточка не напоминала больше ни о чём, Зина открыла форточку и выбросила её за окно.

В первый же день занятий шестой класс услышал неприятную новость: Елену Петровну перевели руководительницей в седьмой класс, а в шестой пришла Вера Ивановна. Когда Вера Ивановна вошла в класс и, окинув девочек холодным светлым взглядом, сообщила это, над партами пронёсся вздох разочарования.

— А почему? — невольно вырвалось у Симы Агатовой.

Вера Ивановна спокойно поглядела на неё:

— Когда хотите спросить, поднимайте руку. И, обращаясь к учительнице, надо вставать.

Сима Агатова подняла руку.

— Встань и скажи, что ты хочешь,— сказала Вера Ивановна.

Сима встала. Смуглое лицо её жарко загорелось.

— Я хочу узнать: почему от нас ушла Елена Петровна? Мы её очень любим и...

— Елена Петровна ушла потому, что мы нашли это целесообразным,— прервала её Вера Ивановна,— и прошу на эту тему больше не задавать вопросов.

Вера Ивановна прошлась от стола к окну, от окна к столу. Класс молчал.

— Надеюсь, вы каникулы не пробегали зря,— сказала она,— надеюсь, вы читали, повторяли пройденное, готовились к занятиям? Наша главная задача — овладевать знаниями. И я надеюсь, мне не придётся напоминать вам об этом. А теперь начнём урок.

Зина слушала, поджав губы и опустив ресницы. Елена Петровна будет у седьмых — счастливые! А Вера Ивановна, которую она так боялась, когда та вызывала отвечать урок, и от взгляда которой делалось холодно,— эта Вера Ивановна теперь всё время будет у них! Всё время, каждый день!

Зина оглянулась на девочек, и то же выражение разочарования увидела на их лицах. Родной класс словно утратил свою приветливость, и даже в «Берёзовой роще» на стене словно потускнело солнце.

А вскоре и ещё одна перемена произошла в жизни: Зина стала плохой ученицей.

Как же это случилось? Как произошло, что у круглой пятёрочницы Зины Стрешневой появились тройки? И чем дальше, тем больше троек, они постепенно вытесняли последние четвёрки из её табеля.

Случилось это не сразу. Дни бежали за днями, и в классе, где шла своя кипучая жизнь,

постепенно отошло на какой-то далёкий план тяжёлое событие, которое ворвалось в жизнь ученицы Зины Стрешневой. Бывает так: попал человек в яму — его вытащили. Может быть, ценой больших усилий, но вытащили. И беда кончилась. Или заболел человек тяжело — его вылечили, выходили — и опять беда кончилась. Но то, что случилось у Зины, не могло кончиться. И, может быть, легче совершить ради друга героический поступок, чем изо дня в день помнить о каких-то мелочных заботах и неурядицах, которые твоего друга одолевают. У каждого человека свои дела и свои заботы. То надо готовить уроки, то надо помочь маме: помыть посуду, сходить в магазин. То слишком хороша погода на улице и слишком заманчиво блестит лёд на катке — ну как же не сбегать, не покататься?! А там пионерские поручения, школьные дела. Да мало ли!

Так понемножку всё реже и реже стали приходить к Зине подружки помогать ей в хозяйстве. А Елены Петровны, которая каждый день спрашивала: «Девочки, а не забыли вы Зину Стрешневу?»,— Елены Петровны у них уже не было. Девочки прознали, что перевели её в седьмой класс из-за того, что седьмой класс считался трудным, что там много отстающих и что Елена Петровна сумеет их подтянуть, потому что она хорошая руководительница и потому, что ученицы её любят. Когда разговоры эти дошли до шестого класса, то Симе Агатовой пришла озорная мысль.

— Девочки, давайте и мы плохо учиться! — пошутила она.— Может, тогда Елена Петровна опять придёт к нам!

Елена Петровна тоже не могла сразу отстать от своего шестого класса. Иногда она ещё вмешивалась в его дела.

— Почему у вас нет новой стенгазеты? — спросила она как-то, остановив на большой перемене Машу Репкину.— Всё ещё прошлогодняя болтается!

Маша покраснела, оглянулась на Шуру Зыбину, которая стояла рядом, на Олю Сизову... Те молчали.

— Потому, что Катя Цветкова — она редактор — то приходит в класс, то не приходит. Она болеет. И заметок мало. А потом Зина Стрешнева никак не может заголовок нарисовать: ей некогда... Вот и газеты нет.

— Эх вы! — Елена Петровна покачала головой.— Значит, у вас всё дело на Кате да на Зине повисло?! А помощники где же? Редколлегия? Актив?

Понемножку Елену Петровну окружили девочки из шестого, пошли разговоры, расспросы. Тут же решили, что если Катя болеет, то член редколлегии Шура Зыбина заменит её, а заголовок нарисуют Оля Сизова и Мотя Щеглова, они тоже неплохие рисовальщицы...

Мимо прошла Вера Ивановна, молча взглянула на Елену Петровну. А потом в учительской сказала ей:

— Я нахожу, что девочки не должны устраивать собраний на перемене. И насчёт стенгазеты они могли бы посоветоваться со мной, ведь я же их классная руководительница! А вы, Елена Петровна, как находите?

— Очевидно, вы правы,— сдержанно ответила Елена Петровна.— Извините.



Увидев Зину, Елена Петровна подошла к ней.

Но ещё раз она попробовала вмешаться. Увидев в коридоре Зину Стрешневу, Елена Петровна подошла к ней:

— Зина, как ты поживаешь? Как у тебя дома? Как ты справляешься?

— Ничего,— застенчиво ответила Зина.

— А ты почему такая бледная? Устаёшь, наверно? А девочки помогают тебе?

Заботливый голос учительницы, теплота её глаз, нежное прикосновение руки — всё это взволновало Зину.

«Я очень устала,— хотела бы ответить Зина,— очень я устаю! Девочки ходят ко мне редко, часто ходит только одна Фатьма... Она помогает мне, но мы ничего не успеваем. И уроки делать я не успеваю тоже...»

Так бы она хотела ответить. Но вместо этого опустила глаза и промолчала. Если девочки услышат, что она жалуется, хорошо ли это будет? И если Елена Петровна узнает, что девочки почти перестали помогать Зине, то не будет ли неприятностей её подругам? Неприятностей Зина им не хотела: они тогда были добры к ней, они много заботились о ней, много помогали... И Зина ответила:

— Нет, ничего. Я справляюсь... И Фатьма всё время приходит.

Но Елена Петровна, внимательно глядя ей в глаза, покачала головой. «Нет, нет, не так

благополучно у этой девочки, как она говорит!»

Не откладывая дела, Елена Петровна пошла к Вере Ивановне. Вера Ивановна сидела в учительской и что-то писала в большой, аккуратно разграфлённой общей тетради.

— Мои наблюдения,— сказала она Елене Петровне,— когда-нибудь пригодятся молодым учителям.

— Может быть, и мне?— спросила Елена Петровна.

— Может быть. Это тетрадь о девочках шестого класса.

— Можно? — И Елена Петровна взяла тетрадь.

...«Сима Агатова слишком много и громко смеётся, это изобличает легкомыслие характера. Она председатель совета отряда — это ошибка. Председателем должна быть Алла Сергеева, она скромна, тиха и умеет себя вести прилично».

— Но Алла такая ленивая! — воскликнула Елена Петровна, прочитав эти строчки.— Она вялая, безинициативная... Она и учится-то еле-еле, девочки её вытягивают! А разве председателю совета отряда надо непременно быть тихим? Разве в этом главное качество пионера? Да с Аллой весь отряд просто заснёт!

— Это вы так думаете,— возразила Вера Ивановна,— а на самом деле не так.

...«Благородная девочка Тамара Белокурова. Недавно она сказала: «Перед лицом друзей моих обещаю, что выставка нашего класса будет лучшая в школе!» — Такие слова может произносить только человек с высокой душой».

— Такие слова может произносить и пустой, самонадеянный человек тоже,— сказала Елена Петровна.

Вера Ивановна взяла тетрадь из её рук.

— Это вы так думаете,— недовольно повторила она.

Елена Петровна пожала плечами:

— Возможно. Только, пожалуй, я этих девочек знаю лучше! Но я к вам пришла вот с чем,— продолжала Елена Петровна.— Как это сказать? Пожалуй, с просьбой... Там у вас Зина Стрешнева. Сирота. У неё недавно умерла мать.

— Знаю,— сказала Вера Ивановна,— так что же?

— Так вот, что-то очень плохой вид у неё. Боюсь, что трудно ей приходится. Надо бы проследить, помогают ли ей пионерки. Ведь девочек много, если то одна, то другая забежит, им нетрудно. А Стрешневой большая поддержка.

Елена Петровна подняла глаза и встретила холодный взгляд Веры Ивановны.

— Я поговорю с ней. Но,— круглые брови Веры Ивановны высоко поднялись,— у меня метод воспитания другой. Я считаю, что не надо расслаблять человека всякой помощью, а надо закалять его. Пионер должен быть сильным и закалённым.

— Вера Ивановна!..— широко раскрыв от возмущения глаза, начала Елена Петровна.

Но Вера Ивановна перебила её:

— У всякого свой метод воспитания. У вас — свой. У меня — свой. А так как руковожу шестым классом я, то я буду проводить свой метод воспитания. А не ваш. Но я поговорю со Стрешневой... раз вы просите.

«А что толку, что ты с ней поговоришь! — с горечью подумала Елена Петровна.— Лучше я о тебе самой с Марьей Васильевной поговорю!»

Марья Васильевна ответила Елене Петровне ласково, но твёрдо:

— Дитя моё, у вас ваш седьмой класс. Я понимаю, что сердце ваше ещё там, в шестом, но вмешиваться в работу Веры Ивановны неудобно. Это нетактично. Что получится, если все наши учителя начнут учить друг друга? Делайте ваше дело. А уж следить за методами работы буду я. Вмешиваться в дела шестого класса я вам запрещаю.

И Елена Петровна больше не вмешивалась. Она могла только, встречая в коридоре своих девочек, улыбнуться им, пошутить мимоходом да пожелать успехов.

Зимний день играл морозными искорками на стёклах. Зина стояла у плиты и задумчиво глядела на эти искорки, машинально помешивая кашу.

«Что сначала: сделать уроки или убрать комнату? — думала она.— А на улице как хорошо!.. Девочки сегодня собирались в зоопарк... Красиво там, деревья в инее, и снежок хрустит под ногами! А что, львы боятся мороза? Наверно, боятся. Они привыкли в пустынях жить... Да, так что же сначала? Повторю географию. Завтра география, а я ещё и прошлый урок не выучила, спутала всё... К завтрему обязательно подготовиться надо, обязательно, а то совсем провалюсь! Или всё-таки комнату убрать, а уроки вечером? А то отец придёт — ничего не убрано...»

Запахло горелым. Зина поспешно сняла кастрюлю с огня.

В коридоре тотчас послышалось знакомое шарканье туфель Анны Кузьминичны.

— Опять горит что-то? Эх ты, хозяйка! Стоит у плиты и спит! Полную квартиру гари напустила!

— Чуть-чуть,— негромко возразила Зина.

Но лучше бы не возражала. Анне Кузьминичне хотелось поговорить, а не с кем было.



— Ты что, уже взрослый? — спросил отец.

Ну хоть поворчать на Зину — и то разговор. И Зина должна была выслушать, что в старину в её годы девчонки в поле работали и за станками на фабрике стояли, копейку для дома зарабатывали, а она вот не умеет даже кашу сварить!

Зина не отвечала. Она начинала привыкать к воркотне Анны Кузьминичны. А главное, боялась, как бы старуха не начала жаловаться на неё отцу. Отца нельзя расстраивать: он на опасной работе.

«...Знаешь, какая у него работа нервная! — Зина каждый раз словно наяву слышала эти слова её матери.— Расстроится, задумается, а раскалённая полоса и вырвется из рук и опояшет».

Зина молчала. Она поставила на огонь большую кастрюлю с супом и пошла убирать комнату. В открытую форточку хлынул морозный воздух, и Зине опять захотелось на улицу, на каток, к Фатьме. Хоть бы снег повозить вместе с нею и с тётей Даримой!

Зина уже научилась быстро готовить свой незатейливый обед, быстро убирать комнату и справляться со всеми хозяйскими делами. Пол в комнате уже не был грязным и запущенным, как прежде. Зина каждый раз протирала его сырой тряпкой. Скатерть тоже была чистая: Зина приноровилась во-время относить в прачечную бельё. Убравшись в комнате, Зина полила и опрыснула цветы. Всё хорошо: свежо, чисто убрано!

— Теперь — за географию.

Но взглянула на часы — какая там география! Скоро уже и отец с Изюмкой придут. И когда это пролетело время? И когда успели погаснуть искорки на морозных стёклах? А тут ещё Антон убежал куда-то! Разболтался парень, где-то ходит по целым дням, а Зина и не знает, где. Что с ним поделаешь? Ну, ладно! Сегодня Зина как следует поговорит с ним.

Антон явился поздно, когда уже и Изюмка и отец были дома. Отец встретил его сурово.

— Ты что, уже взрослый? — спросил он, нахмурившись.— Хочешь жить самостоятельно? Если ты так считаешь, то можешь и вообще не приходить домой!

Антон сопел носом, ковырял пальцем дырочку на обшивке дивана и не поднимал головы.

— Ну, что молчишь? — продолжал отец.— Где был?

— Там у Федьки Клеткина голуби... на том дворе...— начал Антон, еле удерживая слёзы.— Он их гонял... А потом турман улетел... Мы искали...

— Вот в следующий раз, запомни,— отец хлопнул ладонью по столу,— если это повторится, домой не приходи! Так и живи тогда у Клеткина вместе с турманами...

Антон помолчал немного и, вдруг всхлипнув, громко заревел: он представил, как страшно и холодно будет ему с турманами на тёмном чердаке!

— Папочка, он больше не будет! — закричала Изюмка и тоже заплакала.

— Ну, а ты чего? — смягчился отец.— Ты-то ведь из дома не бегаешь?

— Он тоже не будет бегать,— вступилась за Антона Зина.— Правда, Антон?

Зина уже и сама была готова заплакать от жалости, хотя только что крепко сердилась на Антона. И, стараясь, чтобы все поскорее забыли об этой ссоре, она весело сказала:

— Сейчас обедать будем! Ах, и суп же у нас сегодня! С грибками! Со сметаной! Мойте руки, ребята, садитесь!

Антон, который пробегал целый день на морозе, первым побежал мыть руки и первым уселся за стол.

— А после обеда, смотри, не засыпай,— предупредила Зина.— Не дам спать, пока уроки не сделаешь!

— Ладно,— бодро ответил Антон.

Однако Зине пришлось помучиться с ним, пока он приготовил свои уроки. Антон решил, что засыпать не будет, но сон сам одолевал его. Отец ушёл на политзанятия, а если бы он был дома, то, наверно, опять рассердился бы на Антона.

Но вот наконец прошёл день. Тихо в квартире. Ребята спят. Посуда вымыта. Теперь можно и за географию!

Зина уселась за стол, раскрыла учебник, разложила карту. Синие моря, жёлтые пустыни, зелёные степи, звёздочки и кружочки больших городов... Зина любила географию, любила рассматривать рисунки в учебнике и старалась представить, а как это всё выглядит в жизни. Здесь было раздолье для мечтаний. Земля — огромный неведомый мир, зовущий, полный чудес и неожиданностей. Как



Отец вошёл, посмотрел на Зину, и лицо его затуманилось.

бы хотелось увидеть своими глазами всё — и трепетный свет северных сияний, и друзы хрусталя в недрах гор, и плеск синих морей, и тесные улицы восточных городов с окнами, обращёнными внутрь двора... С каждым уроком всё новые и новые картины жизни земного шара раскрывает перед ними учительница географии Софья Николаевна. Как интересно она рассказывает! Учебник лишь скупо, краткими фактами подтверждает её рассказы.

— Сейчас выучу за прошлый урок, а потом — за сегодняшний.

Зина жадно принялась перечитывать заданный урок:

— «Азия — огромная часть света; она занимает несколько меньше трети всей поверхности суши и около одной двенадцатой всей поверхности земли...»

Показалось, что неудобно сидеть. Зина забралась на стул с ногами, оперлась рукой и продолжала урок:

— «...На юге полуостров Малакка доходит почти до экватора...— Зина зевнула,— Малакка доходит до экватора»... Ой, как устала, оказывается, и как хочется спать! Нельзя, нельзя спать, не смей! «Доходит... до экватора...»

Песчаные барханы пустыни запестрели перед глазами. Экватор... Солнце над головой и никакой тени. Усталый караван пробирается через пески... Зелёные пальмы, вода... Какая прозрачная вода и как она блестит на солнце — режет глаза...

Зина во сне отворачивается от света лампы, закрывает ладонью лицо...

Отец вошёл, посмотрел на Зину, и лицо его затуманилось. Он тихонько тронул Зину за плечо:

— Дочка...

Зина тотчас проснулась. Она провела рукой по лицу и откинула со лба белокурые прядки растрепавшихся волос.

— Дочка... как же ты? — каким-то виноватым голосом сказал отец.— Видно, совсем замучилась?

Зина поспешила улыбнуться:

— Что ты, папа! Просто повторяла географию, да вот... заснула! Как маленькая!..

— А ты успеваешь ли уроки-то учить?

— Конечно, успеваю,— ответила Зина как можно уверенней,— всё успеваю, ты не беспокойся!

— Мужественный ты у меня человек! — сказал отец и вздохнул. И, взглянув на часы, добавил: — А теперь иди спать.

— Я вот ещё хочу страничку...

— Нет, нет! — Отец решительно закрыл учебник.— Завтра вставать рано.

Зина проворно сложила книги и ушла в спальню. Отец задумчиво проводил её взглядом:

«Мужество мужеством. Но силы-то хватит ли? — И — уж который раз! — горько упрекнул жену: — Ах, что же ты, ну что же ты наделала!..»

Зина так и не успела выучить географию и получила двойку. Первую двойку за всю свою жизнь.

Шура и Фатьма провожали её домой. Они утешали её, говорили хорошие, ласковые слова, стараясь подбодрить...

Зина не отвечала и словно не слышала, что они говорят.

— Ничего,— говорила Шура,— ты позанимайся — и опять у тебя будут четвёрки и пятёрки... Ты немножко заленилась, наверно!

Зина молчала.

— Я буду к тебе почаще ходить,— ободряла её Фатьма.— Вот не пришла я вчера, ты и не успела выучить. Это я виновата. Это моя двойка, не твоя! Но теперь обязательно буду приходить! Буду тебе картошку чистить, за хлебом ходить!

Зина молчала. Слова подруг летели мимо её ушей. Ей было всё равно — одна двойка, две, три... Всё равно. Теперь уже всё пошло вкривь и вкось, и не остановишь этого.

Шура и Фатьма проводили её до дома. Фатьма хотела остаться, что-нибудь поделать по хозяйству, но Зина сказала, что ничего не надо. Ей хотелось остаться одной и чтоб никто её не трогал. Она машинально накормила ребят, убрала посуду.

— Уроки вместе будем делать? — спросил Антон.

— Делай один,— ответила Зина.— Нам не задали.

Отец, придя с работы, сразу увидел, что у Зины что-то случилось. Он тревожно поглядывал на неё и молчал. И лишь поздно вечером, когда Зина уложила ребят, позвал её и посадил против себя за стол.

— А теперь, дочка, скажи мне всё.

Зина попыталась улыбнуться, но отец остановил её движением руки:

— Не обманывай меня. Говори.

У Зины сбежала улыбка с лица:

— Я получила двойку сегодня...

У неё вдруг задрожали губы и слёзы брызнули из-под крепко зажмуренных ресниц.

— Так...— пальцы отца нервно забарабанили по столу.— Так... Довёл я тебя!

— Папочка, что ты говоришь! Как же ты меня довёл? Я просто не выучила... И в тот раз не выучила...

— Дай-ка мне табель.

Зина достала табель и подала отцу.

— Так,— снова повторил отец, просмотрев табель.— Конечно, больше так нельзя.

— Я буду учить уроки, папочка!

— Конечно, будешь. Только дальше так жить нельзя. Так мы тебя не только в двойки, а прямо в гроб загоним! Посмотрела бы на нас мать в эту минуту! Ох и досталось бы мне за тебя!

— Что ты, папочка!..

— Нет, нет. Довольно. Давай посоветуемся, как нам быть. Я вот думаю: не позвать ли нам к себе из деревни бабушку? Пусть живёт у нас, варит обед, за ребятами смотрит...

— А я?

— А тебе учиться надо, дочка. Ты будешь помогать ей. И будешь учиться.

Отец помолчал, дожидаясь ответа Зины.

— Ну, как же, позовём бабушку? — ещё раз спросил он.

Зина кивнула головой:

— Давай позовём, папочка. Я очень устала! Ох, до чего ж я устала, папочка!

(Продолжение в следующем номере.)



ДОЖДЬ

Рашид Рашидов

Рисунки А. Ливанова.

Жарким полднем туча
В небе появилась,
Шла
и над аулом
Вдруг остановилась.

Заслонила солнце,
И покрылся тенью
Весь аул даргинский
По её веленью.



Заметался ветер,
Засвистел в тревоге,
Столб летучей пыли
Поднял на дороге.

Петухам и курам
Он взъерошил перья,
У дверей и ставней
Вышел из доверья.



То хохочет звонко,
То гудит от гнева,
То рванётся вправо,
То летит налево.

Шапки у мальчишек
С головы срывая,
Ласточек под крыши,
В гнёзда загоняя.



Затворили окна
Жители аула.
Вдруг клинком кавказским
Молния сверкнула.

Тут,
как по сигналу,
Гром на всю округу
Ухнул так,
что ослик
Задрожал с испугу.



Застучали капли
По листве всё чаще,
И на землю хлынул
Ливень настоящий.

Там, где пыль клубилась,
Речка появилась.
Побежала речка
В поле по оврагу,
Жадно пьют деревья
Дождевую влагу.



А бельё, что сохло
Около калитки,
За одну минуту
Вымокло до нитки.

Лейся, дождь весёлый,
Мы с тобою дружим.
Хорошо нам бегать
Босиком по лужам!



Всем ребятам нашим
Тёплым синим летом
Гром грозы не страшен,
Я уверен в этом.

Перевёл с даргинского
Я. Козловский.

ИЩИТЕ, НАБЛЮДАЙТЕ, ИССЛЕДУЙТЕ!

Дорогие ребята!

Мир насекомых очень разнообразен. У насекомых больше различных видов, чем у всех остальных животных, вместе взятых. Жизнь насекомых чрезвычайно интересна и вместе с тем очень плохо изучена. Много занятных историй из этой жизни можете узнать и вы, ребята, наблюдая за насекомыми.

Возьмите для начала одну из самых интересных групп насекомых отряда перепончатокрылых: диких пчёл (домашняя пчела хорошо изучена), разнообразнейших ос, муравьёв. Вооружитесь большой лупой и терпением и наблюдайте, сравнивайте, разгадывайте всё неясное.

Что же наблюдать?

Очень интересны осы — охотники за насекомыми. Проследите, как они строят свои гнёзда, за какой добычей охотятся, как её разыскивают, как убивают, парализуя своим жалом, как готовят из добычи пищу для своих деток.

Где-нибудь на глинистом обрыве разыщите колонию земляных пчёл. Понаблюдайте несколько дней за хозяевами норок, а потом раскопайте их норы. Каждая раскопка откроет вам один какой-нибудь эпизод жизни насекомого. Из множества раскопок постепенно сложится картина всей жизни пчёл. Проводите наблюдения не спеша, вдумчиво, осторожно. Не ограничивайтесь малым числом наблюдений, почаще проверяйте себя, берегитесь поспешных выводов.

Очень интересно следить за муравейниками: что приносят муравьи в своё жилище, что выносят обратно, куда они уходят из муравейника. Отправьтесь и сами за ними в путешествие. Несколько дней настойчивых наблюдений за шестиногими тружениками, и вам откроется множество секретов муравьиной жизни. Для того, чтобы легче было следить за отдельными муравьями, тонкой кисточкой нанесите на их брюшко белое пятнышко акварельных белил. Вскоре вы узнаете, какой урожай собирают муравьи, за кем охотятся, как доят своих «коров» — тлей и оберегают их от врагов, с кем враждуют, кто ещё живёт в муравейнике на положении квартирантов и сожителей, сколько у муравьёв различных «профессий» и многое другое.

Помните, что нельзя наблюдать за всеми насекомыми сразу, не разбрасывайтесь! Мир насекомых слишком велик, чтобы можно было его сразу познать весь целиком. Наблюдайте за одним — двумя видами насекомых.

Наблюдайте утром, днём, вечером. Хорошо посмотреть и ночью, с фонарём. Всё, что увидите, записывайте и зарисовывайте в тетрадку. Имейте в виду, что представителя насекомых, над которыми вы вели наблюдения, нужно обязательно поймать и поместить в коллекцию, чтобы потом у специалистов точно узнать их научное название.

И если у вас хватило терпения и любознательности просидеть дни над муравейником, колонией земляных пчёл, понаблюдать жизнь осы-охотницы, если вас стали мучить вопросы: что, как, почему, зачем,— в добрый час, юные исследователи! «Кто ищет, тот всегда найдёт!» Природа открывает свои тайны тем, кто умеет и любит задавать ей вопросы.

Доктор биологических наук
профессор **П. И. Мариковский.**



Случалось ли вам, ребята, наблюдать бабочек «на водопое»? Посмотрите на фото. Эти бабочки-боярышницы нашли на земле сырое местечко и сосут воду своими хоботками.



РАССКАЗЫ ЭНТОМОЛОГА

П. И. Мариковский

Рисунки В. Константинова.

НОЧНЫЕ ПЕРЕЛЕТЫ

Уже четвёртый час машина безостановочно мчится по бесконечной пустыне. Ровная и гладкая, она кое-где прорезается водомоинами, поросшими кустарниками. Слева возвышается голубая зубчатая полоска гор Архарлы, справа — жёлтая ниточка песков Таукумы, впереди, далеко на горизонте, маячит какая-то жёлтая точка. На небе ни облачка, и хотя дует свежий ветер, нам не холодно: октябрьское солнце ещё хорошо греет.

Иногда взлетает стайка жаворонков, чекан-плясун летит над нами, как бы сопровождая нашу машину.



Полуразрушенная гробница Сары-Али...

Жёлтая точка колышется, отражаясь в озёрах-миражах, и медленно увеличивается. Наконец мы различаем очертания большой полуразрушенной гробницы Сары-Али, сложенной из кирпича-сырца. Дорога минует её, и машина мчится дальше. Ещё час пути, и справа, совсем рядом с дорогой, показывается полоска саксаульников.

Солнце уходит за горизонт. Становится прохладно. Темнеет. На вершине холма в сумерках появляются неясные силуэты сайгаков, застывают на мгновение и внезапно исчезают.

Что может быть чудеснее ночлега в холодную ночь у костра! Ветерок слегка посвистывает в тонких безлистных веточках саксаула, ровно и жарко горит костёр. Сгрудившись у костра, мы слушаем песню чайника и бульканье супа в котле. Вдруг что-то ударяется о чайник, вслед за этим снова раздаётся звук, похожий на щелчок, что-то ударяется о кабину машины. Одного из моих спутников легонько стукнуло по спине, а шофёр Володя стал уверять, что его «полоснуло» по лбу.

Ещё больше темнеет, и в небе загораются крупные, яркие звёзды пустыни. Вода в баке затягивается тоненькой ледяной корочкой: после тёплого дня температура быстро упала значительно ниже нуля. Наступает ночь. В темноте трудно разглядеть что-либо, и мы не можем выяснить, что же это падает вокруг нас. Вот что-то маленькое, тёмное летит прямо в костёр и исчезает в жарком пламени.

Не зажечь ли нам фары автомашины? При свете мы обнаруживаем в котле каких-то тёмных насекомых величиною с таракана-прусака. Пока мы разглядываем утопленников, то и дело раздаются щелчки и такие же насекомые дождём сыплются на землю вокруг костра. Они беспомощно барахтаются, судорожно подёргивают ногами, но подняться в воздух не могут. Через некоторое время они затихают, а вскоре замерзают.

Я рассматриваю ночных пилотов в лакированно-блестящем чёрном одеянии, их



На холме показались сайгаки.

тупо округлую голову с небольшим, плотно прижатым к брюшку хоботком, чёрные глаза, овальное, обтекаемой формы тело. Какие интересные у них ноги! Светлые, плоские, отороченные густыми щетинками — типичные ноги-вёсла. По ногам нетрудно догадаться, что эти насекомые — исконные обитатели водоёмов. Да ведь это клопы-гребляки!



Ровно и жарко горит костёр.

Они живут в стоячих и в проточных водах. Для дыхания гребляки выставляют из воды не конец брюшка, как это делают многие другие водные насекомые, а голову. Весной они откладывают на водяных растениях небольшие кучки яиц. Самцы многих видов гребляков обладают музыкальными способностями. Как смычком, проводят они передней лапкой по своему исчерченному поперечными бороздками хоботку и издают звуки.

Но откуда здесь, в центре безводной пустыни, где в окружности нет ни одного пригодного для гребляков водоёма, взяться клопам-греблякам, да ещё в холодную осеннюю ночь? Река Или и озеро Балхаш находятся не менее чем в восьмидесяти километрах по прямой линии от нас.

Попробуем отогреть гребляка. Лакированный комочек начнёт энергично барахтаться. Подбросим его в воздух: крылья раскрываются, раздаётся едва слышимый шорох — и насекомое в полёте. Но оно не улетает прочь, а поворачивает обратно к свету костра и падает на землю! Костёр, как магнит, притягивает к себе гребляков. Светлое пятно над костром то и дело прочерчивается падающими насекомыми.

В чём же причина такого странного поведения гребляков? Все животные стремятся расселиться по земной поверхности как можно шире. Может быть, это стремление и толкает гребляков в далёкое путешествие, а может быть, они инстинктивно покидают на зиму мелкие промерзающие водоёмы, переселяясь в более глубокие. Гребляки, видимо, очень чувствительны к свету: они способны улавливать слабый свет водоёма, отражающего звёздное небо. У них, как говорят биологи, сильно развит положительный фототаксис — активное стремление к свету.



Клопы-гребляки.

Вот это-то и погубило их. Мерцание нашего костра сбило с пути ночных пилотов, они устремились с высоты вниз, но вместо воды попали на сухую, холодную землю пустыни...

НЕУТОМИМЫЕ ОХОТНИКИ

Знойный воздух неподвижен. Замерли деревья саксаула, ни одна веточка не шелохнётся. Высоко в небе застыло ослепительное солнце. Раскалённый песок жжёт ноги даже сквозь кожаные подошвы, во рту пересохло, мучает жажда.

Кажется, всё живое должно страдать в пустыне так же, как страдают люди. Но, наблюдая жизнь обитателей пустыни, никак нельзя сделать такого вывода. По гребням барханов оживлённо носятся ящерицы — песчаные круглоголовки,— сигнализируя друг другу свёртывающимися хвостами, бегают чернотелки, с треском взлетают кобылки, воздух звенит от разных насекомых, и все они будто радуются нестерпимому зною.



Песчаная круглоголовка.

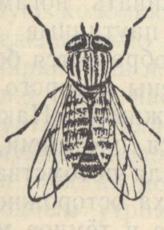
В полуденные часы в песчаной пустыне, поросшей реденьким саксаулом, трудно найти хотя бы островок спасительной тени. Вот разве примоститься там, где с одной стороны выдуло бархан и нависли корни саксаула!..

Когда сняты тяжёлая сумка, фотоаппарат и рюкзак, а мокрая от пота майка повешена на стоящий в стороне куст, сразу становится легче.

Неподалёку от меня проложили дорожку к саксаулу муравьи, они тщательно «доят» тлей. Зажужжала в воздухе крупная сине-зелёная в жёлтых пятнышках пустынная златка и грузно прицепилась к тоненькой веточке. То и дело взлетает песчаная кобылка и, потрещав в воздухе крыльями, снова садится на песок. Какое-то насекомое, жужжа крыльями, настойчиво кружится вокруг повешенной майки, отлетит в сторону и снова возвращается. По звуку полёта легко определить, что это оса, даже можно различить её полосатое брюшко. Может быть, на ветке, где висит майка, она начала строить гнездо? Нет, не похоже! Оса устремляется ко мне, кружится вокруг, не прерывая своей настойчивой песни. Вот она, наконец, устала, села на песок, шевеля брюшком и вздрагивая усиками, но, не просидев и минуты, снова взлетела и стала кружиться вокруг.

Поведение осы совершенно непонятно.

Отдохнув, я отправляюсь в обратный путь, к нашему бивуаку, а оса следует за мною. Она ненадолго исчезает, но через некоторое время появляются уже две осы. Странно: почему эти осы так настойчиво и упорно преследуют человека?



Слепень.

Вот и наш бивуак. Тент растянут на самом берегу реки Или, против горы Песчаный калкан. Вокруг безлюдная, дикая пустыня. На берегу видны следы джейранов и архаров; животные ходят сюда на водопой. Тент — плохое укрытие от жары, и как хорошо, что можно временами погружаться в реку!

Но вскоре к жаре прибавляется новое бедствие: появляются слепни. Большие, грузные, с крупными глазами, они жадно набрасываются на нас. То и дело ощущаешь болезненный укол, поспешно взмахиваешь рукой, но мучитель увёртывается от удара и снова летает вокруг, ожидая удобного момента для нападения.

Откуда взялись здесь эти кровососы, да ещё в таком количестве? Уж не в ожидании ли джейранов и архаров, приходящих к реке на водопой, собрались они?

Целый день они не давали нам покоя, и вдруг на другой день произошла неожиданная перемена в поведении слепней. Ни с того, ни с сего они, как по команде, прячутся по закоулкам, забиваются в щели и затихают. В это время раздаётся гудение крыльев, и под тент врывается пёстрая оса, энергичная и стремительная.



Бембекс уносит добычу.

Неужели слепни испугались осы? Да, в этом не может быть никакого сомнения. Вот залетел под тент неосторожный слепень, и оса столкнулась с ним в воздухе. В мечущемся клубке ничего нельзя разобрать, но когда он падает наземь, видно, как оса наносит удары своим жалом, обхватывает добычу ногами и, тяжело взлетев, исчезает за саксауловыми деревьями.

Так вот кто наш спаситель! Мы с радостью приветствуем появление ос, сами ловим слепней и, удерживая за кончик крыла пинцетом, предлагаем крылатым хищницам. Они благосклонно принимают наши дары.

Вскоре осы, казалось, разведали нашу стоянку, их становится довольно много, а слепни изрядно присмирели. Осы неутомимо разыскивают слепней, они всё время в полёте, в движении, и ни одна из них не присядет отдохнуть от напряжённой охоты.

Оказывается, наши спасительницы — не случайные охотники за слепнями. Они принадлежат к роду ос-бембексов, все представители которого охотятся за этими кровососами и кормят ими своих ли-

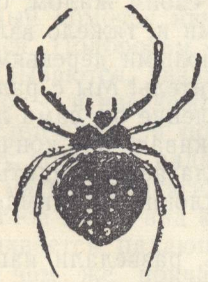
чинок. Обычно эти осы живут в песчаных местностях и роют свои норки в песчаной почве. Осы-бембексы, с которыми встретились мы, часто разыскивают не самих слепней, а крупных животных, на которых слепни нападают. Вот почему оса кружилась вокруг потной майки и преследовала меня.

Жизнь ос-бембексов мало изучена. Неизвестно, сколько слепней истребляет каждая оса за свою жизнь, как устроено её гнездо, сколько выводится поколений ос в год. Непонятно, почему эти осы редко встречаются, почему не всюду водятся, почему часто их совсем не бывает в местностях, изобилующих крылатыми мучителями.

А жаль, что так мало этих неутомимых охотников, что мы ещё не знаем, отчего их так мало!

НЕУЛОВИМЫЙ ВОРИШКА

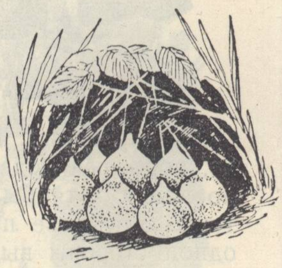
В тенистых уголках под кустами или камнями живёт ядовитый паук-каракурт. Это трусливый и осторожный паук. Подбросьте в его логово кобылку. Вначале хищник будет осторожно облеплять жидкой паутиной насекомое; подтягивая нити с одной стороны и ослабляя с другой, он постепенно поднимает добычу на воздух, лишив её опоры, и только тогда, подкравшись к жертве, наносит ей свой ядовитый укус. Но кобылка долго ещё будет проявлять признаки жизни и погибнет только через несколько минут.



Каракурт.

Яд каракурта слабо действует на насекомых, но зато он смертелен для многих млекопитающих. Каракурт часто живёт в норах грызунов, единственном теневом укрытии в лёссовой пустыне, и за века своего развития он приобрёл ядовитость к хозяевам нор — грызунам,— а ядовитость к своей собственной добыче — к насекомым — у него стала слабее. Первое оказалось важнее второго и закрепилось по наследству.

Грызуны в известной степени родственны человеку, относятся к классу млекопитающих, поэтому яд каракурта тяжело отравляет и человека, хотя и очень редко убивает его. Каракурт кусает в самые поверхностные слои кожи, не глубже одного миллиметра, и его яд легко разрушается при нагревании. Сразу же после укуса нужно приложить к укушенному месту головку спички и поджечь её другой спичкой. Но надо помнить, что этот простой способ не приносит пользы уже спустя пять минут после укуса: яд каракурта очень быстро всасывается и разносится кровью.



Логово каракурта.

Паутинные тенёта каракурта незаметны для неопытного глаза. Редкие блестящие нити паутины беспорядочно тянутся во всех направлениях над самой землёй. К тенётам примыкает небольшое, густо оплетённое логово, запрятанное в глубокую щель-норку в основании куста или в каком-нибудь другом теневом укрытии. В логове и проводит бо̀льшую часть суток бархатисто-чёрная самка каракурта, которая славится своей ядовитостью.

Приходит время, когда неимоверно жадная к еде самка каракурта становится вялой и равнодушной к окружающему. Её матово-чёрное брюшко делается большим, почти круглым, как шар, и слегка лоснится. Наступает пора откладывать яйца.

Утром она оживлённо ползает по своим беспорядочно раскиданным над землёю тенётам, протягивает в логово новые нити, убирает старые. Быстро перебирая задними ногами и подхватывая ими паутинную пряжу, выходящую из сосочков на конце брюшка, она сплетает комок рыхлой паутины. Потом прижимается к нему брюшком и замирает... Из яйцекладущего отверстия показывается оранжево-красная тягучая жидкость с плавающими в ней яйцами.

Оранжевый комочек, величиной с фасолину, повисает в рыхлой паутине. Сразу похудевшая мамаша-каракурт снова начинает энергично взмахивать ногами и поспешно накладывает паутинные нити вокруг яиц. Постепенно образуется белый шарик, сквозь тонкие стены которого ещё просвечивает его содержимое. Наконец стенки кокона становятся плотными, непрозрачными, и домик для потомства готов. Тогда чёрная паучиха осторожно перемещает его в укромное и тёмное место

своего логова и подвешивает к потолку рядом с другими коконами.

Давайте вытащим кокон из логова и разрежем ножницами его оболочку. Из прореза на стол посыплются оранжевые яички и раскатятся во все стороны.

За свою короткую жизнь, в течение лета и осени, одна самка каракурта откладывает от трёх до двенадцати коконов. В каждом из них бывает от семидесяти до шестисот яиц, значит, одна самка каракурта способна произвести на свет много тысяч паучков.

Но, к счастью, далеко не всем новорождённым паучкам удаётся вырасти. Голод, болезни, а главное, многочисленные враги-насекомые истребляют множество паучков. Трудно представить, каким бедствием было бы нашествие ядовитых каракуртов, если бы не эти наши незаметные друзья. Конечно, нам очень хотелось узнать, кто эти друзья, и особенно важно было допытаться, от чего зависит благополучие их, почему они порой ослабляют свою полезную деятельность и не мешают паукам сильно размножаться.

Врагами каракурта оказались и изумительно быстрая и отчаянная охотница оса-помпилла, поражающая паука жалом прямо в мозг, и целая компания наездников, истребляющих яйца каракурта, и ещё какой-то неуловимый воришка, таскающий яйца из коконов.

Во многих коконах каракурта были прорезаны довольно большие дырочки, а содержимое отсутствовало. Видимо, у воришки были острые челюсти. Но кто он — это было большой загадкой для нас. Никак не удавалось поймать или хотя бы взглянуть на него.

Быть может, это воровство было всегда роковым и с похитителем яиц всегда свирепо расправлялись? Ведь какие только трупы не висели на паутинных тенётах вокруг логова паука-разбойника! Тут были и самые разнообразные кобылки, и жуки, и даже фаланги и скорпионы.

Как-то путешествуя в конце лета по пустыне, мне привелось набрести на большую колонию каракуртов. Как всегда, ослепительно ярко светило солнце, стояли жаркие дни и прохладные ночи. По утрам уже было настолько холодно, что каракурты сидели в своих логовах вялые, глухие и неподвижные. И тогда мелькнула простая догадка: уж не таким ли холодным утром выходит похититель яиц каракурта на свой опасный промысел?



Сверчок.

Едва забрезжил рассвет, вся наша компания энтомологов отправилась на поиски. Под косыми лучами солнца тенёта каракурта искрятся серебристыми пятнами, обнаруживая жилища ядовитых пауков. Это облегчает наши поиски. Мы осторожно раздвигаем окна логовищ пауков и тщательно осматриваем все его закоулки. Вот логово с прогрызенным коконом и сонным каракуртом. Что-то тёмное щёлкнуло и промелькнуло мимо лица. Как обидно, что не было никого рядом! Нет, нужно каждое логово осматривать всем вместе.

Мы продолжаем поиски. Теперь все начеку. Опять что-то тёмное пулею вылетает из логова каракурта. Раздаются крики, возгласы, мы шлёпаем ладонями по земле. И вдруг один из моих помощников кричит:

— Есть, поймал!

Все мы, сгрудившись, склоняемся над ладонью. Не верится, что сейчас откроется тайна.

Отгибается один палец, другой... мелькнули шустрые тонкие усики, показалась коричневая лапка, светлое крылышко, и наконец показывается... сверчок! Самый настоящий двупятнистый сверчок, обитатель южных степей, неутомимый музыкант, чьими песнями все ночи напролёт звенят пустыни.

Не верится! Может быть, сверчок случайно попался и неуловимый воришка опять остался неразгаданным!

Сверчка помещаем в просторную стеклянную банку. На дно банки кладём дёрн, камешек-укрытие и пару только что сплетённых коконов каракурта.

Наступает вечер. В банке раздаются щелчки прыжков, потом всё замолкает на некоторое время. А когда в пустыне раздаются песни сверчков, из стеклянной банки несётся ответная песня.

Утром сверчка не видно в банке, и только шустрые тонкие усики настороженно выглядывают из-под камешка. Оба кокона каракурта пусты и зияют аккуратно прогрызенными дырками...

Так был разгадан неуловимый воришка.



Экскаватор Михаила Костенко на целинных землях колхоза имени XIX партсъезда (Грозненская область).

НЕТРОНУТАЯ ЗЕМЛЯ

НОВЫЙ ШАГ К ИЗОБИЛИЮ

Есть ли на свете другая такая огромная страна, как наша! Она занимает шестую часть всей земной суши. Тысячи лет народ занимается земледелием, и всё же у нас есть обширные пространства, где ни разу плуг не проводил борозды.

Это целина. Она лежала века, поросшая ковылём или полынью, а теперь пришёл её черёд служить людям.

Вы, конечно, знаете о десятках тысяч юношей и девушек — комсомольцев и комсомолок,— которые едут из родных мест в Сибирь, в Казахстан, на Алтай, в степи Поволжья, чтобы превратить целинные земли в плодородные нивы.

Партия, ведущая нашу страну к коммунизму, сказала, что надо расширять посевы, получать всё бóльшие урожаи, чтобы поскорее создать то невиданное в мире изобилие, которое возможно лишь в коммунистическом обществе.

Уже пришла пора для этого: у нас достаточно машин, чтобы обрабатывать новые огромные площади. Только за нынешний и за следующий год будет распахано тринадцать миллионов гектаров!

Великое множество первоклассных машин послано по приказу Партии на освоение новых земель.

БРОНЯ ИЗ КОРНЕЙ

Почва целины не такая, как на возделываемых полях. Она покрыта, словно бронёй, плотной дерниной. Веками переплетались в ней крепкие корешки диких многолетних трав. При вспашке простым плугом эта дернина будет отрезаться сплошными длинными ремнями, и через неё не пробьются корни пшеницы. Всходы получатся чахлые, неровные, урожай — плохой.

Поэтому пашут целину не просто, а плугом, к которому присоединён маленький плужок — предплужник. Лемехи предплужника срезают верхний, самый плотный слой дернины, дробят его, ломают, перевёртывают вверх корнями и сбрасывают на дно борозды.

Следом за предплужником врезается в землю основной корпус плуга. Он отваливает нижний, более мягкий слой почвы и накрывает им дернину. Разрыхлённая и похороненная на дне борозды, она уже не помешает всходам. А там, на глубине, все эти сплетённые корешки и стебли с помощью бактерий истлеют, сгниют и превратятся в пищу для культурных растений.

Есть у целины много замечательных качеств и прежде всего — хорошее строение, или, как мы говорим, хорошая структура. Оплетённая корнями почва образует крупинки, комочки, между которыми легко проникает воздух и в которых хорошо задерживается влага. Это сочетание влаги и воздуха в почве необходимо для хорошего развития растений.

На давно обрабатываемых полях мы нарочно добиваемся такого строения, а на целине сама природа обеспечила его.

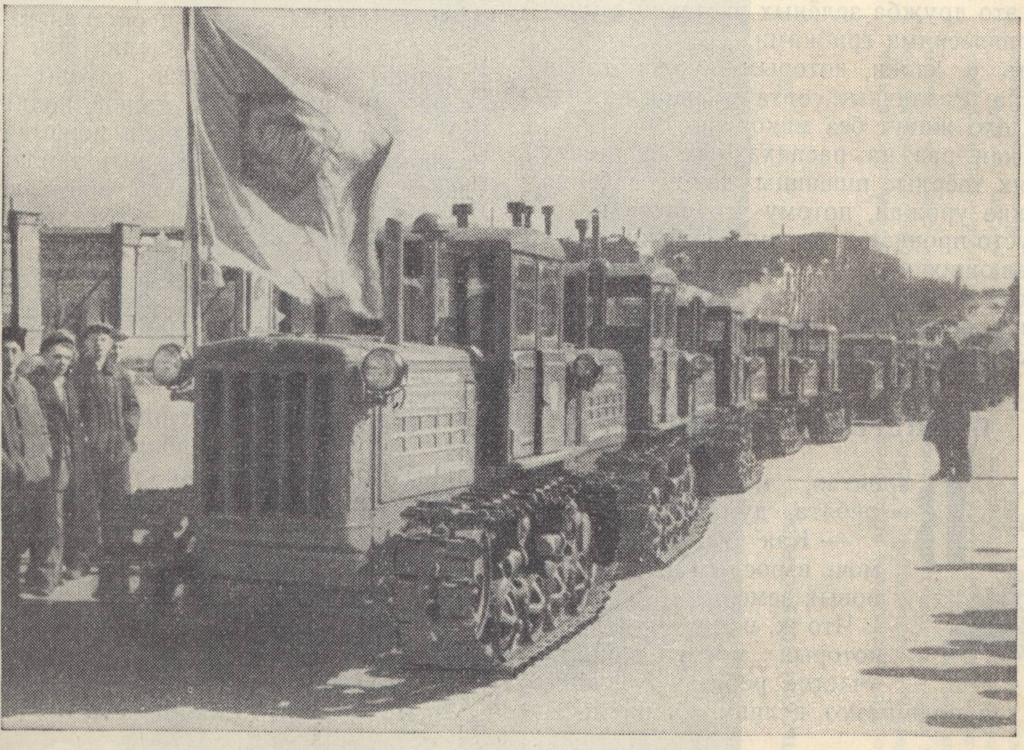
НА НОВОМ МЕСТЕ



Извечные спутники и враги культурных растений — сорняки — требуют от человека постоянной, упорной борьбы. Но на целинных землях растёт мало сорняков. Ведь сорняки полей очень хорошо приспособились к жизни на пахотной земле и пользуются выгодами этой жизни. Они приладились соперничать с культурными растениями, побеждать их, если не вмешивается человек.

Дикие и живучие растения целины сами, своими силами давно справились с сорняками и вытеснили их из своих владений. Поэтому хлеба, посеянные на целине, почти избавлены в первый год от своих исконных врагов. Конечно, если не принимать мер, сорняки появятся и тут. Из-за сотен километров принесёт ветром лёгкие парашютики осота, вместе с посеянным зерном проникнут «зайцами» семена сурепки, дикой редьки, куколя и пойдут размножаться, только дай им волю.

Но воли им не дадут! Их будут отделять машинами, сортирующими зерно, или



Много тракторов отправил Сталинградский тракторный завод на целинные земли.

убивать ядами, которые смертельны для сорняков, а культурным злакам не вредят.

Нет на целине и многих других врагов посева, например, вредных насекомых, которые зимуют на пашне, устраивая себе «квартиры» в стерне, как это делает гессенская муха.

ДОБРЫЕ КВАРТИРАНТЫ



Не приходилось ли вам слышать когда-нибудь слово «микориза»? Сейчас я объясню, что это такое. Некоторые растения, например, ель и сосна, не могут сами всасывать влагу и питательные вещества из почвы: так уж у них устроены корни.

Погибли бы эти растения от голода и жажды, если бы на помощь им не пришли чрезвычайно маленькие грибки, живущие в почве. Тонкие нити-трубочки их грибницы прорастают в корни таких растений и служат им вместо корневых волосков, доставляя и влагу и растворённые в ней минеральные соли. А растение кормит за это своих крохотных жильцов, отдавая им вещества, которых сами грибки не могут вырабатывать. Выходит, микориза — это дружба зелёных растений с микроскопическими грибками.

Есть и злаки, которым нужна такая дружба. Различные сорта твёрдой пшеницы плохо живут без микоризы.

И как раз на распаханных целинных землях твёрдые пшеницы дают особенно высокие урожаи, потому что почва целины густо пронизана нитями грибниц, обеспечивающих микоризу. А твёрдые пшеницы особенно ценны: это из них делают макароны, вермишель, манную крупу, крупчатку и другие наилучшие сорта муки.

ПИОНЕРСКАЯ ПОМОЩЬ



Вероятно, многие из вас, ребята, думают:

— Как бы и нам помочь взрослым в освоении новых земель?

Что ж, найдутся дела, в которых могут принять участие ребята, живущие там, где поднимают целину. Степи населяет неисчислимая армия сусликов, хомяков и других грызунов. Эти запасливые и жадные воришки откусывают колосья и таскают к себе в нору, да притом запасают гораздо больше, чем могут съесть. До пятнадцати килограммов зерна вы можете найти, раскопав один сусличий склад. Сусликов миллионы! Подумайте, сколько десятков тысяч тонн зерна губят они так по стране!

Во многих степных местах пионеры издавна считают борьбу с сусликами своей прямой обязанностью: на Дону, на Кубани, в Татарии, в Сталинградской области.

Засеют нынче новые поля, а суслики — тут как тут, рядом, в нераспаханной степи. Вот и надо, ребята, истреблять сусликов на целине, чтобы они не грабили посевов. Взрослые спасибо вам скажут за такую помощь.

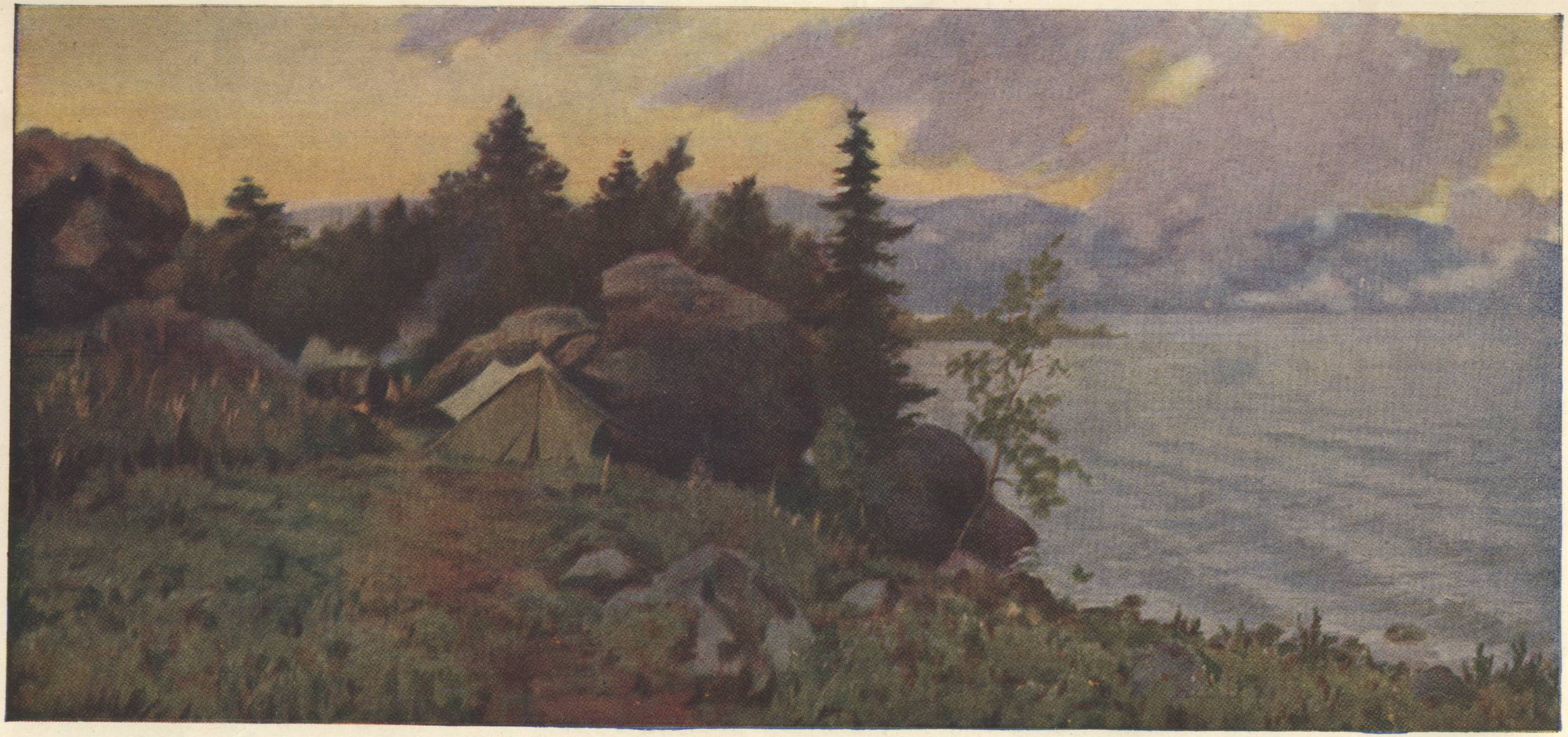
Есть и ещё одно дело, подходящее для вас. Многие целинные земли лежат в засушливых местах. Там для растений драгоценна каждая капля влаги. А снег — это богатство, падающее к нам с неба,— сдувают буйные степные ветры. Помогайте копить снег на полях. И начинайте это... с лета. Да, не удивляйтесь! Для задержания снега теперь нередко применяют летние кулисные посевы: по вспаханному полю высевают рядками подсолнечник или кукурузу и оставляют их на зиму в поле неубранными. Эти живые заслоны зимой отлично глушат ветер, если растения густой стеной поднимутся за лето в рядках. Вот вы и можете с лета за ними ухаживать: рыхлить землю в кулисах, пропалывать, прореживать всходы, чтобы они не теснили друг друга, подкармливать растения.

Поработаете летом, а зимой между рядами сухих стеблей выхоженной вами кукурузы или подсолнечника будет скопляться снег, залог богатого урожая на новых полях.

Придёт время, и целина сделается редкостью. Собирайте гербарии растений целины. Когда-нибудь они станут «архивом», интересным и для советских учёных-ботаников и для тех ребят, которые после вас придут учиться в школу.

За дело, мои друзья! Помогайте взрослым осваивать чудесный дар природы — целинные земли.

Кандидат биологических наук
Д. В. Горюнов.



НА КОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ. **В. Косенков.**

Лето. По неоглядным просторам нашей страны отправились в путь сотни научных экспедиций. В тайге, в степях, на горных склонах, по берегам могучих, вольных рек раскинулись их палатки, светятся огоньки походных костров.

Вот если бы вдруг за один день посетить все бивуаки наших отважных исследователей от колымской тундры до каракумских песков!

В бесконечном разнообразии, в неисчерпаемом богатстве открылись бы нам картины родной природы.

Одну из них запечатлел на полотне художник В. Косенков. Кольский полуостров, страна хвойных лесов и горных тундр, озёр, словно бусины нанизанных на голубые ниточки студёных и быстрых рек. Ночь, светлая, как день, с неугасающей зарёй на северном склоне неба. Огромные валуны, обточенные, обкатанные древним ледником.

На берегу озера под защитой камней и деревьев геологи, неутомимые разведчики недр, раскинули свой лагерь.

Пусть так же весело и приветно горят огни и ваших летних походных костров, ребята! Пусть ваши пионерские путешествия будут подготовкой к будущим большим походам, когда вы, вооружённые знаниями, крепкие и сильные, пойдёте по родной стране, как эти геологи на картине художника!



НА УРАЛЕ. А. Бурак.



ЛЁШКИНА ПЕРЕЭКЗАМЕНОВКА

ИЗ ДНЕВНИКА ПИОНЕРА ВОЛОДИ ШАТИЛОВА

Рассказ М. Бременера **Рисунки Б. Винокурова.**

I

В тот вечер, когда началась эта история, мы трое — Владик, его сестра Вера и я — сидели на новом очень широком диване у Владика дома. Кроме нас троих, в квартире никого не было. Часы пробили восемь, когда Владик решительно сказал:

— Так что же мы будем делать, ребята?

Этого мы не знали. Мы давно не виделись, потому что только на днях вернулись из пионерских лагерей, где отдыхали весь июль. Все мы были в разных лагерях и поэтому часа два рассказывали друг другу про то, как провели месяц. Вера, которая радовалась, что Владик её не гонит (обычно, как только я переступал порог, Владик говорил ей: «Мала ещё»,— и она сразу же уходила), старалась рассказать что-нибудь особенно интересное.

— А одна девочка из нашего класса знаете кого видела?

— Ну? — лениво спросил Владик.

— Анну Аркадьевну, учительницу вашу, вот кого!

— А-а...— протянул Владик.

— Она сейчас знаете где? В Кисловодске, на Кавказе, вот! — И рыжая толстая Вера залилась краской от огорчения, что на неё не обращают внимания.

— Так что же мы будем делать? — повторил Владик.— Мне еще надо к Лёшке...

В это мгновение на столе зазвонил телефон.

— Включили! — закричали Владик с Верой, одновременно схватившись за трубку.

И правда, это зазвонили с телефонной станции. Аппарат, который вчера установили, был теперь включён в сеть.

— Что бы теперь такое... а, ребята? — начал Владик.

— Придумала!.. Ну, и будет сейчас! — от нетерпенья Вера даже не договорила и принялась набирать номер телефона.

— Что ты придумала? — спросил я.

— То, что ты сейчас разыграешь Лёшку.

Я не успел возразить, как Вера, изменив голос, выпалила в трубку:

— Лёшу Лодкина! Вы Лодкин? Вас

вызывает Кисловодск! Абонент, не отходите от аппарата! Соединяю! — И Вера притиснула трубку к моему уху.

Я понял, что задумала Вера. Она хотела, чтоб я поговорил голосом Анны Аркадьевны, нашей преподавательницы русского языка и классной руководительницы. Но я не подготовился к розыгрышу и не знал, что скажу Лодкину. Я помнил только, что ему предстоит переэкзаменовка по русскому и, значит, надо Лёшу спросить, как у него дела с грамматикой. О чём бы ещё могла спросить его Анна Аркадьевна, я не представлял.

— Здравствуй, Лодкин,— сказал я неторопливым, певучим голосом Анны Аркадьевны (Анна Аркадьевна очень молодая, но голос у неё взрослее, чем она сама. А возможно, это она с нами старается говорить пожилым голосом, чтобы дисциплина в классе была лучше,—не знаю).

— Здравствуйте, Анна Аркадьевна! — закричал Лодкин не то обрадованно, не то испуганно.— Мне вас очень хорошо слышно!

— Ну, как у тебя дела с грамматикой? — спросил я, и это у меня получилось так похоже на Анну Аркадьевну, что Вера в восторге запрыгала по комнате, а Владик выскочил хохотать в коридор.

Лодкин ответил, что вчера был в школе и писал тренировочный диктант.

— А как ты думаешь: ты сделал в нём ошибки? — спросил я. Такой вопрос вполне могла задать Анна Аркадьевна.

— Наверно, сделал,— ответил Лодкин печально.— Боюсь, что сделал, Анна Аркадьевна.

Как дальше продолжать разговор, я просто не знал. Мне не приходило на ум ничего подходящего, но так как молчать было нельзя, я задал Лёшке вопрос, которого Анна Аркадьевна, конечно, не задала бы.

— А скажи мне, Лодкин, как ты думаешь: каких ошибок в диктанте ты совершил больше — грубых или негрубых?

Должно быть, моя дурацкая фраза озадачила Лёшку, потому что он некоторое время тяжело дышал в трубку. Наконец он ответил:

— По-моему, у меня больше негрубых ошибок... Мне кажется...

Мне стало жаль Лёшку, захотелось подбодрить его, и я сказал:

— Я уверена, что ты выдержишь переэкзаменовку как следует. Совершенно не сомневаюсь. Уделяй только побольше внимания правилам. Заглядывай почаще в орфографический словарь. И всё будет хорошо, вот увидишь. Ты вполне можешь написать на четвёрку, Лодкин. Я желаю тебе успеха, и я в этом уверена.

Не знаю, была ли в эту минуту уверена в Лёшке Анна Аркадьевна там, в Кисловодске, но, по-моему, и она, если б услышала, до чего Лёшка печальный, решила бы его подбодрить.

— Спасибо, Анна Аркадьевна,— сказал Лёшка. Я никогда не замечал, чтобы у него был такой взволнованный голос.— Теперь я... Мне ребята тоже говорили, что я могу выдержать, только я... А раз вы говорите, то, значит... я, наверно, правда выдержу!.. Большое вам спасибо!.. Вообще...

— За что же, Лёша? — смутился я, едва не забыв, что изображаю Анну Аркадьевну.

— За то, Анна Аркадьевна, что позвонили... Я очень... Анна Аркадьевна! Вот что я спросить хочу,— вдруг вспомнил он,— вводные слова в предложении всегда запятыми выделяются? Я в диктанте выделил.

Этот совсем неожиданный вопрос меня затруднил. За лето я позабыл некоторые синтаксические правила. Я никак не думал, что сейчас, в каникулы, они мне понадобятся.

— Видишь ли, Лодкин,— промямлил я с сомнением, какого у педагога быть не должно,— всё зависит от случая, понимаешь ли... Правила без исключений бывают редко, так что...

Тут, к счастью, Вера заметила, какой у меня стал нерешительный тон, и затараторила в трубку:

— Ваше время истекло! Заканчивайте разговор! Истекло ваше время! Разъединяю!..

Когда я положил трубку на рычаг телефона, Вера и Владик захлопали в ладоши. Но я был не очень доволен собой. Мне и раньше приходилось подражать голосам других людей. Например, в школе во время перемены я «показывал» иногда ребятам нашего учителя физкультуры или чертёжника. Но тогда это были просто шутки, и мне нравилось, что все ребята смеются. А сейчас получилась путаница.

— Надо объяснить Лёшке, что я его разыграл,— сказал я,— а то он...— И я потянулся к телефону.

Но Вера отвела мою руку:

— Хорошо, скажешь ему, но только не сейчас. Завтра скажешь, ладно? Или ещё лучше мы с Владиком ему скажем. Вот он удивится, представляешь?..

Владик тоже стал меня уговаривать подождать до завтра. Он сказал, что завтра всё равно зайдёт к Лодкину и заодно уж ему всё объяснит. В конце концов я согласился.



Я продиктовал Лодкину страничку из хрестоматии.

II

Наутро я проснулся оттого, что кто-то орал мне прямо в ухо:

— Над кроватью, Володя, суффиксы прилагательных, над столом частицы висят, а в простенках — причастия, снизу доверху!.. Доброе утро!..

— Какие причастия?! Доброе утро! Почему в простенках?! — крикнул я, спросонья немного перепугавшись.

— Как какие причастия? Слева — действительные, а справа — страдательные. Столбиками.

Я открыл глаза и увидел Владика.

— Да проснись же ты, Володька! — снова закричал он.— Лёшка взялся за ум, понял?

— А, так ты был у Лодкина? — догадался я.

— Дошло всё-таки. А где же ещё?..

— Удивился, наверно, Лёшка, а? Когда узнал, что это я его вчера разыграл? — спросил я.

— Он-то, наверно, так бы удивился, что и представить нельзя,— сказал Владик,— только я ему, конечно, ничего не сказал. Сам понимаешь...

— Ничего не понимаю! — перебил я его.— Когда же ты скажешь?

Но тут Владик перебил меня в свою очередь:

— Слушай, это дело даже спящий поймёт! Со вчерашнего вечера Лёшка стал заниматься на совесть. После твоего звонка он решил обязательно выдержать переэкзаменовку. Хочешь, чтобы ученик нашего класса остался на второй год?!

Я вскочил с постели и сказал, что мне нужно подумать.

— Думай,— согласился Владик,— а я пойду к Лёшке, отнесу словарь орфографический. Думай...

Я остался один.

Лёшу Лодкина я знал давно. Он был известен не только в нашем классе, но и в параллельных. О нём говорили на сборах звена и отряда, на родительских собраниях и на педсовете.

Лёша Лодкин делал огромное количество ошибок в диктантах. Его диктанты хранились в методических кабинетах. Ему удавалось иногда сделать несколько ошибок в одном слове. Из-под его пера выходили часто слова совсем без гласных. Учителя говорили, что было бы лучше, если б он делал ошибки на какие-нибудь определённые правила. Тогда с ними было бы легче бороться. Но, к сожалению, Лодкин совершал ошибки не на правила. Главное, он даже не верил, что сможет запомнить всё, что нужно, чтоб стать грамотным. Лёша считал, что только случайно может написать диктант сносно. Поэтому знаки препинания он ставил без всякого разбора. Я видел однажды, как Лодкин расставлял запятые в уже написанном диктанте. Он обмакнул перо и, прошептав: «Была — не была!»,— принялся за дело.

То, что Лёшка решил во что бы то ни стало сдать переэкзаменовку, было, конечно, хорошо. Я отправился к Лёшке.

Мать Лодкина — она открыла мне дверь — сказала торжественно:

— Лёша занимается.— У неё был праздничный вид.

— Володя, так уж...— Лёша посмотрел на меня виновато и дружески.— Я сейчас с тобой разговаривать не буду и на улицу не пойду. Не обижайся, ладно? Дело, Володя, в том...

И он заговорил о том, что должен теперь заниматься так много, как только может, потому что Анна Аркадьевна даже на отдыхе о нём не забывает и вчера звонила из Кисловодска.

— Может быть, она ещё позвонит, я её хочу порадовать,— сказал Лёшка.— Ведь она же может ещё позвонить?..

— Может,— ответил я, глядя не на Лёшку, а на стену, увешанную суффиксами и частицами.

— Слушай, она сказала, что во мне уверена.— Лёшка помолчал.— Я не могу провалить переэкзаменовку. Раньше бы мог, а теперь...— Лёшка сжал кулаки. У него сильно заблестели глаза.

Я продиктовал Лодкину страничку из хрестоматии, поправил ошибки и ушёл, не сказав, что вчера разыграл его.

III

Через несколько дней ко мне пришли Владик и Вера, чтобы вместе ехать в Парк культуры и отдыха.

Они оба сели, но Владик сейчас же встал.

— Я должен сообщить тебе...— начал он.

— Сообщай,— сказал я.

— Ты не возражаешь, что я при Вере?

— Нет.

— Если она тебя смущает, я её в два счёта могу выставить.

— Не надо.

— Как знаешь,— проговорил он немного разочарованно и наморщил лоб.— Одним словом, Володя, дело в том...

— Ну? — сказал я.

— ...что Лодкин приуныл.

— Лёшка? — Я почему-то не ожидал, что Владик о нём заговорит.

— Его нельзя оставлять без присмотра,— вздохнула Вера так, словно приходилась Лодкину бабушкой.

— Молчи,— сказал Владик.— Понимаешь, Володя, Лёшка опять стал меньше заниматься. Говорит, не осилить ему всей премудрости... Прямо старая песня... Его всё время вдохновлять надо.

— И подгонять,— добавила Вера.

— Кто же его будет вдохновлять? — спросил я.

— Ты,— ответил Владик сразу.

— Я?..

— Ты.

— Как это?

— Так. Позвонишь, как в тот раз.

— За Анну Аркадьевну? Ну, нет!

— Позвонишь,— сказал Владик внушительно,— это будет иметь огромное воспитательное значение!

Я призадумался. В своей жизни я ещё не совершал поступков, которые имели бы огромное воспитательное значение. Пожалуй, что и поступков, которые имели бы просто воспитательное значение, пусть даже не огромное, мне тоже совершать как-то не приходилось.

Пока я припоминал свои наиболее важные поступки, Владик говорил Вере:

— Тебе необходимо держать язык за зубами. Если ты хоть кому-нибудь расскажешь, это может дойти до Лодкина и...

— Для чего ты мне втолковываешь? — запричитала Вера громко, но не очень обиженно.— Что я, трепаться собираюсь, да?..

— Да,— ответил Владик,— когда у тебя чешется язык, я это замечаю по твоим глазам. Но знай, если Лёшка узнает, он провалит переэкзаменовку и останется на второй год. И тогда,— Владик произнёс это с расстановкой,— весь наш класс... вся школа... весь район...

Верины глаза широко раскрылись. Она со страхом ждала, что же произойдёт с классом, школой и районом. Но Владик только грозно спросил:

— Понятно?

— Я не проболтаюсь,— быстро сказала Вера.

Владик кивнул.

— Ты поговоришь с Лёшкой вечером, от нас,— сказал он мне.— И не забудь, что он может задать тебе какой-нибудь вопрос, как тогда...— Владик озабоченно покачал головой.

Кончилось тем, что они с Верой отправились в Парк культуры, а я, чтобы вечером не оплошать, решил взяться за грамматику и синтаксис.

Я принялся искать эти учебники, но,

как назло, мне никак не удавалось их найти. Я знал, что они никуда не могли деваться, но всё-таки их нигде не было. Я заглянул даже в сундук, где лежали пересыпанные нафталином зимние вещи, однако и там никаких книг не оказалось. Второй раз обшаривать квартиру я не стал, а, чтоб не терять времени, отправился в районную детскую библиотеку. В библиотеке мне выдали грамматику и синтаксис, но почему-то решили, что у меня у самого переэкзаменовка, и это мне было очень неприятно. Кроме того, наверно, от нафталина, мне всё время хотелось чихнуть, но из этого ничего не выходило, и я то и дело гримасничал, так что мне сделали замечание.

Так как я не знал, по какому разделу Лёшка меня может спросить, то занимался весь день. Когда, перелистав оба учебника, я поднялся из-за стола, уже стемнело. Набитый правилами, я побежал к Владику.

IV

Вера, как и в первый раз, соединила меня с Лодкиным, и я услышал громкий, очень довольный лёшкин голос:

— Анна Аркадьевна, это вы, да?

— Я,— ответил я.

— У меня дела лучше, Анна Аркадьевна! — крикнул Лодкин.

— Очень рада,— сказал я,— надеюсь, Лёша, ты занимаешься всё время?

— Всё время... то есть последнее время я... а так всё время, Анна Аркадьевна.

— Прекрасно, — сказал я. — Может быть, у тебя есть какие-нибудь вопросы? Я готова ответить.

Мне очень хотелось показать свои знания. Ведь я не только повторил всё, что мы прошли за год по синтаксису и грамматике, но и прочитал брошюру (её где-то достал Владик) «Преподавание синтаксиса», изданную — в помощь учителю — Институтом усовершенствования учителей. Было бы обидно, если бы Лёшка не задал мне какого-нибудь подходящего вопроса.

— Анна Аркадьевна, я, правда, хочу спросить...— начал Лёшка.

— Пожалуйста, Лодкин,— откликнулся я, на всякий случай раскрывая учебник русского языка на оглавлении.

— Вам Казбек отсюда виден? — спросил Лёшка с любопытством.

— Казбек?! — переспросил я. Владик и Вера смотрели на меня непонимающими глазами и ничего не подсказывали. Не могли сообразить, в чём дело!

— Нет, не виден,— ответил я наугад, чувствуя, что помощи не дождёшься.— Горная вершина Казбек, Лодкин, отсюда не видна.

— А у Лермонтова написано, Анна Аркадьевна,— сказал Лёшка смущённо,— что Печорин из Кисловодска Казбек видел. Я подумал, раз Печорин...

— А, Печорин, один из тех, кого Белинский называл «лишними людьми»?..— пробормотал я, решительно не зная, как выбраться из положения.

— Ага, «лишний человек»,— подтвердил Лёшка.

Разговор становился дурацким. Нужно было что-то немедленно ответить.

— Надо учесть, Лодкин,— произнёс я размеренным голосом,— что Печорин видел из Кисловодска Казбек в первой половине девятнадцатого века, не так ли? А сейчас у нас...

— Вторая половина двадцатого,— поспешно подсказала Вера, ни к селу, ни к городу.

— Вторая половина двадцатого века, Лодкин,— сказал я в трубку.— Я желаю тебе успеха,— сказал я, торопясь закончить разговор.— Ты, конечно, выдержишь переэкзаменовку. Будь только внимателен, когда сядешь писать диктант. Не спеши, как это с тобой бывает. До свиданья!

— Спасибо, до свиданья! — крикнул Лёшка.— Вам ещё что-то мама моя сказать хочет.

Не успел я возразить, как мать Лодкина в самом деле взяла трубку и принялась благодарить за внимание к Лёшке. Когда я положил наконец трубку, мне стало очень не по себе. Но Владик начал убеждать меня, что ничего дурного не произошло. По его словам, мы могли бы расстраиваться, если бы после моего звонка Лодкин с матерью подумали об Анне Аркадьевне плохо. А раз они, наоборот, думают о ней лучше прежнего, то всё в порядке.

— А с Казбеком как же? — спросил я удручённо.

— С Казбеком — пустяки,— ответил Владик.— Может быть, Анна Аркадьевна близорукая, откуда Лёшке знать?..

Я немного успокоился.

— Хотя,— заметил Владик, подумав,— с девятнадцатым веком у тебя получилось неудачно и даже, знаешь ли, странно.

Да-а... Когда в следующий раз будешь говорить с Лёшкой, знай о Кавказе побольше, а не то...

— Не будет следующего раза! — заорал я возмущённо.— Этого не хватало! В следующий раз!..

— Ну, чего ты раскричался? — миролюбиво спросил Владик. — Это и понадобится-то может только раз: накануне переэкзаменовки. Если я увижу, что у Лёшки душа в пятки ушла, пожелаешь ему успеха, несколько слов таких уверенных... да что тебя учить!

Я отказался наотрез, но на следующий день Владик притащил мне всё-таки справочник «Курорты Кавказа», какую-то старинную брошюрку «Целебные источники Минеральных Вод» и открытку, на которой был изображён Казбек.

— Изучай,— сказал он.

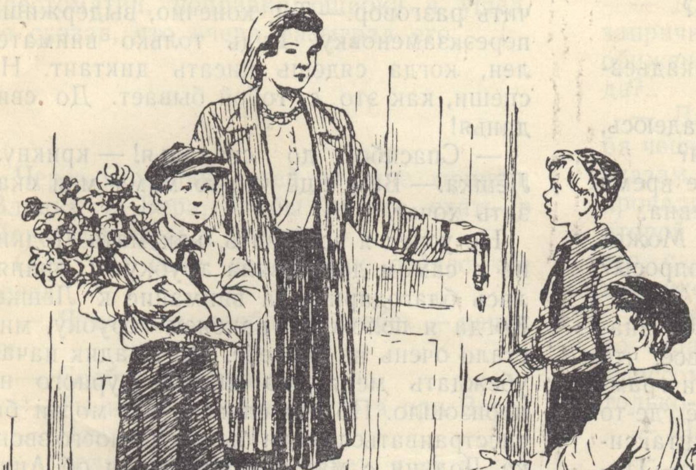
Я послал его к чертям. Он ушёл, однако оставил мне всё, что принёс. Само собой получилось, что я прочитал обе книжицы (других особенно интересных у меня в эти дни не было). Так как у меня хорошая память, то я запомнил и туристские маршруты, которые в них рекомендовались, и названия санаториев, и даже почти все болезни, какие лечат минеральной водой. Теперь уж Лёшке ни за что не удалось бы поставить меня в тупик.

Но больше я с Лодкиным по телефону не разговаривал. Видно, Владик в канун переэкзаменовки решил, что обойдётся и без меня. И действительно, Лёшка написал диктант на четвёрку. То есть он получил бы даже пятёрку, если бы не одна ошибка, которую, правда, я уверен, кроме него, никто не догадался бы сделать. Он само слово «диктант» через «е» написал.

Несмотря на эту нелепую ошибку, Лёшка, конечно, был счастлив. Его перевели в седьмой класс, и он, едва об этом узнал, бросился покупать всё необходимое для нового учебного года. Мы долго ходили с ним по магазинам школьных и канцелярских товаров, по книжным магазинам Учпедгиза, не спеша, запасались карандашами, тетрадями, перьями и вместе радовались, что скоро в школу.

В тот день мне как-то не пришло на ум сказать Лёшке, что по телефону ему звонил я, а не Анна Аркадьевна. Уже расставшись с ним, я решил, что непременно сделаю это до первого сентября.

И вот однажды Владик, Вера и я отправились к Лодкину, чтобы позвать его в кино на новую картину, а по дороге в кино рассказать ему всё и посмотреть, как он будет изумляться.



Мы столкнулись с Лёшкой и его матерью в дверях.

V

Мы столкнулись с Лёшкой и его матерью в дверях: они уходили. Лёшка был принаряжен и осторожно держал обеими руками, как спелёнутого младенца, огромный букет, завёрнутый в бумагу

— Анну Аркадьевну встречать едем! — пояснила лёшкина мать.— Как раз поспеем!

Тут мы все трое переглянулись и подумали все об одном: о том, что Лёшка прямо на вокзале заговорит с Анной Аркадьевной про её звонки из Кисловодска

и случится что-то жуткое. Надо было спасать положение, но у меня прилип язык к гортани, так что я, даже если б и придумал что-нибудь, всё равно не смог бы ничего сделать. Между прочим, это у меня впервые так язык приклеился. Я раньше считал, что «прилип язык к гортани» — это метафора, и даже, по-моему, на экзамене по литературе привёл это выражение как пример метафоры. Но, видно, это не всегда метафора.

Владик тоже стоял и молчал, загораживая выход на лестницу. И в эту минуту Вера сказала:

— Это вы какую Анну Аркадьевну встречаете — которая их учительница?

— Её,— ответила лёшкина мать,— так что вы, ребятки...

— Так её же поезд на четыре с половиной часа опаздывает! — сказала Вера.

— На четыре с половиной?..— и Лёшка с матерью даже отошли немного от двери вглубь коридора.— А что случилось?!

— Рельсы немножко...— начала было Вера, но тут вмешался Владик:

— Их продержали у разъезда около Лозовой,— объяснил он уверенно.— Я только что звонил на вокзал.

— Ага... Такой же случай был с моим отцом,— подтвердил я, понемножку отклеив свой язык. С моим отцом, и правда, был такой случай.

— А вы тоже хотели Анну Аркадьевну встретить? — спросил Лёшка.

— Хотели. Да только теперь...— Владик развёл руками.

— Вечером её родные все встречать будут,— добавила Вера,— нам как-то...— Она замялась.

— Да,— сказала лёшкина мать,— я всё-таки на вокзал позвоню, справлюсь.

— А мы, пожалуй, пойдём. Верно, ребята? — сказал Владик, бледнея.

— Пойдём! — откликнулись мы с Верой очень дружно.

— Постойте,— остановила нас лёшкина мать, не отнимая трубки от уха.— Куда же вы? Вы ведь, наверно, пришли зачем-нибудь? Садитесь!

— Ты не помнишь, зачем мы пришли?— спросил меня Владик, садясь на букет.

— Я не помню что-то...— сказал я, не отрывая взгляда от лёшкиной матери. Она вновь и вновь набирала один и тот же номер, но, к счастью, он пока был занят.— По-моему... нет, не помню... Хотя вспомнил: мы пришли просто так. Совершенно верно... Конечно... Теперь я припоминаю.

— У вас с Лёшей секреты, наверно,— проговорила лёшкина мать, поняв по-своему моё бормотанье.— Пожалуйста, я не допытываюсь. Эх,— добавила она, с сердцем бросив трубку на рычаг,— на этот Курский вокзал, наверно, и за сутки не дозвонишься!

— Да, досадно! Туда, действительно, невозможно дозвониться,— заметил Владик, повеселев,— на редкость трудно. очень досадно!

— Ну, мы пойдём всё-таки,— сказал я.

Лёшка вышел нас проводить. На лестнице Владик шепнул Вере:

— Ты иди с ним в кино, а мы с Володей на вокзал.

— Пойдём сейчас в кино, Лёша,— предложила Вера.

— Так вы за этим и пришли? — обрадовался Лёшка.

— Ну да!

— И билеты есть?

— Ага,— сказала Вера.

— А чего же вы при маме не сказали?

— Боялись, она тебя не отпустит,— не задумываясь, ответил Владик.

— Почему? Она меня днём отпускает,— возразил Лёшка.

— Видишь ли, картина очень взрослая,— сказал Владик.

— Там арии... арии такие, понимаешь, что только после шестнадцати лет, вот в чём дело,— поспешно объяснил я.

Только бы Лёшка отправился в кино, а мы бы попали на вокзал во-время! Только бы всё объяснить Анне Аркадьевне раньше, чем Лёшка с матерью явятся её благодарить!

Но Лёшка не отпускал нас, он не торопился.

— Это что за картина — «Алеко»? — спросил он.

— «Алеко».

— Интересно, тут «Алеко», а у Пушкина «Цыганы» называется, да?

— А у Пушкина «Цыганы»,— повторили мы, переминаясь с ноги на ногу.

— Может, ещё не пустят из-за арий этих?..— усомнился Лёшка.

— Пустят,— сказал я,— эти арии только вечером... а так, днём, и тебе и Вере можно... Вот мы с Владиком уже были — пустили.

— Так, значит, мне одному с Верой идти?..— Видно было, что Лёшка заколебался.— Я думал, всем вместе...

— Билеты хорошие какие, самая середина,— сказала Вера жалобно.— Пора уж идти, а то пропадут...

Наконец Вера с Лёшкой ушли в одну сторону, а мы с Владиком помчались в другую, к метро. Сбежав вниз по эскалатору, вскочили в поезд и выбрались из-под земли у Курского вокзала, когда до прибытия кисловодского поезда оставалось пять минут.

— Живо брать перронные билеты! Успеем! — сказал Владик.— Плохо, что номера вагона не знаем. Но на платформе так сделаем: ты станешь у входа в тоннель, а я пойду вдоль вагонов. Анну Аркадьевну не пропустим.

Мне это понравилось. Я просто мечтал, чтобы Анне Аркадьевне попался на глаза первым Владик, а не я: он найдёт, что сказать. Что касается меня, то мне и представить себе было трудно, как я начну что-нибудь объяснять.

— У тебя есть деньги? — спросил Владик, когда несколько человек, стоявших впереди нас в очереди, получили билеты.

В кармане у меня оказался один рубль. У Владика нашлось пятьдесят копеек. Перронный билет стоил рубль.

— Так,— сказал Владик,— на два билета не хватает. Купим один, ты пойдешь на платформу, а я подожду здесь.

— Почему я пойду на платформу? — спросил я.

— Рубль твой,— ответил он.

— Я дам тебе пятьдесят копеек!

— Не в этом дело,— ответил он, подумав мгновенье,— ведь говорил с Лёшкой за Анну Аркадьевну всё-таки ты?..

Я ничего не ответил, только посмотрел на Владика. Он быстро сказал: «Ладно, попробуем пройти вместе». Мы скорым шагом спустились в тоннель. Рядом с нами шло много встречающих с букетами. Были и люди без цветов, но с чемоданами — эти сами уезжали. Мимо контролёров все проходили, не останавливаясь, не замедляя шага. Некоторые на ходу показывали свои билеты, другие проходили просто так.

— Надо только иметь уверенный вид,— прошептал Владик, когда мы приблизились к контролёршам,— и ничего не спросят даже...

У него был и на самом деле уверенный вид. В толпе мы оба прошли мимо контроля без всякой задержки. На мой билет ни одна из железнодорожниц даже не взглянула.

— В порядке...— произнёс Владик облегчённо, и сразу мы услышали за спиной окрик:

— Мальчик, вернись!

— Мне вернуться? — спросил я с надеждой и остановился.

— Нет, ему. Он без билета.— Железнодорожница указала на Владика.

Владик пошёл назад. Не знаю, почему его не пропустили. У него был очень спокойный вид, а у меня, по-моему, наоборот, подозрительный. Как догадались, что именно у него нет перронного билета, я не представляю. Так или иначе, Владик остался на площади, а я вышел на платформу, к которой уже подкатывал не спеша поезд Кисловодск — Москва.

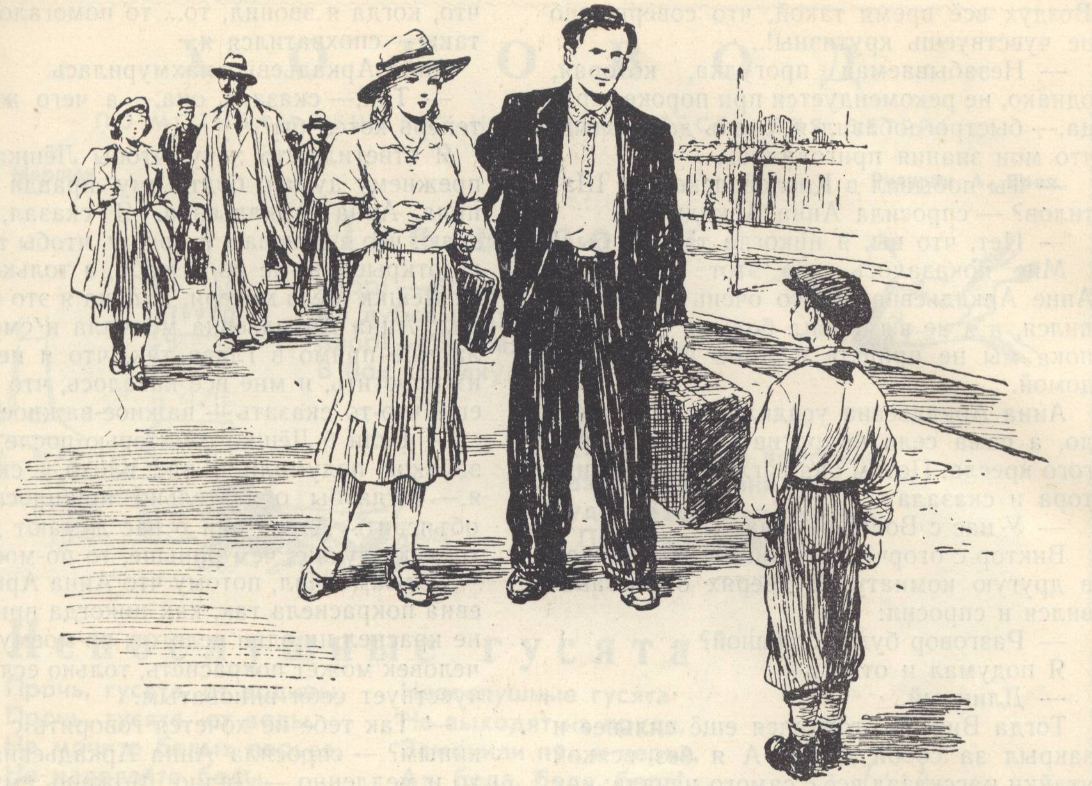
Поезд остановился, и сразу стало на платформе шумно; вокруг меня обнимались, целовались, искали и находили друг друга приехавшие и встречающие, только я стоял на одном месте, у входа в тоннель, искал глазами Анну Аркадьевну и боялся, что сейчас увижу её. Но мимо меня прошло уже много людей, на перроне стало просторно, однако Анны Аркадьевны всё не было. У меня мелькнула мысль, что, может быть, я нечаянно пропустил Анну Аркадьевну, а Владик на другом конце тоннеля, при выходе на площадь, её заметил и сейчас уже обо всём ей рассказывает. Как бы это было здорово!

Мечтая, я, наверно, не очень внимательно глядел по сторонам. Когда мечтаешь, то видишь только то, что тебе хочется, а не то, что делается вокруг. Так что я прямо вздрогнул, когда передо мной в нескольких шагах вдруг очутилась Анна Аркадьевна. Она была загоревшая, в широкополой соломенной шляпе, светлозелёном платье и босоножках. Рядом с ней шёл бледный, сразу видно, что не с юга, парень в чёрном костюме и нёс, слегка клонясь в одну сторону, большой чемодан. Он называл Анну Аркадьевну Анечкой и на весь перрон говорил о том, что её телеграмма пришла только утром и поэтому её родители, которым он звонил, не сумели выбраться на вокзал.

— Так и получилось, что я один тебя встретил,— сказал он потише и взял Анну Аркадьевну под руку. Они поровнялись со мной.

— С приездом! — сказал я хриплым голосом и загородил им дорогу.— Это я...

— Шатилов? — изумилась Анна Аркадьевна.— Здравствуй! Что ты здесь делаешь? Встречаешь кого-нибудь?



— С приездом! — сказал я хриплым голосом и загородил им дорогу.— Это я...

— Да, я встречаю,— сказал я и с трудом добавил: — Вас.

— Меня?—Анна Аркадьевна была, как говорится, поражена.—Меньше всего ожидала сейчас увидеть тебя, Шатилов...

На площади ещё Горяев ждёт,— предупредил я,— Владик.

— Что-нибудь случилось? — спросила Анна Аркадьевна.

— Случилось,— сказал я.

Так что ж ты? Ну? — Анна Аркадьевна испуганно смотрела на меня, остановившись, как вкопанная.

Случилось, но не очень страшное,— сказал я, чтобы её успокоить.

— Так что же?!

— Я потом,— сказал я и покосился на парня с чемоданом.— Можно потом?..

— А-а,— сказала Анна Аркадьевна с облегчением,— так, может, мы потолкуем с тобой завтра? Раз ничего страшного...

Ничего страшного,— сказал я спокойно,— но через два часа будет уже поздно.

После этого Анна Аркадьевна почему-то опять сильно встревожилась.

— Что же,— заторопилась она,— тогда скорее поедем ко мне. Где же Владик?

На площади Владика не было. Анна Аркадьевна и её знакомый немного постояли, а я побегал взад-вперёд по тротуару, но Владика не нашёл.

— Придётся ехать без него,— решил я. Мы сели в троллейбус. Конечно, вдвоем с Владиком мне теперь было бы легче. Но об этом не стоило думать.

В троллейбусе мы сначала не разговаривали. Нарушил молчанье Виктор — так звали парня, который нёс чемодан.

— Как ты всё-таки отдыхала, Анечка? — спросил он.

— Отдыхала?—переспросила Анна Аркадьевна, словно очнувшись.— Чудесно! Там были замечательные прогулки, например, от Храма воздуха к Красному Солнышку...

— ...Откуда открывается вид на вершину Эльбруса, а также на живописно раскинувшийся внизу Кисловодск,— вступил я в разговор, вдруг вспомнив владикину брошюру.

Анна Аркадьевна и Виктор внимательно на меня посмотрели.

— И само восхождение удивительное! — продолжала Анна Аркадьевна.—

Воздух всё время такой, что совершенно не чувствуешь крутизны!..

— Незабываемая прогулка, которая, однако, не рекомендуется при пороке сердца,— быстро добавил я, очень довольный, что мои знания пригодились.

— Ты побывал в Кисловодске, да, Шатилов? — спросила Анна Аркадьевна.

— Нет, что вы, я никогда там не был!

Мне показалось, что этот мой ответ Анне Аркадьевне чем-то очень не понравился, и я не вымолвил больше ни слова, пока мы не пришли к Анне Аркадьевне домой.

Анна Аркадьевна усадила меня в кресло, а сама села напротив на ручку другого кресла. Потом она взглянула на Виктора и сказала:

— У нас с Володей дела.

Виктор с огорчённым лицом направился в другую комнату. В дверях он остановился и спросил:

— Разговор будет большой?

Я подумал и ответил:

— Длинный.

Тогда Виктор огорчился ещё сильнее и закрыл за собой дверь. А я без всякой утайки рассказал всё с самого начала: как позвонил Лёшке в первый, а потом во второй раз, как сегодня мы пошли к Лёшке, чтоб всё ему объяснить, а вместо этого его обманули. Анна Аркадьевна слушала меня очень внимательно. Сначала у неё было такое лицо, как будто я ей отвечаю у доски, и она не хочет, чтобы я знал, правильно отвечаю или нет. Но скоро лицо у неё стало такое, какое было на вокзале, когда я с ней поздоровался и сказал, что Владик ждёт на площади.

Не знаю почему, больше всего удивилась Анна Аркадьевна, когда узнала, что Лёшка сдал на четвёрку. Она даже вскрикнула и переспросила:

— На четвёрку? Не может быть! Это точно, что он сдал, ты не путаешь?

Я сказал, что знаю наверняка.

— Непонятно! — Анна Аркадьевна перестала вдруг говорить голосом, который был взрослее её, а начала говорить со мной так, как с Виктором.— Представляешь, я совершенно... ну, ни капельки не верила, что Лодкин может выдержать! Как это произошло, трудно представить!..

— Очень просто,— попытался я объяснить,— ваши звонки имели огромное воспитательное значение! То есть... я говорю, что, когда я звонил, то... то помогало все-таки,— спохватился я.

Анна Аркадьевна нахмурилась.

— Так,— сказала она,— а чего же ты теперь хотел бы?

Я ответил, что хочу, чтобы Лёшка попрежнему думал, будто ему правда звонила Анна Аркадьевна. Я сказал, что знаю, что я виноват, и прошу, чтобы тайну не открывали, не из-за себя, а только из-за Лёшки и его матери. И пока я это говорил, Анна Аркадьевна молчала и смотрела мне прямо в глаза так, что я не мог их опустить, и мне всё казалось, что надо ещё что-то сказать — важное-важное.

— Если б Лёшка с матерью после этих звонков подумали о вас плохо,— сказал я,— тогда бы обязательно пришлось им объяснить. А раз они о вас думают даже гораздо лучше, чем раньше, то по-моему...

И я замолчал, потому что Анна Аркадьевна покраснела так, как никогда при мне не краснел ни один педагог; по-моему, так человек может покраснеть, только если почувствует себя виноватым.

— Так тебе не хочется говорить с Лодкиным? — спросила Анна Аркадьевна тихо и медленно.— Ладно. Можешь ему ничего не объяснять... Я поговорю с ним сама.— Анна Аркадьевна остановилась.— Я ещё не знаю, что расскажу ему, а чего не расскажу... Надо подумать. Но в общем я это беру... да, беру на себя. Вот так, Володя. А пока что...

Анна Аркадьевна быстро подошла к телефону, заглянула в книжечку, висевшую возле аппарата на шнурке, и набрала какой-то номер. Я предполагал, что она звонит отцу или матери, и вдруг услышал:

— Пожалуйста, Лёшу Лодкина!

Было интересно, какая у них получится беседа, но почему-то мне стало немного не по себе, и я решил уйти.

— До свиданья. Я пойду.— Попрощавшись с Анной Аркадьевной и Виктором, я быстро пошёл к выходной двери. Когда я уже отомкнул замок, до меня донеслось:

— Поздравляю тебя, Лёша!

Владик ко мне с того дня не приходил.

А Лёшка забегал ко мне на днях за какой-то книжкой. О чём говорила с ним Анна Аркадьевна, он не сказал. Во всяком случае, он не обижен на меня, это точно. Иначе он не позвал бы меня на свой день рождения, на который я пойду сегодня вечером.

ХОРОВОД

ПО МОТИВАМ ЧЕШСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН ДЛЯ ДЕТЕЙ[1]

С. Маршак

Рисунки А. Брея.

Две вороны





Карр! — Ворона прилетела
На дубовый сук.
Карр! — Другая рядом села,
В бок соседку — тюк!

— Раздобудем вороных,
Раздобудем сани.
Будем ездить мы на них
В Прагу из Либани.

Непослушные гусята

Прочь, гусята, от водицы,
Прочь, гусята, от воды.
Не мочите белых перьев,
Не наделайте беды.

Непослушные гусята
Не выходят из пруда,
Замочили пух и перья.
Ах, беда, беда, беда!



Мышка



Мышь забралась к нам в
кладовку,
Сыру сбросила головку,
Отщипнула крошку
Увидала кошку —
И бежать!



Ласточка

Ласточка проворная —
Перья сине-чёрные —
Рано, рано встала
И защебетала:
— Фидли, фидли, строю дом
Под застрехой, над окном.



[1] Из сборника чешских народных песен, собранных Петром Денком и вышедших под редакцией Станислава Неймана в Праге.

Бабушкины любимцы



Есть у старушки телушка-пеструшка.
Травку в корзине ей носит старушка.
Бабушкин козлик не ходит со стадом.
Бабушка кормит его виноградом.



Веселье

Стали волк с козою петь,
А медведь —
В дуду дудеть.

Пиво варит им баран.
Кот отправился в чулан
Похозяйничать!

Поймай!

Скачет зайка маленький
Около завалинки.
Быстро скачет зайка —
Ты его поймай-ка!





Лягушка

Вот лягушка на дорожке.
У неё озябли ножки.
Значит, ей нужны
Тёплые штаны,
Суконные
Зелёные
В крапинку!

Улитка

Эй, улитка,
Высунь рожки!
Дам я грошик
На лепёшки,
Пятачок
На табачок.
Высунь рожки
Хоть разок!





Злыдни

ИЗ ПРОШЛОГО

Рассказ Ивана Багмута.

Рисунки Б. Винокурова.

Вустимко сидит возле запруды, во рву, под вербами, и дразнит кукушку.

— Ку-ку! — доносится из густых ветвей.

— Поцелуй слюнявого Луку! — отвечает Вустимко.

— Ку-ку! — снова кричит кукушка.

— Поцелуй слюнявого Луку! — тотчас же повторяет Вустимко.

Мальчику хочется переговорить кукушку, но та всё кукует и кукует, и Вустимко ответил ей, должно быть, уже раз сорок. Но сегодня он может дразнить кукушку хоть до вечера. Сегодня его никто не заставит работать. Отец уже с неделю косит у помещика сено и даже по вечерам не приходит домой. Мама на подёнщине у соседей. А Гали, своей старшей сестры, Вустимко, во-первых, не боится, а, во-вторых, ей некогда искать его. Она должна и обед сварить, и овцу привязать пастись на огороде, и маленького Грица укачать, а ей самой только тринадцать лет.

— Ку-ку! — слышится вверху.

Мальчик не успевает ответить, как раздается голос сестры:

— Вустимко! Где ты?

Как же! Не такой он дурак, чтобы так вот сразу и откликнуться. Он подождёт, пока Галя не скажет, зачем зовёт.

— Вустимко! Завтракать!

О, завтракать он всегда готов! Вустимко тотчас забывает о кукушке и, подобрав длинную рубашонку (ему ещё только шесть лет, и он ходит без штанов), бежит домой.

Галя встречает его на пороге и прежде всего пытается вытереть ему нос. Вустимко вырывается. И что это за привычка у старших — вытирать ему нос!

Дедушка уже сидит на маленьком стульчике перед низким столом, Вустимко и Галя садятся прямо на пол.

От котелка с картошкой, стоящего посреди стола, подымается вкусный пар, но Вустимко знает, что пока дедушка не начнёт есть, со стола ничего брать нельзя. Он не сводит глаз с одной картофелины, которая так разварилась, что на ней полопалась кожура. Белая сердцевина так и сверкает! А что, если её возьмёт дедушка? Вустимко, затаив дух, следит за рукой деда. Но старик берёт другую картофелину.

Вустимко с радостью захватывает свою добычу и, обжигая пальцы, чистит, обмакивает в соль и запихивает в рот. Но картофелина такая горячая, что на глазах у мальчика выступают слёзы. Вустимко поворачивает её языком, шумно втягивает воздух и наконец глотает.

— Ну и горячо! — говорит он, отдышавшись.

— Студи, дурачок,— под носом ветер есть! — улыбается дедушка.

Галя смеётся, дед смеётся, и Вустимко смеётся.

«Скажет же дедушка!» — думает мальчик и спрашивает:

— А где ж там ветер?

— А во рту. Подуешь — вот тебе и ветер,— объясняет Галя.

Дед оглядывается на шкафчик с посудой и несмело спрашивает у внучки:

— Маслица нету?

— Нету, дедушка,— вздыхает та.

Поев, Вустимко опрометью выбегает из

дому и несётся под вербы заканчивать спор с кукушкой. Но она уже улетела. Мальчик бежит на дорогу. Там он строит с соседскими Сашком и Омельком домики из песка. Когда это надоедает, мальчики идут к яме, вырытой в конце усадьбы омелькиных родителей. Яма глубокая, а на дне — лягушки. При мысли, что туда можно упасть, Вустимке становится страшно.

Ребятишки швыряют в лягушек комья сырой глины. Потом, раздобыв сухие прутья, играют в лошадки — выбегают на дорогу, носятся по ней, стараясь поднять как можно больше пыли.

После обеда Вустимко вспоминает, что соскучился по маме. Он бежит к Мычакам. Это через две хаты. Там мама на подёнщине, обмазывает глиной сарай.

Вустимко останавливается у ворот. Собака привязана, можно войти.

Мать и ещё несколько женщин обмазывают стену. Вустимке тоже хочется мазать. Он берёт ком глины, но мать кричит на него, и он убегает в хату к Мычакам. Лука, тот самый слюнявый Лука, которым он дразнил кукушку, сейчас, верно, в хате: во дворе его не видать.

Мальчик останавливается у порога. Мычаки как раз обедают.

За столом сидит дед Лука, весь высохший, седой, пожелтевший от старости, с бородою, с запавшими глазами, как у святого в церкви на иконе. Рядом — взрослые сыновья. Старший, Оникий, тоже уже с проседью, только толстый, а не худой, как дед. Дальше — невестки, внуки. Среди них и маленький Лука.

Тётка Ганна, оникиева жена, бросает на Вустимку недобрый взгляд и сразу же отводит глаза в сторону.

— Из-за нищих и не пообедаешь спокойно,— шипит она.

Вустимко не понимает, к чему она это говорит. Он озирается. Ни в хате, ни во дворе нет ни одного нищего.

Звать Луку сейчас неловко, и Вустимко смотрит на стол. Ишь — пшеничный хлеб! А что ж им не есть пшеничного, у них своя мельница! Да не только мельница, а ещё и машина. Отец Вустимки молотит цепом, а у Мычаков это делает паровая машина!

Тётка Ганна вытаскивает из печи большой чугун, наливает в миски похлёбку и ставит на стол.

Оникий первый набирает ложку, отхлёбывает, но тут же багровеет, и на глазах у него показываются слёзы. Он выплёвывает похлёбку и ругается:



Вустимко останавливается у порога. Мычаки как раз обедают.

— Пропади она пропадом! Как горячо! Вустимке становится весело.

— Студи, дурачок! Под носом ветер есть! — повторяет он дедушкину поговорку и заливается смехом, ожидая, что за ним засмеются все.

Но никто не смеётся. Только маленький Лука прыснул и тут же замолчал, получив пинок от матери.

Лицо толстого Оникия наливается кровью. Он останавливает тяжёлый взгляд на Вустимке и хрипло спрашивает:

— Ты кому это сказал, щенок?

Вустимке непонятно, за что рассердился на него дядя Оникий. И дед Лука, и тётка Ганна, и все за столом смотрят на него враждебно. Только младшая сноха — тётка Лукия — нагнулась, чтобы скрыть улыбку.

— Яблоко от яблоньки недалеко падает,— говорит Ганна.— Скажу Марии, пусть отлупит.

— Ага, ага,— гнусавит старый Лука.— Да пусть так лупцует, чтобы шкура полопалась. Учить надо... Прости, господи!

— Вон из хаты, щенок! — орёт Оникий.

Слюнявый Лука громко хохочет. Но на этот раз мать не даёт ему пинка.

Вустимко растерялся. Что же он такое сказал? За что его выгоняют из хаты? В это время Ганна встаёт, будто к печи, и внезапно хватает Вустимку за ухо. Не помня себя от испуга, мальчик вырывается и со всех ног бежит из хаты. Он подбегает к матери и прячется за неё, вцепившись в юбку.

— Ты чего? — озабоченно спрашивает мать.

Но разъярённая Ганна уже тут как тут.

— Распустила своего висельника! — вопит она.— Оникий тебе заработок даёт, а этот выродок дураком его обзывает! В собственной хате хозяина обижают! Дураком обозвал хозяина! Где ж это видано! Наказывай! Наказывай его! При мне наказывай!

Вустимко с минуту колеблется: бежать от матери или оставаться? Нет, мать не даст в обиду, и он ещё крепче прижимается к ней.

— Наказывай! — как очумелая, визжит Ганна.— Чтобы шкура полопалась!

Мать грязными, вымазанными в глине руками ловит Вустимку за плечи, а когда он пробует вырваться, хватает его за голову. Вустимко начинает реветь. Но мать не обращает на это внимания. Она задирает ему рубашонку, и на спину Вустимке сыплются звонкие удары.

Вот как заступилась за него мама! А он ещё искал у неё защиты от сердитых Мычаков!.. В сердчишке его закипает обида. Шлепки обрушиваются один за другим, но Вустимко не чувствует боли — так он возмущён матерью, Ганной, всеми Мычаками. Разве он хотел кого-нибудь обидеть? За что мать бьёт его?

Остальные подёнщицы стоят молча, потупясь. Никто не скажет в защиту мальчика ни слова. А Ганна всё вопит:

— Бей, бей!

Из хаты выбегает слюнявый Лука и, увидев, что Вустимку бьют, хохочет и, приплясывая, выводит:

Раз, два, три, четыре,
На скамейку положили.
Рубашонку сняли,
Выволочку дали!

Вустимко не выдерживает издевательства. Он, изловчившись, кусает матери руку. Та, вскрикнув, отдёргивает руку, а Вустимко вырывается и стремглав вылетает со двора.

Он, не останавливаясь, бежит по улице домой и прячется в саду. Вся спина горит. Он осторожно дотрагивается до неё рукой. Нет, кожа не полопалась. Теперь только он начинает плакать. От боли, от обиды, от сознания несправедливости!

Долго лежит Вустимко в густом вишеннике и беззвучно рыдает.

Спина постепенно перестаёт болеть. Но в душе у Вустимки всё кипит. Мальчик глубоко вздыхает. Он мечтает о том, как вырастет большой и отомстит за всё, за всё... Мычаков он столкнёт в яму — к лягушкам! Всех — и Оникия, и Ганну, и слюнявого Луку. Воображение рисует ему, как лягушки вопьются в противные рожи врагов и как Мычаки начнут сохнуть, сохнуть и помрут...

Матери он тоже не забудет обиды. Он просидит тут до утра, простудится и умрёт. Пускай тогда мать поплачет!

Несколько раз его зовёт Галя, но Вустимко молчит. Он только переходит из вишенника под вербы и прячется в густых зарослях.

Вечером возвращается мать. Вустимке видно из его убежища, как она рассказывает что-то Гале, дедушке, и они начинают звать Вустимку. Но он молчит. Мать кормит Грица, загоняет в хлев овцу. У матери озабоченное лицо, и Вустимко испытывает наслаждение. Ага! Поищите-ка его

теперь! Нет, он просидит тут не только ночь, но и завтрашний день.

Управившись по хозяйству, мать принимается звать его. Она ищет в саду, заглядывает в колодец.

Когда совсем темнеет, Вустимко уже не видит, что делает мама, и только слышит её взволнованный голос:

— Вустимко! Где ты?

— Вустимко! — зовут дедушка и Галя.

Потом их голоса затихают. Мальчик сидит под вербами и мечтает о том времени, когда он вырастет большой. Вдруг рядом что-то зашуршало. Вустимко испуганно подпрыгивает на месте и касается ногой чего-то холодного, скользкого.

— Жаба!

Он бросается бежать к хате. Уже совсем стемнело. В хате темно: нет керосина, но дверь отворена. На пороге сидит дедушка и, кашляя, разговаривает сам с собой.

— Ну, на что его бить?.. Он же глуп ещё... Разве он понимает?..

Вустимко прячется за стену хаты. Вот тут он простоит до утра. Но и здесь прыгают лягушки, ему становится жутко. Он приближается к углу, и вдруг чья-то рука хватает его в темноте за рубашонку. Он не успевает вырваться и только втягивает голову в плечи, ожидая новых побоев за то, что он не откликался.

Но мать не бьёт его. Она обнимает мальчика и жёсткой ладонью гладит по лицу.

— Несчастный ты мой,— тихо говорит она, и Вустимко чувствует, как ему на голову капают слёзы.

Вся злость на маму сразу проходит. Он прижимается к ней и глубоко-глубоко вздыхает.

— Не я тебя била, злыдни тебя били,— плача, говорит мать и прижимается мокрой щекой к его лицу.



— Несчастный ты мой, — тихо говорит мать.

Вустимко не раз слыхал про злыдней — маленьких бесенят, которые забираются к бедным в хаты. Про всех бедняков говорят, что их обсели злыдни. Но ведь мама била его сама, а говорит, что это злыдни... Потом он догадывается: мама не хотела бить, а Мычаки напустили на неё злыдней, вот она и побила.

— Пойдём домой,— ласково говорит мать и берёт его, такого большого, на руки.

Вустимке становится легко. Он обнимает маму и говорит:

— Не плачьте, мама! Я как вырасту, мы с отцом зададим! И злыдням и Мычакам.

Перевёл с украинского **Вл. Россельс.**



ОХОТНИКИ ЗА КИТАМИ. С. Фролов.



НА КУРИЛАХ. **И. Рыбачук.**

Курильские острова — самая восточная окраина нашей страны. Это земля рыбаков и охотников за морским зверем.

На картине художника И. Рыбачука мы видим бухту, загороженную от бурь островерхими сопками. Здесь приютился комбинат, перерабатывающий убитых китов. Прибуксированные китобоями огромные туши китов зачалены у берега, словно катера. Одного из них мощная лебёдка уже тянет на сушу, во двор комбината, остальные ждут очереди. Трудна и сурова жизнь охотника за китами. Картина на обороте показывает этих отважных людей за работой. Штормовая волна бросает маленькое судёнышко, солёными ручьями окатывает палубу. Но китобои делают своё дело. Гарпунёр уже навёл гарпунную пушку и готовится послать меткий выстрел.



ВОЗВРАЩЁННАЯ ЖИЗНЬ

А. Дорохов Рисунки В. Константинова.

ДЕВОЧКА ПОД ПАЛАТКОЙ



В комнате с белыми стенами и большим окном было светло и тихо. Лишь чуть слышно жужжал какой-то аппарат.

Посредине комнаты стоял длинный стол на высоких ножках. На столе была укреплена проволочная сетка от кровати, а на ней положены один на другой два мягких матрасика. По складкам закрывавшего их одеяла было понятно, что на матрасиках кто-то лежит.

Лица лежащего не было видно. Над верхней половиной его тела возвышалась голубая клеёнчатая палатка, отгораживавшая его от внешнего мира. В стенках палатки были прорезаны квадратные отверстия, затянутые прозрачным целлофаном.

Больше в комнате никого не было. Её спокойную тишину нарушало только приглушенное гудение аппарата.

Вошедший со мной профессор предложил мне заглянуть в целлофанное окошечко. Я увидел бледное личико худенькой девочки с закрытыми глазами. Она лежала неподвижно, откинувшись на высокие подушки. Еле заметное дыхание полураскрыло её губы.

Профессор осторожно приподнял край палатки.

— Ну, как, Аллочка, чувствуешь себя? — спросил он.

Девочка открыла большие синие глаза.

— Спасибо, хорошо,— послышался слабый голосок.— Сейчас уже совсем хорошо...

Профессор опустил полог.

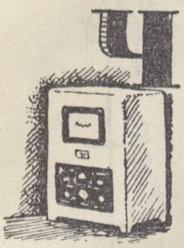
— Аллочке сделали сегодня утром очень серьёзную операцию,— тихо сказал он.— Теперь она отдыхает, дремлет, набираясь сил.

— А почему над ней натянута эта палатка? — спросил я.

— Аллочке пришлось разрезать и снова зашить сердце. Она может сейчас дышать только очень слабо. Нельзя слишком утомлять раненое сердце, пока оно немно-

го не заживёт. Вот этот аппарат в изголовье всё время накачивает под палатку чистый кислород. Аллочка дышит воздухом, обогащённым кислородом, и её сердцу легче работать. Под этой палаткой Аллочка будет лежать целые сутки, а потом её прямо на кровати перевезут обратно в палату.

ПРИНЦЕССА НА ГОРОШИНЕ



Через застеклённую дверь была видна соседняя комната. Там за столом, уставленным черными ящиками с какими-то сложными приборами, сидел молодой врач. Поглядывая на приборы, он что-то быстро записывал.

— Этот врач подготавливал Аллочку к операции,— сказал профессор.— Теперь он пробудет около неё первые сутки, пока не минует опасность осложнения. Он проверяет, хорошо ли работает после операции аллочкино сердце.

— Как же можно видеть это из другой комнаты?

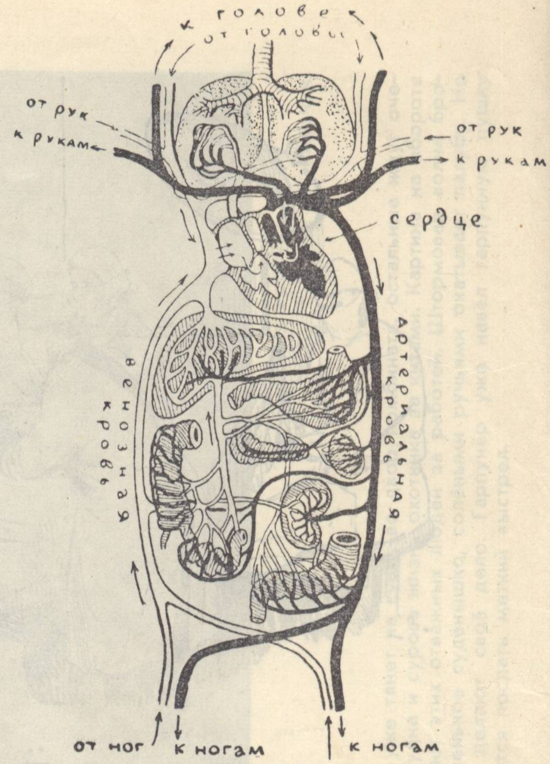
— Он пользуется нашими новыми аппаратами. Вот смотрите...

Профессор откинул край простыни аллочкиной кровати, и я увидел, что под нижним матрасиком на проволочной сетке лежит небольшая металлическая пластинка, а от неё тянутся в соседнюю комнату провода.

— Эта пластинка связана с аппаратом, который называется кардиогемодинамографом. Он необыкновенно чувствителен. Достаточно бросить на эту пластинку волосок, и аппарат отметит удар от падения этого ничтожного груза. Несмотря на то, что пластинку от Аллочки отделяют два матрасика и подушка, аппарат всё время показывает, насколько тяжелее давит на пластинку её маленькое сердце, когда оно наполнено кровью, и насколько легче оно делается, когда сжимается и выталкивает из себя кровь.

Это было похоже на сказку о принцессе на горошине. Только в сказке сама принцесса чувствовала горошину через десять перин, а здесь пластинка ощущала через все матрасы слабое биение сердца девочки.

С чувствительной пластинкой соединены проводами сложные электрические механизмы кардиогемодинамографа, установленные в соседней комнате. Получая



Так движется кровь в человеческом теле.

сигналы пластинки, эти механизмы непрерывно отражают на маленьких экранах, как ведёт себя аллочкино сердце: хорошо ли оно работает, достаточно ли наполняется кровью, до конца ли выталкивает ее, сжимаясь.

Попутно аппарат отмечает, насколько глубоко и спокойно Аллочка дышит.

Благодаря кардиогемодинамографу врач может не тревожить Аллочку, пока она дремлет. Он сидит в соседней комнате, а его глаза и уши словно всё время рядом с девочкой.

ЧУДЕСНЫЙ МОТОР



Что же случилось с Аллочкой? Почему надо было разрезать её маленькое сердце?

Чтобы это стало для нас понятным, давайте вспомним, как устроено сердце человека и для чего должно оно непрерывно сокращаться и расслабляться, прогоняя через себя кровь.

Наш организм составлен из бесчисленного множества мельчайших клеток. Из клеток состоят кожа и мышцы, печень и лёгкие, нервы и мозг, сосуды и кости.

Клетки могут жить только до тех пор, пока их омывает кровь. Пробегая по пронизывающим все органы и части тела тончайшим сосудам, кровь приносит клеткам питательные вещества и кислород, необходимый, чтобы эти вещества усваивать. А на обратном пути кровь уносит все скопившиеся в клетках отбросы и углекислоту, которую образует использованный клетками кислород.

Кто же гонит кровь по всему нашему телу?

Это делает сердце.

Кровь бежит по сосудам потому, что её непрерывно толкает безостановочно работающее сердце.

Человеческое сердце представляет собой плотный мускулистый мешок. Внутри этот мешок делится на четыре камеры: правое и левое предсердия и правый и левый желудочки. Между камерами есть небольшое отверстие для прохода крови.

В правое предсердие входят толстые трубки больших сосудов, по которым бежит уже омывшая клетки, отравленная углекислотой тёмная кровь. Эти сосуды называются венами.

Из левого желудочка отходит такая же широкая трубка — аорта, соединённая со всеми сосудами, разносящими по телу очищенную от отбросов, насыщенную кислородом алую кровь. Эти сосуды называются артериями.

Сердце постоянно находится в движении. Оно непрерывно сокращается и расслабляется. За минуту оно сокращается шестьдесят — семьдесят раз.

Когда сердце расслабляется, оно всасывает из вен в правое предсердие собранную со всего тела испорченную венозную кровь. После этого сердце сокращается и проталкивает эту тёмную кровь из предсердия в правый желудочек. Оттуда по широкой трубке лёгочной артерии кровь устремляется в систему тончайших сосудов, пронизывающих лёгкие.

Пробегая по лёгким, кровь выделяет из себя углекислоту, которую человек затем выдыхает. В то же время кровь жадно набирает запас кислорода из свежего воздуха, поступающего в лёгкие с каждым нашим вздохом.

Эту освобождённую от углекислоты, богатую живительным кислородом артериальную кровь втягивает, расслабляясь, левое предсердие. Сжимаясь, оно проталкивает эту обновленную кровь в левый желудочек, а тот, сокращаясь, в свою очередь, с силой гонит кровь через аорту ко всем проложенным по телу кровеносным сосудам.

Так незатихающая работа сердца поддерживает непрерывный круговорот крови в нашем организме.

Человеческая техника не создала еще мотора, который мог бы работать без остановки почти сто лет.

Но в природе такой чудесный мотор существует. Это — человеческое сердце.

Оно начинает биться с первой секунды нашей жизни и бьётся ночью и днём, не останавливаясь ни на минуту, до тех пор, пока человек жив, хотя бы он и прожил сто лет. Бьётся и гонит по телу кровь.

Но не все сердца бьются одинаково.

РУЧЕЕК И СТРУЙКА



Представьте себе, что сердце расслабилось и правое предсердие втянуло в себя из вен тёмную, испорченную кровь. Что должно произойти, когда сердце сократится снова?

Часть крови побежит в правый желудочек, а часть — обратно в вены, скажете вы.

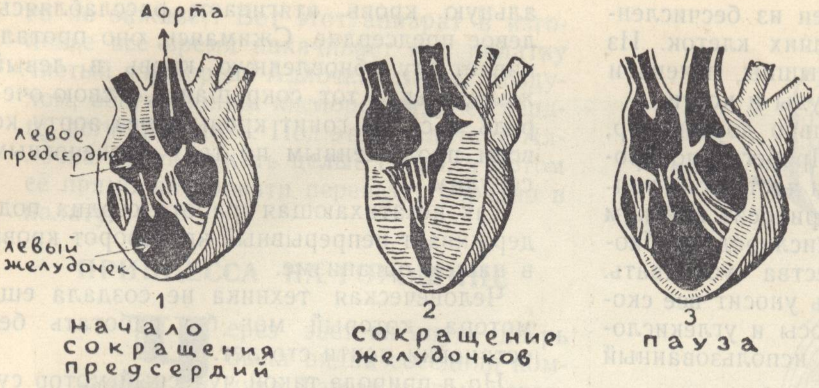
Нет, на самом деле так не бывает. Кровь в организме движется только в одном направлении, по точному маршруту: из вен в правое предсердие, оттуда в правый желудочек, из него в лёгкие, оттуда в левое предсердие, затем в левый желудочек, а из него через аорту в артерии.

В противоположном направлении кровь не движется никогда.

Что же закрывает крови обратный путь? Для этого существует особое устройство.

Чтобы кровь не бежала назад, у всех выходов из сердца в сосуды и в отверстиях между камерами самого сердца устроены особые дверки. Эти дверки называются клапанами. Все они могут открываться только в одну сторону.

Когда сердце расслабляется, раскрываются клапаны у выходов из вен. Они пропускают тёмную венозную кровь в правое предсердие. Но когда сердце сокращается, эти клапаны плотно закры-



прогоняет через лёгкие всё больше крови.

А что делать, если одно из отверстий уже других и может пропустить через себя только тоненькую струйку? Как усилить тогда кровообращение?

И вот организму начинает не хватать кислорода. Мышцы отказываются работать. А в набухших венах скапливается отравленная углекислотой, неочищенная кровь. Эта тёмная кровь задерживается в сосудах и придаёт коже синий оттенок.

ваются. Они преграждают путь назад, и венозная кровь поневоле бежит через единственный клапан, который в этот момент как раз открывается. Этот клапан ведёт её в правый желудочек.

Так на всём пути крови перед ней открываются и закрываются удивительные дверки. Туда — пожалуйста, обратно — хода нет!

И вот бывают дети, у которых одно из отверстий сердца не развилось и осталось слишком узким. То отверстие, которое в нормальном сердце должно раскрываться на толщину пальца, у таких ребят с трудом пропускает спичку.

Этих ребят можно узнать сразу. У них синие губы, синий язык, синие кончики пальцев. Но самое главное — таким детям очень трудно жить. Они не могут не только бегать, но даже быстро ходить. Сделают два шага и начинают задыхаться.

Отчего же им так трудно двигаться? А вот отчего.

Там, где кровь должна бежать быстрым ручейком, у них еле-еле пробивается тоненькая струйка: больше узкое отверстие клапана не пропускает.

Пока такой ребёнок лежит или сидит, этой тоненькой струйки ещё кое-как хватает.

Но стоит такому ребёнку побежать, и он сразу задыхается, быстро теряет силы и вынужден остановиться.

Дело в том, что при любом нашем движении мышцы начинают усиленно работать. При этом их клетки требуют гораздо больше кислорода и выделяют больше углекислоты. Доставить им кислород и унести углекислоту должна кровь.

У здорового ребёнка сердце легко справляется с такой повышенной нагрузкой. Оно начинает биться сильнее и чаще и

Такое узкое отверстие было и в сердце у Аллочки.

Когда она была ещё совсем маленькой, у неё уже часто синели губы, язык, кончики пальцев. А когда она подросла, стало понятно, что у неё что-то неладно с сердцем.

Аллочка совсем не могла быстро ходить. Сделает два — три шага и садится на корточки, чтобы отдышаться. А то и просто упадёт на землю. Она никогда не играла вместе с другими детьми, а молча сидела на траве и грустно смотрела, как бросают мяч, прыгают, бегают вперегонки её подруги.

Учиться Аллочке тоже было очень трудно. Она не могла даже отвечать уроки. Начнёт громко говорить и сразу задохнётся, побледнеет, голова у неё закружится, и она должна опуститься на парту. А уж о том, чтобы заниматься физкультурой, играть в волейбол или кататься на коньках, она не могла и мечтать.

Чем старше делалась Аллочка, тем ей становилось хуже. Она росла, её организм требовал всё больше крови, а неразвившееся отверстие в сердце оставалось всё таким же узким.

— У Аллочки врождённый порок сердца,— говорили врачи.— Мы её вылечить не можем.

И действительно, для того, чтобы Аллочка стала такой же, как другие девочки, её сверстницы, надо было раскрыть шире одно из отверстий её сердца. Но добраться до этого отверстия можно было только при одном условии: надо было вскрыть стенку её маленького сердца, за-

браться внутрь и надрезать крохотное, неразвившееся отверстие.

Но кто же решится вскрыть бьющееся сердце слабенькой девочки?

СЕРДЦЕ ЗАБИЛОСЬ СИЛЬНЕЕ



До начала нынешнего века даже самые умелые и опытные хирурги, не задумываясь бравшиеся за самые сложные операции, беспомощно опускали руки, когда речь заходила о больном сердце.

В медицине считалось установленным раз и навсегда: сердце трогать нельзя.

Да и в самом деле! Как коснуться хирургическим ножом сердца, которое непрерывно находится в движении: вздрагивает, сокращается, расслабляется? Как умудриться сделать глубокий разрез на этом пульсирующем клубке мышц и не поранить при этом важного для деятельности сердца нерва?

Любой орган можно закрепить неподвижно, хотя бы на то короткое время, пока длится операция. Но как быть с сердцем, которое бьётся в твоих руках, как только что вынутая из сетей рыбка? Его нельзя остановить даже на минуту. Остановится сердце — и человек погибнет. Операция станет уже ненужной.

А если и сумеешь быстро и точно вскрыть этот пульсирующий орган, то как справиться с потоком хлынувшей крови? Ведь каждое биение сердца выталкивает из сосудов почти полстакана горячей крови. Она брызнет алым фонтаном, сразу зальёт всю область операции, и ты уже не разглядишь места, которое только что разрезал и которое надо зашить снова, не промешкав и доли секунды.

Вот почему лучшие хирурги всех стран считали операции на сердце слишком рискованными, чтобы за них браться. Человек с серьёзной болезнью сердца был обречён на гибель.

Правда, выпадали редкие случаи, когда врачам всё же приходилось вторгаться своими инструментами в запретную область. Но это бывало лишь тогда, когда сердце было пробито пулей или ранено ножом, и гибель пострадавшего была бы всё равно неизбежна. В таком случае врач имел право идти на любой риск, лишь бы попытаться спасти умирающего.

Из русских хирургов первым отважился на такую операцию и одержал победу Н. Шаховской.

В 1903 году он успешно извлёк пробившую сердце пулю и наложил швы на рану. Человек был спасён. Но такие случаи насчитывались единицами.

И всё же мысль о том, чтобы сделать операции на сердце столь же обыденными и доступными, как операции на всех других органах, никогда не покидала хирургов.

Высокий долг врача, благородное мужество учёного властно требовали не отступать перед природой, а искать всё новые и новые пути и средства, чтобы бороться за жизнь и здоровье человека.

Накануне Отечественной войны советская наука начинала приближаться к проникновению вглубь самых скрытых процессов, совершающихся в организме человека. Уже были найдены новые точные способы исследования кровообращения и работы сосудов. В маленькой лаборатории врача В. А. Неговского успешно разрабатывался метод возобновления деятельности остановившегося сердца. Начал делать первые удачные операции на сердечной мышце знаменитый русский хирург Н. Н. Бурденко.

Годы войны потребовали от советских хирургов особенно напряжённой работы. Тысячи тяжело раненных солдат и офицеров обязаны своей жизнью их опыту и мастерству.

Но долгие часы, проведённые у операционных столов в полевых госпиталях, заставили хирургов особенно остро сознавать своё бессилие, когда речь шла о самых сокровенных, но и самых решающих уголках человеческого тела.

И, может быть, именно эти фронтовые годы воспитали в советских врачах ту решительность, то спокойное мужество, ту уверенность в своём опыте и уменье, которые позволили им бестрепетно вторгаться в самые запретные доселе области. В наших клиниках стали делать замечательные операции на лёгких, на пищеводе, на желудке.

Вскрывая грудную клетку больного, делая сложную операцию на пищеводе или на лёгком, хирурги всё время ощущали под своими руками пульсирующее сердце. И всякий раз перед ними возникало воспоминание о виденных на приёме в клинике бледных и слабых мальчиках и девочках, задыхающихся при каждом рез-

ком движении, лишённых радостей детства. Неотступно стояли перед ними молящие о помощи глаза матерей, понявших, что ребёнок неминуемо обречён на раннюю смерть.

Как мучительно бывает всегда сказать такой исстрадавшейся от постоянной тревоги матери: «Медицина бессильна»! Ведь эти слова — смертный приговор её ребёнку!

Неужели можно примириться с этим? Нет, это было бы недостойно настоящего врача!

Касаясь во время очередной операции обнажённого от покровов сердца, хирурги всё более утверждались в одной мысли: если мы можем безбоязненно трогать сердце, мы обязаны научиться его оперировать, обязаны найти способы исправлять хирургическим ножом его пороки.

Одним из первых на это решился нынешний президент Академии медицинских наук СССР профессор Александр Николаевич Бакулев. Он разработал и успешно осуществил ряд операций на сердце.

Рубеж был перейдён. Сердце перестало быть запретной зоной.

Какое высокое, ни с чем не сравнимое чувство удовлетворения и счастья испытывали хирурги, когда приговорённый к мучительной смерти больной, почти потерявший способность дышать и лишь судорожно ловивший ртом воздух, вдруг вздыхал широко и свободно!

Нож хирурга возвращал ему жизнь.

ОНА БУДЕТ БЕГАТЬ



Прошёл месяц с того дня, как я впервые познакомился с Аллочкой. Я снова был в той же клинике. Поднимаясь по лестнице, я увидел девочку с длинными косами. Она гуляла по широкому коридору, обнявши за плечи подругу в таком же сером больничном халатике. Лицо девочки показалось мне знакомым.

— Ты, кажется, Аллочка? — спросил я неуверенно.

— Да, это я,— ответила девочка.— Правда, меня теперь трудно узнать?

Она была права. Нынешняя Аллочка сильно отличалась от той слабенькой и бледной девочки, которая неподвижно лежала когда-то под голубым куполом палатки. Теперь глаза её блестели, щёки были розовыми, голос звучал оживлённо и бодро.

— Меня уже скоро выписывают,— со счастливой улыбкой говорила Аллочка.— Профессор сказал, что летом я буду бегать!

Я попросил Аллочку рассказать, как она тогда попала в клинику и как её здесь вылечили.

Оказывается, всё началось с «Пионерской правды». Однажды в далёкий украинский городок, где жила Аллочка, пришёл номер газеты, где был напечатан очерк об операциях на сердце. Подруги принесли газету Аллочке. Узнав, что в Москве есть клиники, где вылечивают детей с больным сердцем, аллочкина мама написала письмо в одну из таких клиник. Через месяц пришёл ответ: Аллочку ждут.

Так Аллочка попала в Москву.

Но до операции было ещё далеко. Такую трудную операцию нельзя делать вслепую. Сначала необходимо было точно узнать, что именно мешает аллочкиному сердцу правильно работать.

Начались кропотливые исследования. В наших клиниках есть удивительные приборы и аппараты, которые позволяют врачам заглядывать внутрь работающего сердца, дают возможность исследовать кровь, пока она бежит по сосудам.

Однажды, например, Аллочке надели на мочку уха маленькую серёжку, соединенную проволочками со сложным прибором. Потом доктор включил ток, и прибор показал, сколько у Аллочки в крови кислорода.

В другой раз Аллочку привезли в рентгеновский кабинет. Через очень тоненькую трубочку ей впустили прямо в сердце особую жидкость, сквозь которую не проникают рентгеновские лучи. И врачи наблюдали на экране, как эта непрозрачная жидкость путешествует вместе с кровью внутри аллочкиного сердца из одной камеры в другую. Сразу стало понятно, который из клапанов её задерживает.

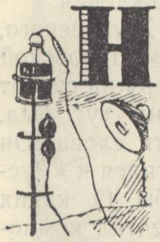
И вот наступил день операции. Аллочку привезли в очень светлую комнату и положили на высокий стол. Над ней склонился профессор. Он был в белом халате, белой шапочке, и даже лицо его было затянуто белой марлевой маской. Но Аллочка узнала его по слегка прищуренным, внимательным и добрым глазам.

А потом ей дали что-то вдохнуть, и Аллочке показалось, будто она куда-то по-

летела высоко-высоко... Ей не было ни страшно, ни больно. Она спокойно спала, пока профессор обнажил её маленькое сердце, одним лёгким движением прорезал в нём узкую щель, осторожно ввёл внутрь крохотный острый ножичек с тремя лезвиями и расширил отверстие клапана, мешавшего Аллочке жить.

А Аллочка всё это проспала. Проснулась она уже под голубой палаткой и с радостью и удивлением почувствовала, что ей очень легко дышать.

ВПЕРЁД И ДАЛЬШЕ



Настоящий учёный никогда не останавливается на достигнутом. В нём живёт постоянное, неугасимое стремление идти всё вперёд, всё дальше, искать всё новых и новых путей к победе над природой.

Предложенные А. Н. Бакулевым способы исправлять сердце уже освоили многие советские хирурги: Б. В. Петровский, А. В. Гуляев, А. А. Вишневский — в Москве, П. А. Куприянов и Ф. Г. Углов — в Ленинграде, Н. В. Антелава — в Тбилиси.

Но поиски нового не прекращаются. Советские учёные поставили своей задачей научиться производить на сердце любые операции и сделать эти операции более простыми. Сейчас вскрывать сердце решаются лишь самые опытные и умелые хирурги. А нужно, чтобы эти операции стали доступны каждому врачу.

В московских клиниках и институтах уже проводят удивительные опыты. Вот некоторые из них.

Большую собаку усыпляют. Крупные сосуды, через которые входит и выходит из её сердца кровь, соединяют с аппаратом, изобретённым советским учёным С. С. Брюхоненко. Этот аппарат работает, как насос. Через одно отверстие он втягивает в себя кровь, через другое — выталкивает. А пока кровь проходит через аппарат, особое устройство насыщает её кислородом.

Вы уже поняли, что этот аппарат выполняет работу сердца и лёгких. Его так и называют — искусственным сердцем. Настоящее сердце собаки лежит в её груди неподвижно. Оно выключено. Сейчас его можно спокойно оперировать. А кровообращение животного идёт по обходному пути. Его поддерживает второе сердце — механическое.

Пробуют применять и другой метод — охлаждение организма.

Вы знаете, что многие животные на зиму погружаются в спячку, которая продолжается несколько месяцев. Всё это время животное ничего не ест. Жизненные процессы в его организме протекают настолько медленно и слабо, что для того, чтобы их поддерживать, достаточно питательных веществ, запасённых организмом с осени. Животное лежит неподвижно и лишь медленно дышит.

И вот учёным пришла мысль: нельзя ли вызвать такое состояние искусственно?

Оказывается, можно. Собаку усыпляют и помещают в особую холодильную камеру. Постепенно её кровь охлаждается, и температура тела падает до двадцати четырёх градусов. При этом кровообращение настолько замедляется, что сердце животного сокращается лишь пять — шесть раз в минуту. Кровь, которая до этого бурно наполняла сердце, сочится из вен медленной струйкой.

Работа хирурга упрощается. Теперь ему не мешают ни частые сокращения сердца, ни поток крови. Он может даже наложить на сосуды сердца тугие зажимы и на двадцать — тридцать минут вообще остановить кровообращение. Жизненные процессы при пониженной температуре тела настолько замедлены, что клеткам тканей хватит на этот срок и того запаса питательных веществ и кислорода, который в них ещё остался.

Так появляется возможность вести операцию на неподвижном и обескровленном сердце.

Покамест все эти опыты делают только на животных. Но всё ближе день, когда наука найдёт такие точные и безошибочные методы, что можно будет уверенно применять их к человеку. И тогда перед хирургами откроются небывалые возможности.

За то, чтобы этот день наступил как можно скорее, борется советская медицина.

НАША РАДОСТЬ, НАША СЛАВА

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. И. ГЛИНКИ

Ю. Новикова

...Могучий витязь Руслан приблизился к спящей Людмиле. И тотчас же рассеялись злые чары, юная княжна ожила. Любовь и радость одолели мертвенное оцепенение; во славу этого звучит финальный хор. И так торжествующе величава, так победно прекрасна эта музыка, что автору её, Михаилу Глинке, на минуту кажется, что всё будет хорошо. Может быть, и не было вовсе раздражённого шёпота в зале, колючих реплик? Может, это померещилось ему от мнительности? Сейчас дадут занавес, и театр вздрогнет от аплодисментов.

Занавес закрывается.

Льдинками сверкают брильянты на дамских туалетах, холодно поблёскивает шитьё мундиров. До чего брюзгливые, до чего равнодушные лица!

Внезапно по рядам пробегает шёпот, все глядят вверх: императорская ложа пуста. Николай с семьёй уехал из театра, не досидев до конца спектакля. Этим царь выразил неодобрение Глинке и его новой опере «Руслан и Людмила».

Жидкие хлопки. Одинокие голоса всё же вызывают автора. Их заглушает возмущённое шиканье.

— Кажется, что шикают... Идти ли мне на вызов? — растерянно спрашивает Глинка.

Всё-таки он выходит. Он стоит на сцене, невысокий человек со смугло-бледным, очень бледным сейчас лицом. С достоинством кланяется он враждебно-равнодушному залу.

С тем же сдержанным достоинством приглашает он друзей к себе отужинать. Что бы там ни было, надо отметить появление «Руслана» на сцене.

Гости сидят за столом. Так же сидели они шесть, да, ровно шесть лет назад: первое представление «Сусанина» тоже было 27 ноября. Но как не похож этот унылый ужин на пиршество 27 ноября 1836 года!

У «Сусанина» тоже были враги, но в тот вечер гости по праву поздравляли хозяина с успехом. Как весел и дружен был тогда их тесный круг! С бокалами в руках пели друзья куплеты шуточного гимна в честь «русского Орфея» — сладкопевца Глинки. Жуковский, Вяземский, Одоевский и Пушкин. И Пушкин...

...Гости расходятся. Хозяин остается один на один со своей бедой. Он думает, как это произошло.

Здраво говоря, удачи трудно было ожидать. Несчастья преследовали его любимое детище с года его зарождения.

Глинка вспоминает вечер у Жуковского, когда автор комедий «колкий» Шаховской подал ему мысль написать оперу на сюжет пушкинской сказки. И Пушкин тут был. Он горячо откликнулся на эти слова. Он сказал тогда, что если б воротился к «Руслану», то многое изменил бы. О каких переделках он думал? Как мечтал композитор о его помощи, как хотел поговорить с поэтом о своих замыслах! Так и не встретились они: Пушкина не стало.

Всё препятствовало работе над оперой. В тот же год свалилась на него эта проклятая царская милость: Николай, пожаловавший поэта Пушкина званием камер-юнкера, вздумал осчастливить композитора Глинку должностью придворного капельмейстера. Возня с певчими поглощала уйму драгоценного времени. Стоило сесть за «Руслана», являлся дядька, унтер-офицер, руки по швам, и докладывал:

— Ваше высокоблагородие! Певчие собрались, вас ожидают.

А неудачи с авторами либретто?

И всё же он писал — урывками, жадно. Писал на людях, под шум разговоров.

«Руслан» закончен, идут репетиции, но и они приносят одни огорчения.

Оперу безжалостно кромсают, режут, калечат. По настоянию цензуры из первого акта выбросили хор к богу Лелю: нельзя-де воспевать языческое божество!

Вырезана и вторая песнь гусляра Баяна, написанная во славу Пушкина. Не пристало воспевать этого поэта в театре, где бывает Николай.

А мелкие неприятности?.. Художник поссорился с директором, и это не замедлило сказаться на декорациях: замок Наины больше смахивал на казарму.

Но, может быть, дело не в декорациях, может статься, просто опера не удалась?



Эскиз декорации ко второму акту оперы М. Глинки «Руслан и Людмила». Художник — К. Коровин.



«Руслан и Людмила» в постановке Государственного Большого театра. Руслан в пещере Финна.

Нет, неправда! Музыка «Руслана» хороша, взыскательный художник Глинка знает это. Силой подлинного вдохновения отмечены её страницы, да и пушкинская сказка сама просилась на музыку... Он, Глинка, верно услышал и передал то, что поёт в своих песнях народ.

Но театральная публика, приученная к слащавости и ложной пышности, не хочет простоты и глубины. Что ей до народной души? «Музыка кучеров» — говорят об его операх «светские» люди.

...С болью в сердце едет Глинка в театр. Второе представление «Руслана» принимают не лучше, чем первое.

Композитор прислушивается к толкам. В первых рядах передают друг другу шутку брата царя — Михаила: «Я теперь вместо гауптвахты посылаю провинившихся офицеров слушать оперу вашего Глинки, которого вы называете гением. И, представьте себе, наказание моё помогает — офицеры боятся его, как огня».

Музыка звучит — светлая, искристая, живительная, кажется, что не слышать её могут только глухие. И все-таки зрители не слышат её и не понимают. «Руслана» поймут через сто лет»,— говорит Глинка сестре.

Конечно, находились и тогда люди с чутким слухом и сердцем.

Но таких людей было немного. Умоляюще звучат слова писателя Одоевского, обращённые к современникам: «О, верьте мне, на русской музыкальной почве вырос роскошный цветок — он ваша радость, ваша слава. Берегите его, он цветок нежный, а цветёт раз в столетье».

Глинка оказался прав: «мученица нашего времени», как назвал оперу «Руслан и Людмила» критик Стасов, долго ещё не получала широкого признания. Одно время она совсем не появлялась на сцене. А когда наконец ученик Глинки артист Петров захотел поставить её в свой бенефис, случилось несчастье: сгорел театр, в котором должен был идти спектакль... И хотя всё громче раздавались голоса в защиту «Руслана» и Стасов давно уже провозгласил эту оперу чудом искусства, в день пятидесятилетия «Руслана и Людмилы» в Большом театре шла совсем другая опера. Во всей полноте и блеске народ узнал «Руслана» только после Октября.

Теперь «Руслан и Людмила» идёт на сцене Большого театра в постановке режиссёра Р. В. Захарова. Богат и великолепен этот спектакль. Точно по волшебству, переносимся мы в фантастический мир русской сказки. Летит по звёздному небу ковёр-самолёт, парят в замке колдуньи Наины воздушные красавицы. Мы видим бой Руслана с бородатым Черномором, бой, о котором раньше только пели на сцене. Точно из-под земли возникает на сцене волшебный замок, бьют фонтаны в садах Черномора, открывает огромные глаза гигантская заколдованная голова... Всё это показывается с помощью сложной театральной техники, красок, света. Целая армия костюмеров, гримёров, осветителей, артистов сцены обслуживает каждый спектакль «Руслана».



Эскиз костюма Черномора. Художник В. А. Гартман.

Конечно, «чудеса» очень важны в волшебной сказке, но самое главное в спектакле — всё же не это. Заслуга режиссёра, художника, дирижёра, артистов и музыкантов Большого театра в том, что они показали зрителю чудеса музыки Глинки, раскрыли внутренний замысел его оперы.

Главная мысль этой оперы — победа света над тьмой, торжество радости, жизни над мрачными силами оцепенения и смерти.

Вслушайтесь в увертюру, в это вступление к опере, где композиторы обычно рассказывают тему своих произведений. Увертюра «Руслана» начинается с торжествующих, мощных, светлых, истинно богатырских аккордов. Удалью богатырской звенит стремительная мелодия скрипки; сам Глинка говорил, что темп здесь «летит на всех парусах»... Эта светлая, радостная музыка побеждает, захлёстывает жёсткие звуки гобоев и фаготов, выражающие злобу мстительной колдуньи Наины, происки тёмных сил.

И вот расходится занавес. Перед зрителями, точно в старинной раме, сияющие хоромы киевского князя Светозара. Идёт свадебный пир: князь выдаёт замуж свою дочь Людмилу. И музыка, и декорации, и движения актёров величавы, медлительны, всё соответствует пушкинским стихам:

Нескоро ели предки наши,
Нескоро двигались кругом
Ковши серебряные, чаши...

Звучит вторая баянова песня, та, которая когда-то была жестоко выброшена из оперы.

...Но века пройдут, и на бедный край
Сила дивная снизойдет,
Там младой певец в славу родины
На златых струнах запоет,—

под звон гуслей поёт Баян, воскрешая перед нами вдохновенный образ Пушкина.

Слушая эту оперу, не знаешь, чему больше дивиться: богатству ли и разнообразию музыки, красоте ли отдельных арий, умению ли Глинки звуками, голосами инструментов рисовать образы своих героев. Причудливая — то задумчивая, то шаловливо-лукавая—музыка создаёт прелестный образ юной Людмилы. Плавные мужественные напевы рисуют нам характер скромного и отважного русского богатыря Руслана. А громкие, хвастливые звуки труб навсегда свяжутся для нас с образом труса и бахвала Фарлафа. Звуки для композитора, что краски для художника. Картины, которые он рисует звуками, так же ярки, как те, которые мы видим на полотне или в кино. Надо только учиться внимательно слушать музыку и давать волю своему воображению.

Вслушайтесь внимательно в песню, которую поёт Руслану волшебник Финн, и вам откроются настоящие чудеса. В вашей фантазии пройдут и картины задумчивой северной природы и волшебные леса, в которых живут седые колдуны, вы почувствуете в ней и тоску влюблённого юноши и тихую печаль старика. Так обогатил и развил Глинка песню, слышанную им когда-то во время поездки на Иматру от ямщика-финна.

А как хороша задумчивая и полная скрытой силы ария Руслана, та, что начинается словами: «О, поле, поле...»! Охваченный тайной тревогой, стоит витязь на этом поле, усеянном мёртвыми костями, стоит и раздумывает о своём жребии. Слушая его пение, мы ощущаем, что для подвига богатырского нужна не только беззаветная удаль, но твёрдость духа.

Особенно хорош в опере четвёртый акт. За один только этот акт Глинка, как справедливо сказал один из критиков, мог бы «стяжать бессмертие»... Людмила тоскует в оцепеневшем царстве Черномора, её не радует ни пышность дворца, ни богатые наряды. Волшебные девы убаюкивают княжну благозвучным, но мертвенно-холодным пением под тихие звуки флейт, валторн, арф и холодно-прозрачный перезвон колокольчиков. Вдруг эта еле слышная музыка прерывается рёвом труб и тромбонов. Звучит марш — странный, страшный, почти дикий,— такой музыки ещё никто не писал до Глинки. Под эти режущие, почти что уродливые и в то же время выразительные звуки шествует по сцене уродец Черномор. В этом марше — и чванная уверенность чудовища в своей силе и смятение Людмилы, олицетворяющей юность и красоту.

Красота в плену у страшного чудовища. На выручку ей спешит благородная сила и отвага: Руслан побеждает Черномора в жестоком бою. Разрушены коварные козни колдуньи — Людмила открывает глаза... Солнце встаёт над Киев-градом, солнце пронизывает музыку. Радость побеждает. И, как сто лет назад, под торжественные звуки «Славы» задёргивается занавес. Но теперь отовсюду — из партера, из лож, с верхних ярусов театра — грохочущей лавиной обрушиваются аплодисменты, которых когда-то тщетно ждал Глинка. Люди бьют в ладоши, выражая свой восторг и изумление перед чудом искусства, в котором объединились силы двух русских гениев, певцов народа, певцов радости... Радость побеждает. Об этом говорит и судьба прекрасного творения Глинки, нашедшего наконец доступ к миллионам сердец





Кукуруза «Кутузовка»

Шесть лет назад на нашем пришкольном участке росли два сорта кукурузы: «Сибирская жёлтая» и «Пионерка севера».

У «Пионерки севера» большие початки, но вызревает она очень поздно, да и зёрна у неё мелкие, морщинистые. «Сибирская жёлтая» вызревает рано, и зёрна у неё хорошие, но уж очень малы початки.

И вот ребята из бригады Люды Стерниной решили скрестить «Пионерку севера» с «Сибирской жёлтой» и вывести новый сорт кукурузы. За отцовское растение брали «Пионерку севера», а за материнское «Сибирскую жёлтую».

Делали так: в бумажные мешочки собирали пыльцу с цветущих метёлок «Пионерки севера». Затем ваткой аккуратно наносили эту пыльцу на рыльца пестиков кукурузы «Сибирской жёлтой», предварительно отломав у неё метёлки мужских цветков.

К концу лета початки созрели, и ребята получили гибридные зёрна. На каждом початке были крупные жёлтые зёрна, такие, как у «Сибирской жёлтой», и мелкие, морщинистые, как у «Пионерки севера».

Так юннаты нашей школы начали выводить новый сорт кукурузы. Эту работу уже четвёртый год продолжает наша бригада. Однажды кто-то из ребят назвал наш гибрид ласково — «Кутузовка». Всем это очень понравилось, и теперь мы так его и зовём.

Каждый год мы тщательно отбирали лучшие семена и сажали только их. Потом выбраковывали слабые растения и бережно ухаживали за каждым оставшимся ростком, стараясь создать благоприятные условия для его развития.

В 1950 году мы получили урожай пятьдесят центнеров в пересчёте на гектар, а в 1952 году — уже сто центнеров. В прошлом году мы решили закрепить этот результат.

В мае посеяли свою кукурузу. Брали только крупные гладкие зёрна белого и жёлтого цвета.

Сеяли квадратно-гнездовым способом, ряд от ряда и лунка от лунки на расстоянии 50 см.

В каждую лунку клали перегной, потом шесть штук проращённых зёрен, засыпали их землёй, а затем торфом. Торфом засыпали для того, чтобы сохранить влагу и чтобы лучше пригревало солнце.

Как только появились всходы, мы провели боронование и сразу же на поля выставили охрану от грачей. Грачи — страшные вредители кукурузы. Они выдёргивают молодые всходы и поедают семена. В 1951 году от грачей у нас погибло целое поле.

Когда растения выгнали по три листочка, мы проредили посевы. Слабые росточки выдёргивали, оставляли более сильные. Потом мы выпалывали сорняки, четыре раза рыхлили почву и окучивали свою «Кутузовку», три раза подкормили её раствором куриного помёта, а перед цветением подкормили ещё и гранулированным суперфосфатом.

Когда «Кутузовка» зацвела, мы провели искусственное опыление. Потом мы её пасынковали: удаляли нижние, мелкие початки. И вот наконец 25 августа у нас были первые зрелые початки. А в начале сентября мы убирали свою кукурузу. Когда подсчитали урожай, оказалось, что со ста квадратных метров мы собрали сто один килограмм, то есть сто один центнер в пересчёте на гектар.

А 28 сентября у нас был большой праздник: мы передавали выращенную нами кукурузу своему колхозу. От имени юннатов Наташа Николаева сказала, что следующим летом мы берёмся вырастить

для колхоза из этих семян высокий урожай. Мы только просим дать нам хороший участок, обработать почву и внести побольше перегноя.

Колхозники похвалили нас и обещали выделить хороший участок.

За четыре года работы на участке с кукурузой мы приучились к труду, научились планировать свою работу и отвечать за взятые на себя обязательства.

В этом году мы кончаем нашу школу-семилетку. Нам очень жаль прощаться с родной школой, с пришкольным участком, где мы столько потрудились.

Но мы знаем, что и в другой школе или в колхозе мы сумеем быть полезными Родине людьми.

Уходя из школы, мы хотим, чтобы нашу работу по улучшению «Кутузовки» продолжило звено Тани Кисловской — лучшее юннатское звено шестого класса.

Валя Смирнова,
Кутузовская средняя школа.
Московская область.



Скульптурная группа «На колхозных полях». Это работа ленинградских ребят Саши Лукиной, Нины Мадатовой, Георгия Паль, Люды Редькиной и Бори Семёнова.



Один в горах

Живу я в посёлке Дагомыс на берегу Чёрного моря. Наш дом стоит у самой линии морского прибоя. Каждый день я вижу море и очень люблю его. Летом оно большей частью тихое, и вода в нём прозрачная, так что далеко под водой на морском дне видны водоросли, которые при небольшом ветре колышутся, как рожь в поле. Зимой море мутное. Большие волны, шипя, выбрасывают на берег водоросли, брёвна и доски, горы морской гальки.

В нашей школе есть географический кружок, и я занимаюсь в нём.

Полтора года каждый день я веду наблюдения за морем: измеряю температуру морской воды и воздуха над морем, слежу за колебаниями уровня моря, за его волнением и всё записываю.

Скоро мы отправимся в географическую экспедицию по морю на пароходе. Мы разработали маршрут и всё подготовили к этой экспедиции.

Готовясь к новой экспедиции, я часто вспоминаю о нашем прошлогоднем переходе через Главный Кавказский хребет и особенно о том, как я заблудился в горах.

Отряд нашей географической экспедиции спускался в долину реки Шахе, в лагерь геологической партии, расположившейся в Бабук-ауле. Мы шли по главной туристской тропе. С нами был вьючный конь Мишка. При крутых спусках и подъёмах Мишке приходилось помогать. Двигались мы медленно, потому что нас интересовало всё: и растения, и горные породы, и русла ручьёв. Воспользовавшись тем, что отряд задержался, я прибавил шагу, чтобы в лагерь, где мы должны были заночевать, придти раньше всех. Мне хотелось полазить по диким черешням, которых много растёт в Бабук-ауле.

Размечтавшись, я не заметил, как сошёл с тропинки и очутился в незнакомом месте. Кругом был лес. Внизу среди деревьев зеленел папоротник. Куда идти, я не знал. Компаса у меня не было, а сориентироваться без него я не сумел. Но я не испугался, подумал и решил, что внизу должен быть ручей, а все ручьи этой местности впадают в реку Шахе, на берегу которой находится Бабук-аул. И я стал спускаться в небольшое ущелье. Прошёл немного лесом, потом мне пришлось продвигаться по высокому папоротнику. Он



Все ребята в нашей стране помнят и любят Олега Кошевого и его товарищей. Земляки героев — молодые шахтёры и школьники-комсомольцы,— путешествуя по Крыму, пришли в Артек рассказать пионерам о славных молодогвардейцах. На снимке — артековцы у походных палаток своих гостей.

был выше меня и густой, как щётка. Его приходилось раздвигать руками. Продвигаться было трудно. Раньше я не обращал внимания на большой гидрологический термометр в металлическом футляре, который я нёс. Теперь он очень мешал мне. Я спотыкался, падал и каждый раз смотрел, цел ли мой гидротермометр. Так пришлось мне идти довольно долго... Вдруг вокруг моих ног что-то обвилось... С испугом я глянул вниз... Это была лишь гибкая ветка. Но тут я почувствовал, как мне страшно одному в лесу, в горах. Мне стало душно, захотелось пить. И вдруг где-то неподалёку я услышал журчанье. Скорей, скорей к ручью! Я торопился и падал на каждом шагу. Но вот и желанный ручей! Я напился холодной воды, и мне стало легче. Теперь я с надеждой пошёл вниз по ручью. Но здесь идти было ещё труднее, чем через папоротник: ноги скользили и разъезжались... Падая, я несколько раз сильно ушибся. Один раз я свалился в глубокую яму с водой, окунулся с головой и промок до ниточки, ботинки мои совсем раскисли. Я был весь в грязи, лицо и руки у меня были исцарапаны в кровь. Но тут я увидел желанную тропку. Большей радости я, кажется, не испытывал за всю жизнь. Почти бегом я помчался по тропинке. Она привела меня к лагерю. Вся экспедиция была уже в сборе. Горел костёр, варился ужин. А ребята, собравшись вокруг нашего руководителя Петра Павловича Лосева, о чем-то говорили. Как потом я узнал, они советовались, как искать меня. Когда я подошёл и ребята увидели меня, все невольно заулыбались, такой я был мокрый, грязный, ободранный.

— Как ты нашёл лагерь? — спросил меня Пётр Павлович.

Я рассказал.

— За то, что ты умело использовал ручей,— молодец и настоящий географ,— сказал Пётр Павлович.— Ну, а за то, что ушёл без разрешения и причинил нам столько беспокойства, думаю, ты уже получил в полной мере!

Я отогрелся у костра, поужинал, но долго не мог заснуть в эту ночь. «Хуже всего,— думал я,— то, что я самовольно ушёл из отряда». Ведь я был самым младшим в экспедиции, и Пётр Павлович взял меня под свою ответственность. А я так поступил!

Анатолий Чайковский,
школа № 2, посёлок Дагомыс,
Краснодарский край.



На старых черкесских рудниках

Я очень увлекаюсь геологией. Поэтому из нашего прошлогоднего похода в горы мне особенно запомнилась одна экскурсия. Это было в районе Главного Кавказского хребта, около аула Бабук.

Мы встретили группу геологов и узнали от них о старых черкесских рудниках, где двести лет назад черкесы добывали медную руду. И мы пошли туда.

Разработки эти находятся на большой высоте. Подъём трудный, тропы нет. Из-под ног у нас часто срывались камни, но мы поднимались, пересекая склон наискось, и камни, летевшие из-под ног тех, кто шёл впереди, не были опасны остальным.

Приходилось взбираться почти по отвесным скалам, прыгать через широкие канавы. Наконец, преодолев все препятствия, мы пришли на заброшенные разработки... Каково же было наше разочарование, когда мы ничего не увидели, кроме заросших травой ям, которые тянулись в разных направлениях! Мы почему-то думали, что увидим большие рудничные карьеры, а не тёмные, обвалившиеся, сырые ямы. Тогда геолог, который привёл нас сюда, напомнил нам, что ведь эти рудники разрабатывались два века назад, что эти обвалившиеся ямы скрывают много тайн прошлого и мы можем разгадать эти тайны. Воображение наше разыгралось, и мы с интересом стали обследовать ямы.

Мы спустились в одну из них. Насобирали там много образцов горных пород, произвели замеры ям, но ничего особенного так и не нашли... Мы двинулись в путь. Через полчаса вышли на поляну и решили расположиться на отдых. Вдруг я неожиданно нашёл кусок шлака. Мы подумали, что шлак случайно попал сюда, но когда ребята наши стали ещё и ещё находить куски шлака, то стало ясно, что здесь черкесы плавили руду на медь и уже затем медь спускали вниз.

Эта экскурсия ещё раз показала нам, как интересна работа геолога, как много нового, неизвестного может открыть геолог.

Игорь Бойчук,
школа № 2, посёлок Дагомыс,
Краснодарский край.



Полоз-шренка

Однажды осенью папа пришёл домой вместе с нашим знакомым зоологом — дядей Сашей Чельцовым. Они оба загадочно улыбались и сказали, что в чемоданчике, который они принесли, лежит подарок для нас. Мы с братом Колей открыли чемодан... и просто замерли на месте от неожиданности. В чемодане, свернувшись клубком, лежала огромная змея. Дядя Саша взял её в руки и обвил вокруг шеи. Змея заинтересовалась ухом дяди Саши, ощупала его языком, а потом попробовала и на зуб, но не укусила. Дядя Саша сказал нам, что это не ядовитая змея, а молодой полоз-шренка, из породы удавов. Полоз был довольно велик — сантиметров 130—150 длины и сантиметра 3 в поперечнике. У него была иссиня-чёрная с жёлтыми пятнами спина, отливающее перла-



Таня Немнонова с ручным полозом.

мутром брюшко и круглые, как горошины, блестящие коричневые глаза.

Мы узнали, что этого полоза привезла с Дальнего Востока одна девушка-биолог. Она хотела подарить его в зоологический музей Московского университета. Но, попав в неволю, полоз «загрустил», стал вялым, скучным, плохо ел. Все подумали, что он скоро сдохнет, и решили его усыпить и заспиртовать. Мой папа случайно узнал об этом и попросил дать нам полоза хотя бы на несколько дней. Папа очень любит фотографировать животных, а фотографий полоза у него не было. Так полоз попал к нам.

Мы с Колей любим животных. Нам захотелось выходить больного полоза.

Мы посадили его в пустой аквариум. Насыпали на дно чистого сухого песку, поставили баночку с водой. Получился настоящий террариум. Мы установили его так, чтобы снизу он подогревался электрической лампочкой.

Полоз отогрелся и немного повеселел. Но он почему-то ничего не хотел есть. Так прошёл день, потом неделя, две недели. Лягушка, посаженная в террариум, засохла, и мы её выбросили. А полоз всё ничего не ел. Мы стали беспокоиться, что он умрёт с голоду.

Пошли за советом к дяде Саше. Он нас успокоил и сказал, что бояться нечего, что змеи могут не есть по нескольку месяцев.

Коля принес белую мышку и пустил её к полозу. Она прожила почти полторы недели. Но однажды утром мышки в террариуме не оказалось. Посадили другую мышку, к следующему утру и она исчезла. Так каждую ночь полоз стал съедать по мышке. Он заметно повеселел, кожа его, раньше тусклая, заблестела. Было видно, что полоз поправляется.

Мы с Колей очень радовались, что спасли его от банки с формалином.

Но прошло немного времени, и мы заметили, что полоз снова стал скучным и глаза у него из блестящих коричневых превратились в какие-то мутные, сероватые.

А через неделю полоз сменил кожу. Мы не видели, как он это сделал. Только утром рядом с полозом мы нашли тонкую, прозрачную змеиную кожу. Она была совершенно целая, как будто полоз снял её с себя, как чулок.

В этот же день полоз впервые стал есть при нас. Утром он проглотил одну мышку, а вечером сразу пять штук подряд. Мы видели, как он загоняет свою жертву в угол, нацеливается на неё, потом бросается и заглатывает целиком. По бугру, образующемуся на его теле, видно, как мышка продвигается по его внутренностям. Сытно наевшись, полоз дня два лежит неподвижно, но не спит, глаза у него открыты.

Однажды, когда мы плохо прикрыли крышку, полоз сбежал. Это было перед самыми экзаменами. Мы обыскали весь дом, потом весь двор, но полоза так и не нашли. Вскоре мы уехали из Москвы на всё лето.

Как же мы обрадовались, когда, вернувшись осенью домой, узнали, что сосед поймал нашего полоза! Оказалось, что полоз несколько недель прожил под домом, а потом осмелел и стал выползать на середину двора погреться на солнышке. Сначала его хотели убить, потому что многие наши соседи всё-таки боялись его и не особенно верили, что у него нет ядовитого жала. Но потом его поймали и оставили жить до нашего приезда.

Дни, проведённые полозом на воле, неплохо на него повлияли. Он вырос, раздался вширь. Кожа у него блестела. На воле он, видно, не раз менял её.

Мы посадили полоза в террариум, но, вероятно, опять плохо прикрыли крышкой, и он снова убежал. А через две недели он как ни в чём не бывало вылез погреться на солнышке на своё любимое место посреди двора. Он не обращал никакого внимания на людей, а когда я пришла, чтобы взять его, он всячески старался показать своё недовольство: шипел, извивался, угрожающе разевал пасть, но не кусался.

Через три дня полоз снова убежал, хотя мы всё время плотно закрывали террариум. Видимо, полоз окреп, стал сильным, и ему уже ничего не стоило приподнять и сдвинуть крышку.

Тогда мы решили отнести полоза в университет. К этому времени там для него уже было подготовлено место.

Теперь наш полоз живёт в новом здании Московского университета. За ним ухаживают студенты-биологи. Говорят, что полоз чувствует себя хорошо.

Мы с Колей собираемся сходить к нему в гости в университет.

Таня Немнонова,
ученица 7-го класса 377-й школы, Москва.

КИТАЙСКИЕ БАСНИ

Рисунки О. Зотова.



Как крестьянин зайцев ловил

Как-то один крестьянин отправился в поле работать. Идёт и вдруг видит, как заяц, пробегавший мимо, сналёту ударился о большое дерево и тут же издох. Крестьянин удивился и подобрал доставшегося ему даром зайца. С тех пор крестьянин отложил в сторону соху и мотыгу. Пусть поле его зарастает сорняком! Он уселся под дерево: ждать следующего зайца. Крестьянин считал, что так, без забот и хлопот, можно подобрать много зайцев. Как вы думаете, ударился ли об это дерево ещё хоть один заяц?



Чжуанцзы и карась

Чжуанцзы[1] шёл по дороге и вдруг услышал, как кто-то окликнул его. Чжуанцзы посмотрел вокруг — никого нет. Тогда он опустил голову и увидел в высохшей колее карася.

— Это ты звал меня? — спросил философ.— В чём дело?

— Я родился в Восточном море,— ответил карась.— А здесь без воды я долго не проживу. Спаси меня, принеси хоть ведро воды!

— Хорошо,— сказал Чжуанцзы.— Я сейчас как раз иду на юг, чтобы встретиться с одним знакомым князем. Я обязательно попрошу его послать сюда воды Западной реки.

— Моя жизнь висит на волоске,— перебил его карась.— Сейчас одно лишь ведро воды может спасти меня. А пока воды реки придут сюда, я буду уже лежать на лотке с сушёной рыбой!

[1] Чжуанцзы — китайский философ, жил в IV веке до нашей эры.

Сова улетает в другие края



Голубь повстречал сову:

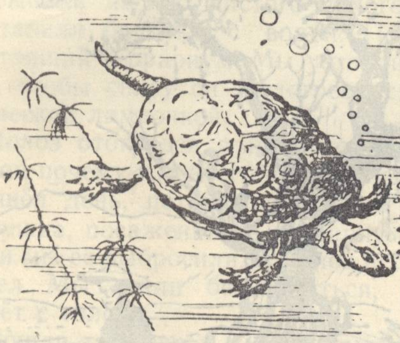
— Что ты так торопишься? Куда путь держишь? — спросил он.

— Лечу в другие места,— ответила сова. — Нет мне на западе житья!

— Почему? — удивился голубь.

— Я надоела всем людям на западе,— ответила сова.— Они говорят, что у меня очень противный голос.

— Ну, коли так, нужно голос менять,— сказал голубь.— А то и на востоке люди не захотят слушать тебя.



Черепаха

Один человек купил на рынке съедобную черепаху и понёс её домой, чтобы сварить суп. Переходя через реку, он решил, что неплохо было бы дать черепахе глоток воды, и опустил её в воду. Почувствовав себя в воде, черепаха тотчас же уплыла. Так и пришлось человеку возвращаться домой с пустыми руками.

Пики и щиты



В древние времена жил торговец оружием. Он продавал пики и щиты. Когда кто-нибудь приходил, чтобы купить щит, он говорил:

— Мои щиты хороши и крепки, никакая самая страшная пика не проколет их!

А если кому-нибудь нужна была пика, то он говорил:

— Что за пики, как хорошо они сделаны! И острые и крепкие. Любой, самый крепкий щит с одного удара пробьёт!

Человек, стоявший неподалёку от торговца оружием, слушал, слушал, как тот расписывает свой товар, наконец не вытерпел и спросил:

— А что, если твоей пикой ударить по твоему щиту?

Что мог ответить ему торговец оружием!

Е Гун любит драконов

Жил-был когда-то человек по имени Е Гун. Он всем говорил, что очень любит драконов, поэтому у него в доме и на стенах, и на колоннах, и на посуде — повсюду были изображены драконы. Но однажды живой дракон заглянул к нему в окно. Вопреки всем ожиданиям, любитель драконов так испугался, что душа у него ушла в пятки, опрометью бросился он из комнаты.



Нетерпеливый человек

Один нетерпеливый человек засеял рисом несколько му[1] земли. Часто приходил он в поле, и всё ему казалось, что рис растёт очень медленно. Вот однажды он и решил помочь рису: взял да и выдернул все ростки из земли. Пусть они будут повыше. Он так устал, что едва добрёл до дома.

— Ну и измучился же я сегодня! — сказал он своим домашним.— Зато теперь рис будет расти куда быстрее.

Услышав слова отца, сын со всех ног бросился в поле. И что же он увидел? Ростки риса склонились к земле и завяли.



[1] Му — одна шестнадцатая гектара.



Лисица и тигр

В горном ущелье поймал тигр лисицу и хотел её съесть.

— Ты хочешь съесть меня? — сказала лисица.— Как ты смеешь? Да знаешь ли ты, кто я? Я послана богом быть повелителем всех четвероногих. Если ты осмелишься меня съесть, то нарушишь веление бога, и тогда на мир обрушатся великие беды.

Тигр с удивлением слушал лису. Он не знал, как же ему поступить.

— Ты ещё сомневаешься?! — воскликнула лиса.— Хорошо, давай выйдем отсюда вместе! Вот увидишь, как будут дрожать звери при моём появлении.

— Ладно, попробуем,— решил тигр и вышел из ущелья.

При виде тигра и лисы все звери и впрямь попрятались кто куда. Только тигру было невдомёк, кого они испугались.

О том, как человек башмаки покупал



Задумал один человек купить новые башмаки. Снял он мерку с ноги, но впопыхах оставил её дома. Пришёл человек на рынок, подошёл к лотку с обувью, взял башмаки и стал рассматривать. Но тут вспомнил, что оставил мерку дома.

— Я оставил бумажку с размером ноги дома,— сказал человек продавцу обуви и пошёл домой.

Придя домой, он взял мерку и вновь поспешил на рынок. Однако рынок к этому времени уже закрылся. Так и остался человек без новых башмаков.

— Вот чудак! Почему же ты на ногу башмаки не примерил? — спросили его люди.

Птица-рыболов и устрица

Устрица выползла на берег, раскрыла раковину и стала греться на солнце. Вдруг откуда ни возьмись прилетела птица-рыболов и клюнула устрицу. Створки раковины сейчас же захлопнулись и крепко зажали клюв птицы.

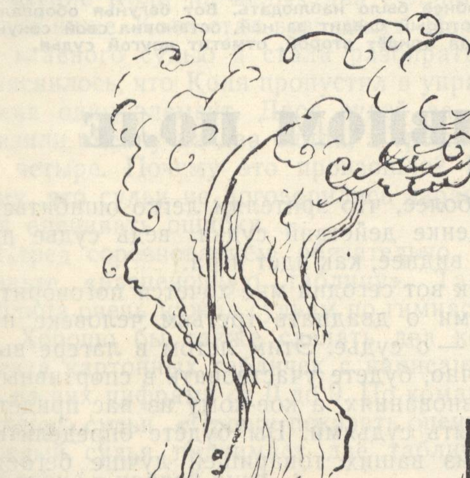
Птица не могла вытащить клюва, а устрица — уползти в воду.

— Сегодня не будет дождя и завтра тоже,— сказала птица.— Не думай, что ты останешься в живых.

— А я сегодня не отпущу тебя и завтра тоже не отпущу,— ответила устрица.— Ты лучше сама готовься к смерти.

Спорили они, спорили, никто не хотел отпустить друг друга. Тут пришёл рыбак и поймал их обеих.





Пожар

В доме была плохо сложена печь: дымоход был совершенно прямой, языки пламени и целые снопы искр вырывались из трубы, а около печи обычно лежала большая куча хвороста. Один человек посоветовал хозяину переделать печь, сделать дымоход коленчатым, а хворост класть подальше. Но хозяин пропустил этот совет мимо ушей.

И вот как-то искра упала на хворост, и вскоре весь дом охватило пламенем. К счастью, прибежали соседи на помощь, и огонь был потушен.

Не желая оставаться в долгу, хозяин зарезал телёнка и пригласил всех, помогавших ему тушить пожар, на угощение.

Только человека, посоветовавшего починить печь, среди приглашённых почему-то не было.

За обедом один из гостей обратился к хозяину:

— Если бы ты во-время послушался доброго совета, то избежал бы и пожара и расходов на угощение. Почему же среди нас нет человека, который дал тебе этот совет?

Перевёл с китайского
М. Степанов.





На больших состязаниях работает не один судья, а целая судейская коллегия. Судьи располагаются на лесенке, чтобы удобнее было наблюдать. Вот бегунья оборвала ленточку финиша — и тотчас судья, который следит за ней, остановил свой секундомер. Время спортсменки, которая придёт второй, отметит другой судья.

СУДЬЯ НА СПОРТИВНОМ ПОЛЕ

Кому из вас не знакома такая картина: идёт спортивное состязание, футбольная встреча, например. Двадцать два игрока упорно борются за мяч. И только один человек, двадцать третий, который тоже находится на поле, не только не старается завладеть мячом, а, наоборот, всё время стремится держаться от него в стороне. Никого из вас это не удивляет. Вы знаете, что двадцать третий человек на поле — это судья. И хотя он не принимает участия в игре, сотни, тысячи зрителей следят за ним так же внимательно, как за лучшими спортсменами.

Вот один из игроков нарушил правила. Свисток судьи, и игра останавливается: штрафной удар. Зрители довольны; иногда даже раздаются аплодисменты. Это аплодируют судье, выражая одобрение его справедливости, его внимательности.

А бывает и по-другому: судья не заметил нарушения, и игра продолжается. Но на трибунах ропот. Вот какой-то игрок неправильно атаковал противника, и опять не последовало свистка судьи. На трибунах раздаётся свист и даже слышатся крики: «Судью с поля!»

Не будем сейчас говорить, следует ли подобным образом выражать своё недовольство. Я думаю, что никогда не следует вести себя некультурно на стадионе, тем более, что зрителям легко ошибиться в оценке действий судьи: ведь судье на поле виднее, как идёт игра.

Так вот сегодня мне хочется поговорить с вами о двадцать третьем человеке на поле — о судье. Этим летом в лагере вы, конечно, будете участвовать в спортивных соревнованиях, а кое-кому из вас придётся быть судьями. Вы будете определять, кто из ваших товарищей лучше бегает, прыгает в длину и высоту, плавает, кто дальше всех бросает гранату, какие команды победили на волейбольной и баскетбольной площадках, на футбольном поле. Я думаю, что никому из вас не захочется услышать в свой адрес: «Судью с поля!» — или что-нибудь в этом роде.

Каким же должен быть судья?

Прежде всего несколько слов о его внешнем облике. Мне рассказывали, как в одном лагере во время спартакиады царила невообразимая путаница только потому, что участники соревнований с трудом могли разыскать судей. И произошло всё это из-за мелочи. Просто не позаботились заранее о том, чтобы одежда судьи отличалась от формы участников соревнований и чтобы у каждого судьи была нарукавная повязка с надписью «Судья». Не упустите эту «мелочь», когда будете проводить лагерную спартакиаду.

Многое нужно предусмотреть судейской коллегии заранее, ещё до начала спартакиады, чтобы не случилось того, что произошло однажды у нас в лагере. На соревнованиях по гимнастике упражнения на перекладине, как и полагается, обслуживали трое судей. Это делается для того, чтобы оценка была точнее. Часто бывает, что судьи оценивают выступление физкультурника по-разному. Из трёх оценок выводится одна, средняя, которая и заносится в протокол.

Упражнения на перекладине делал Коля Серов. Оценка двух судей примерно совпала — разница была в нескольких десятых балла,— а третий судья оценил выступление Коли на целых два с лишним балла ниже. Коля стал возражать. Позвали главного судью и стали разбираться. Выяснилось, что Коля пропустил в упражнении один элемент. Двое судей за это снизили оценку на два балла, а третий — на четыре. Почему это произошло? Потому, что судьи не договорились заранее, как оценивать ошибки.

Перед соревнованием обязательно составьте «расценочную таблицу». Такая таблица очень нужна судьям по гимнастике. Хорошо бы также сделать два комплекта картонных табличек с написанными на них цифрами от 0 до 9. По команде главного судьи «Прошу показать оценки» каждый судья поднимает две таблички. Табличка в правой руке показывает число целых баллов, присуждённых участнику соревнований, а в левой — число десятых балла. Зрители и спортсмены сразу увидят все оценки, и если среди судей окажется слабохарактерный человек, он не сможет уже изменить своё решение под влиянием других судей.

Хотя, вообще-то говоря, тот судья, который под чьим-нибудь давлением изменяет принятое им решение, никогда не будет авторитетным судьёй. Мне вспоминается, как однажды Костя Герасимов — один из лучших футболистов лагеря — судил футбольную встречу между двумя отрядами. Был забит гол, но Костя не засчитал его, так как мяч был забит из положения «вне игры». Команда, забившая гол, подняла шум, её поддержала часть зрителей. И это смутило Костю: он проявил слабость и изменил своё решение. Тогда стала возражать другая команда и её болельщики. Кончилось всё это тем, что после окончания игры проигравшая команда заявила протест, и судейская коллегия вынуждена была принять его.



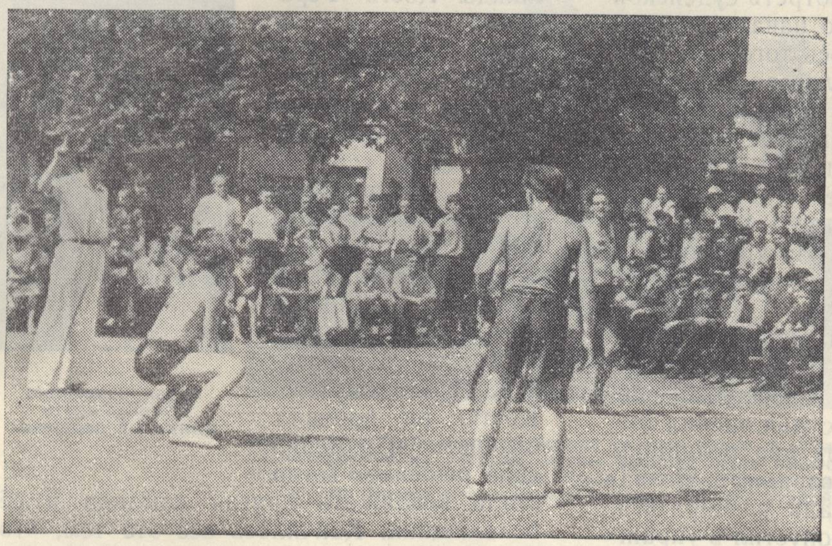
Судья разрешает команде взять минутный перерыв.

Костя совершил ошибку не умышленно. А бывает, к сожалению, иногда и так, что судья нарочно не замечает промахи одной команды, как говорят, «подыгрывает» ей, и придирается к другой. Этого судье не прощают ни игроки, ни зрители, ни даже победители. Разве может их радовать победа, завоёванная с такой «помощью»?

Зато судья беспристрастный, справедливый всегда пользуется заслуженным ува-



Где бы ни проходила футбольная встреча, на стадионе или просто во дворе, трудно обойтись без судьи. Судья вносит порядок в игру. Вот один из игроков нарушил правило игры, и тотчас раздался свисток,— судья назначает штрафной удар.



В распоряжении судей по баскетболу целая система условных знаков. Судья поднял вверх один палец, это значит: «Назначаю один штрафной бросок». Два пальца, поднятые вверх, означают два штрафных броска.

держивать образцовый порядок на поле, на площадке или на старте. Мне не раз приходилось видеть, как участники соревнований вступают в пререкания с судьёй, а судья спорит с ними, вместо того чтобы сразу положить этому конец. Нельзя допускать споров и пререканий во время соревнований. Если команда чем-то недовольна, в разговоры с судьёй вступает только капитан. Точно так же, если судья хочет сделать замечание команде, он подзывает к себе капитана.

Все разговоры нарушают порядок состязаний, и судье дано право строго наказывать за эти нарушения. Помню, как судила баскетбольную встречу Светлана Горячева, ученица нашей школы. В одной команде, как нарочно, подобрались очень разговорчивые девочки. То и дело они затевали со Светланой споры. Несколько раз за разговоры на площадке Светлана назначала штрафные броски, но девочки не успокаивались. Тогда Светлана удалила с поля одну самую разговорчивую девочку. Запасного игрока в команде не оказалось, и команде пришлось играть в неполном составе.

Трудно передать, как сердиты были девочки из этой команды на Светлану. Но все остальные участники соревнований и зрители считали, что Светлана поступила правильно, как и следует поступать строгому, но справедливому судье.

Разумеется, удалять игрока с площадки следует очень редко, применяя это наказание лишь в крайних случаях.

Я надеюсь, ребята, что каждый из вас, кому приведётся судить спортивные соревнования, постарается быть справедливым и принципиальным судьёй.

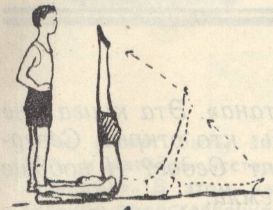
Д. Ахмеди,
старший преподаватель физкультуры
57-й московской школы.

жением. Однажды волейбольную встречу в нашем лагере судил довольно опытный уже судья Витя Голощапов. В одной из играющих команд были ребята из витиного отряда, и, конечно, Виктору очень хотелось, чтобы победа досталась его друзьям. Но это горячее желание никак не повлияло на справедливую оценку судьи.

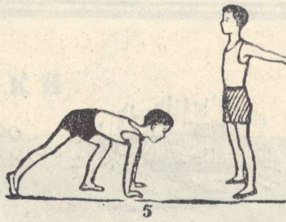
Встреча проходила очень напряжённо. После двух игр счёт был 1 : 1. Кто победит, решала третья партия. И вот разыгрывается последний мяч. Удар! Мяч упал на линию площадки... Виктор дал свисток и, как полагается, присчитал очко. Это было пятнадцатое очко, которое принесло победу не команде его отряда, а её противникам. Друзья заспорили с Виктором. Они доказывали, что мяч вышел на аут, упрекали судью в несправедливости, в желании «подыграть» противникам. Дело чуть не дошло до драки. Но Виктор твёрдо стоял на своём, и, как ни сердились друзья на Виктора, они всё же поняли, что он человек принципиальный, а такого человека нельзя не уважать. С тех пор Виктор судил у нас самые ответственные встречи, и ребята никогда больше не спорили с ним.

Судья обязан не только внимательно следить за состязанием. Он должен под-

АКРОБАТИКА В ЛАГЕРЕ



1



5

Все любят попрыгать, покувыркаться на мягком, тёплом песке у речки или на зелёной, поросшей густой травой лужайке. Вот несколько акробатических упражнений, которые нетрудно выполнить. А когда вы разучите их, вы сможете подготовить интересное акробатическое выступление у лагерного костра.

Рассмотрите внимательно рисунки. Вот один из ребят ложится на спину и, держась руками за щиколотки товарища, делает стойку на лопатках (1). Товарищ берёт его за ноги (2), толкает их (3), от этого первый акробат снова ложится на лопатки, потом быстро складывается в комочек и, перекатившись на спине, поднимается, присев. Прыжком на месте он поворачивается кругом (5) и приготавливается помочь товарищу, а тот в это время делает шаг вперёд, наклоняется, упирается руками в землю и, пользуясь поддержкой товарища, делает стойку на руках (6), а затем опускается в упор, согнувшись (7). Из упора он тотчас переходит в кувырок вперёд, при этом он хорошенько складывается в комочек, чтобы партнёру через него легче было сделать прыжок-кувырок (8, 9, 10).

Оба акробата, закончив упражнения прыжком на месте, поворачиваются лицом к зрителям.

М. Черевков



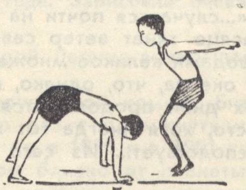
2



6



3



7

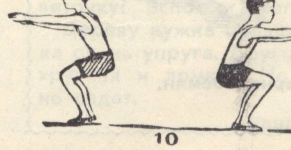


4

8



9



10

Почему и Отчего



Дорогая редакция!

Я прочитал книгу В. Каверина «Два капитана». Эта книга мне очень понравилась. Но мне хочется точно знать: кто открыл Северную Землю? Капитан Татаринов или лейтенант Седов? И вообще меня интересует история открытия Северной Земли.

Валентин Бабенко,
с. Веселиново, УССР, Николаевская область.

О тех, кто открыл Северную Землю

В твоём вопросе, Валя, заключено сразу несколько вопросов. Начнём с самого главного.

Четыре больших острова, составляющие Северную Землю, открыла в 1913 году экспедиция на ледокольных пароходах «Вайгач» и «Таймыр» под начальством капитана 2-го ранга Б. А. Вилькицкого. Правда, экспедиция так и не выяснила, разделена ли земля на острова, потому что не смогла провести обследования берегов и нанести их на карту. Эту задачу выполнила советская экспедиция полярника Георгия Алексеевича Ушакова в 1930—1932 годах.

Но вот что интересно: больше чем за сто лет до плавания «Таймыра» и «Вайгача» великий русский ученый Михаил Васильевич Ломоносов утверждал, что должна быть какая-то обширная земля в том именно месте, где она впоследствии и была открыта. Ломоносов писал:

«...случается почти на всякое лето, что в июле месяце тянет ветер северовосточной и выводит с водами великое множество льдов из Сибирского океана, что, однако, не долее трех или четырех дней продолжается; в прочее время море чисто, хотя иногда тот же ветр до трех недель господствует... Из сего заключить должно, что за северным мысом Новой Земли толь далече берег, сколь верст может в четверы сутки лед перегнан быть ветром и водою, от трех до четырех сот верст...»



Карта Северной Земли.

В истории русской науки и исследований Севера были и другие случаи, когда учёные предсказывали существование никому не известной земли в тех местах, где они сами никогда не бывали.

Наблюдая движения льдов, изучая карты дрейфа судов, затёртых льдами полярных морей, эти учёные замечали, что сковывающие судно льды, увлекаемые течениями и ветрами, в некоторых местах либо застревают либо сворачивают с пути, словно обходят какое-то препятствие. Из этого они и делали вывод, что крупный остров или группа островов стоит на пути дрейфа.

Теперь о капитане Татаринове. Его не существовало. Но не огорчайся. Твой любимый герой не совсем выдуман. Похожие на него герои жили на свете. В капитане Татаринове писатель Каверин соединил черты действительных исследователей Арктики — смелых, самоотверженных и мужественных русских людей.

Особенно напоминает судьба капитана Татаринова судьбу лейтенанта Седова, о котором ты тоже упоминаешь в своём письме.

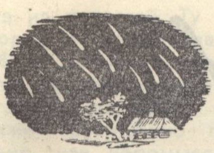
Георгий Седов ставил себе целью достичь Северного полюса, но его экспедиция, вышедшая в 1912 году из Архангельска на корабле «Святой Фока», кончилась трагически. Когда корабль зазимовал у Земли Франца-Иосифа, Георгий Седов, уже больной, сделал попытку пройти к полюсу по льду пешком с гружеными нартами, но умер в пути.

Судьба «Святой Марии» капитана Татаринова похожа на судьбу шхуны «Святая Анна», которой командовал лейтенант Брусилов.

«Святая Анна» в 1912 году вышла в Карское море с целью пройти на восток Северным морским путём. У берегов полуострова Ямал шхуна была затёрта льдами, унесена в Северный Ледовитый океан и пропала без вести.

Как видишь, во всём этом очень много общего с историей капитана Татаринова. И то, что ты поверил в его существование, показывает, как велика сила художественного образа, созданного писателем.

Доктор географических наук, профессор
Н. Н. Зубов.



Дорогая редакция! Нам очень хотелось бы знать, что такое метеоры и метеориты? Откуда они берутся? Почему падают на Землю?

Рая Овчинникова, Шура Тимошенкова.
Лесная школа, с. Алексеевка, Акмолинская область.

Космические странники

Вы, может быть, знаете, девочки, что метеориты и метеоры исстари называются «падающими звёздами». В этом названии отразилось неправильное представление наших прадедов, которые думали, что это действительно падают с неба настоящие звёзды. Записи древних летописцев так и говорят: «Течение звездное бысть на небеси, отторгаху бо ся звезды на землю». Так думали люди не только в 1202 году, когда была сделана эта запись, но и позже, не одно столетие спустя.

Теперь известно, что «падающие звёзды» — метеоры и метеориты — остатки небесных катастроф, осколки разрушенных планет и комет. Ими заполнены межпланетные пространства солнечной системы и необозримые просторы звёздного мира, Галактики, в которую входит наше Солнце со своими спутниками. Выходит, это вроде мусора Вселенной? Да, если хотите, их можно так назвать. Но в то же время это и строительный материал, из которого образуются новые небесные тела.

Метеоры, оставляющие огненный след на ночном небе,— это камешки, самое большее с горошину величиной. Они невидимы, пока они несутся со скоростью пятидесяти километров в секунду за пределами земной атмосферы. Это скорость, намного бóльшая, чем скорость артиллерийского снаряда. Но как только они попадают в воздушный слой, окружающий Землю, они тормозятся трением о воздух и нагреваются. Мы видим раскалённую газовую оболочку, образующуюся вокруг этих крохотных небесных путешественников, залетевших во владения нашей планеты. Они сгорают ещё в верхних слоях атмосферы.

Метеориты гораздо крупнее, чем метеоры, поэтому они не успевают сгореть и достигают земной поверхности.

Бывает, что путь земной орбиты пересекают целые рои этих камешков и осколков. Тогда мы видим дождь метеоров. Возвращение некоторых роёв повторяется через правильные промежутки. Так, метеорный рой Леонид возвращается к нам каждые 33 года.



Метеорный дождь 1866 года. Зарисовка очевидца.

Биэлиды, остатки разрушенной кометы Биэлы, возвращались несколько раз с промежутками в шесть с половиной лет, но в 1890 и в 1901 годах их путь прошёл слишком близко от планеты-великана Юпитера. Своим притяжением он отклонил их в сторону. С тех пор метеорный рой пересекает земную орбиту, не встречаясь с Землёй, и мы не видим больше метеорных дождей Биэлид.

Е. Владимирова.



Почему не ломается веточка, если на неё садится ворона? Ведь ворона — птица большая и тяжёлая, а веточка, даже тоненькая, под ней не ломается.

Коля Мелентьев,
г. Алма-Ата.

Ворона и ветка

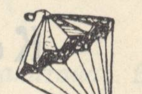
Ворона не такая уж тяжёлая, как ты думаешь, Коля. Ведь птицам большая тяжесть мешала бы летать, и по сравнению с их размерами у них очень небольшой вес. Всё для этого приспособлено: лёгкие перья с пустыми роговыми стержнями, малое количество мышц, а главное, лёгкие кости. Сравни хотя бы на взгляд воронью и кошачью лапы. Но если ворона не так тяжела, как можно бы думать, судя по её размерам, то веточка дерева прочнее, чем кажется на взгляд. Пробовал ли ты когда-нибудь сломать тоненькую веточку? Вспомни, легко ли это тебе удалось?

Дереву нужна большая прочность, и живая ветка очень упруга. Другое дело — сухая ветка. Она хрупкая и ломкая. Но большая птица на такую не сядет.

Кандидат биологических наук
Е. Г. Минина.







Сегодня у нас в мастерской выступают ребята — авиамоделисты из Кировского районного Дома пионеров города Москвы. Они делятся с вами своим опытом.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Если вы придёте в нашу авиамодельную мастерскую, ребята покажут вам много интересных моделей. Вы увидите большую фюзеляжную модель самолёта с бензиновым моторчиком, которая управляется по радио. Авиамоделист стоит на земле, нажимает кнопки радиопередатчика, и модель послушно делает виражи, набирает высоту, снижается.

Покажут вам и фюзеляжные модели планёров. У этих моделей нет моторов, но они могут продержаться в воздухе больше часа и пролетают несколько километров.

Есть у нас и модели попроще. У них вместо фюзеляжа — так называется в авиации корпус самолёта или планёра — тонкая деревянная рейка. Эти модели напоминают схемы самолётов или планёров, поэтому они и называются схематическими.

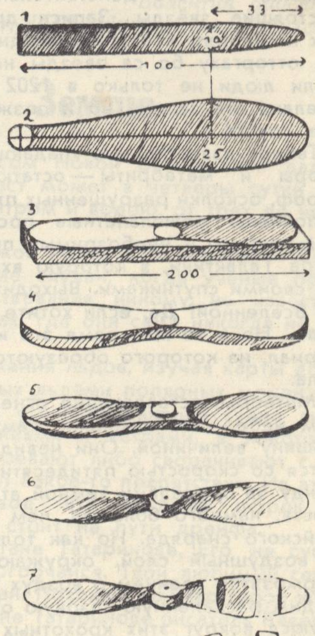
В нашей мастерской вы увидите и совсем простые летающие модели: «мухи», вертолёты, бумажные планёры. Их мастерят у нас новички.

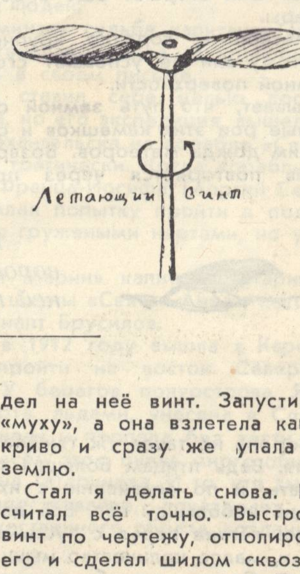
Правда, часто бывает, что новички, увидев сложную фюзеляжную модель, хотят немедленно приняться за постройку такой же. Но они очень скоро убеждаются, что начинать нужно с самого простого.

Я знаю, многим из вас тоже хочется сделать такую модель, которая только размерами отличалась бы от настоящего самолёта. Что ж, это хорошая мечта, и человек настойчивый обязательно её осуществит. Но так же, как нельзя читать книгу, не зная азбуки, нельзя построить сложную модель, не научившись азбуке авиамоделизма. Поэтому мой вам совет: в лагере, дома, во дворе мастерите простейшие летающие модели. О том, как их строить, вам расскажут авиамоделисты из нашего Дома пионеров.

Когда ваши модели будут готовы, устройте соревнования моделей. В Москве каждый год проводятся соревнования простейших летающих моделей. Этой весной в них участвовало больше двухсот пятидесяти ребят. Многие из представленных ими моделей были сделаны превосходно. Я уверен, что участники соревнований в ближайшем будущем построят самые сложные модели. Надеюсь, что и вы, ребята, научившись строить простые модели, заинтересуетесь этим делом и сделаетесь настоящими авиамоделистами.

И. Кириллов,
инструктор по авиамоделизму.





МОЯ „МУХА“

Когда я впервые пришёл в авиамодельную мастерскую, наш руководитель Иван Васильевич Кириллов предложил мне сделать «муху». Мне сначала было обидно: почему другие ребята строят всякие сложные модели, а я должен заниматься пустяками? Но как только я принялся за работу, я увидел, что и «муху» не так просто сделать. Самое трудное—правильно вырезать винт. Дал мне инструктор небольшой липовый брусок, ножик и чертёж и сказал, что хороший винт в поперечном сечении должен иметь форму вытянутой капли. Вырезал я винт, потом обстрогал палочку и надел на неё винт. Запустил я «муху», а она взлетела как-то криво и сразу же упала на землю.

Стал я делать снова. Рассчитал всё точно. Выстрогал винт по чертежу, отполировал его и сделал шилом сквозное отверстие посередине. Потом надел винт на проволочку и проверил, не перевешивает ли

одна из лопастей. Ту лопасть, которая перевешивала, я поскоблил стёклышком, чтобы снять лишнее дерево. После этого винт держался на проволоке совершенно горизонтально, как коромысло уравновешенных весов.

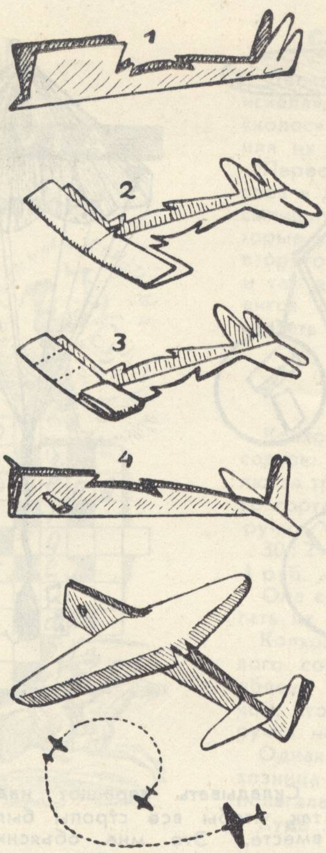
Я обстрогал палочку и надел на неё винт. Надевать его нужно так, чтобы конец палки немного выступал над винтом; тогда, взлетев под потолок, «муха» будет крутиться там, как волчок на полу.

И палочку и винт я хорошо почистил стеклом и шкуркой, чтобы они стали совсем гладкие. Потом конец палочки смазал клеем и надел винт. Вот и готова моя «муха»! Я вынес её во двор и стал запускать. Теперь «муха» взлетела высоко и несколько секунд парила в воздухе. Это очень приятно, когда модель, сделанная твоими руками, летает.

Витя Фёдоров.

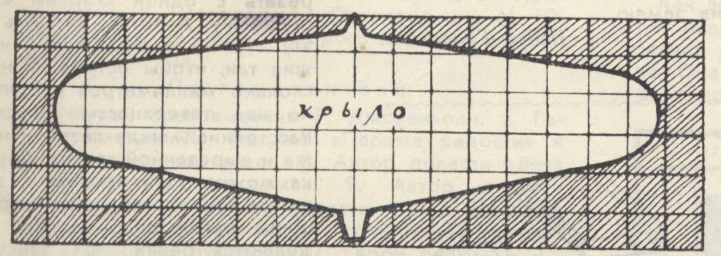
БУМАЖНЫЙ ПЛАНЁР

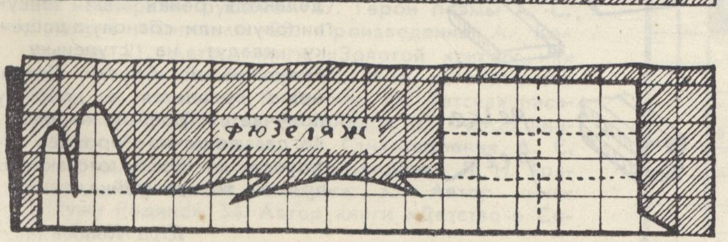
«Без чертежа в авиамоделизме шагу не сделаешь»,—говорит обычно Иван Васильевич. Это правда. Даже когда я делал бумажный планёр, мне пришлось иметь дело с чертежами. Это были очень простые чертежи, но при переносе их на лист плотной бумаги, из которой делается планёр, мне пришлось их увеличить. Для этого я карандашом нанёс на чертёж сетку. На листе плотной бумаги я тоже сделал сетку, только более крупную. Потом, внимательно глядя, в какой клетке что начерчено, я



перенёс чертежи в увеличенном виде на плотную бумагу.

По контурам своих увеличенных чертежей я вырезал фюзеляж и крыло планёра. Передняя часть фюзеляжа должна быть тяжелее. Поэтому она и называется грузом. В этом месте я сложил бумагу сначала поперёк фюзеляжа





вдвое, а потом вдоль фюзеляжа втрое. Чтобы груз не развёртывался, я сделал в нём кончиком ножа дырочку, взял небольшой листок бумаги, свернул его клинышком, вставил в дырочку и расплющил с обеих сторон. У меня получилась бумажная заклёпка. Груз стал плотно держаться.

Сборка планёра занимает немного времени: надо вставить крыло в вырезы на фюзеляже, и планёр готов!

Испытывал я свой первый планёр в зале. У нас в Доме пионеров зал большой, там очень удобно проводить испытания. Запустил я планёр, а он развалился в воздухе — крыло выпало. Я слишком сильно сжал выступы крыла между стенками фюзеляжа. Когда я расправил выступы и снова установил крыло, планёр пролетел метров десять и сделал петлю. Я даже не ожидал, что он будет так хорошо летать.

Саша Финогенов.

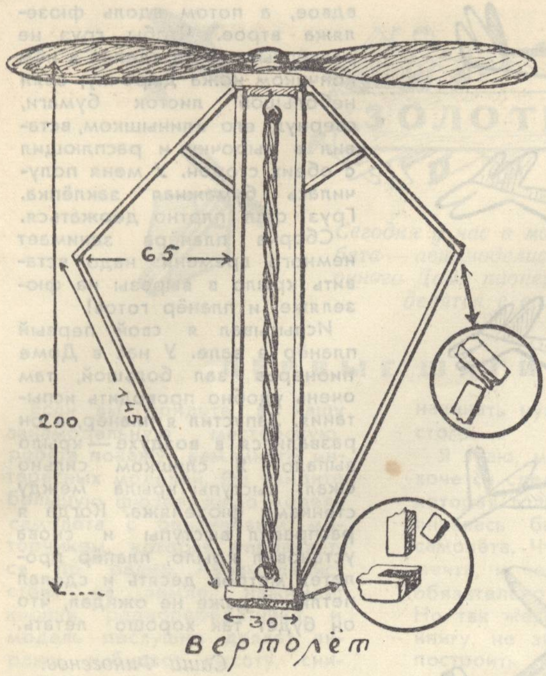
ДВЕ МОДЕЛИ

Вертолёт состоит из двух основных частей: винта и фюзеляжа. Винт для него делается такой же, как для «мухи», только отверстие в винте совсем маленькое, такое, чтобы можно было продеть проволочку. Самое трудное — сделать фюзеляж. Он склеивается из тонких реек. Клеить лучше всего клеем БФ-2, можно и казеиновым и даже столярным. Правда, столярным клеем получается не так аккуратно.

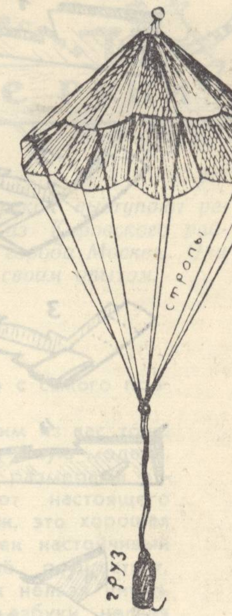
Для крючков, на которых устанавливается резиновый мотор, надо брать не слишком жёсткую проволоку, которая не разгибается и не ломается. Чтобы винт лучше вертелся, я установил на своём вертолёте подшипник: два кружочка, вырезанные из жести. Они помещаются между фюзеляжем и винтом.

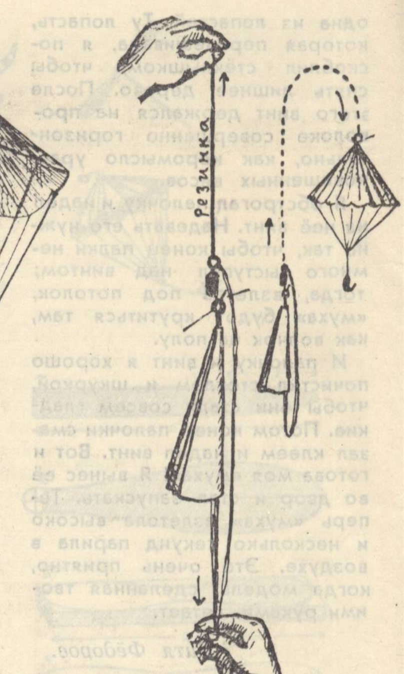
Мотор я сделал из четырёхгранной резины сечением 1×1 миллиметр. Я сложил её так, что получилось двадцать нитей, и надел на крючки. Если бы у меня была резина сечением 1×4 миллиметра, то было бы достаточно и пяти нитей.

Когда я запустил свой вертолёт, он поднялся выше трёхэтажного дома.



Вертолёт





После вертолёта я стал мастерить парашют. Для этого я взял квадратный лист папиросной бумаги размером 40×40 сантиметров и сложил его по диагоналям вчетверо. Потом сложил ещё раз и ещё раз. Когда я обрезал нижнюю часть листа и развернул его, у меня получился круг. В центре круга я сделал небольшое отверстие диаметром в 20 миллиметров и прикрепил на нитках кольцо. Купол парашюта был готов. Я привязал к нему восемь строп из ниток, соединил их концы и привязал к ним свинцовый груз с крючком и резинкой.

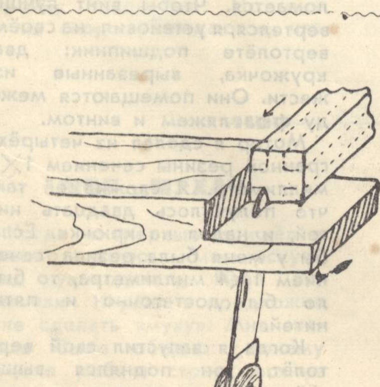
Складывать парашют надо так, чтобы все стропы были вместе. Это мне объяснил Иван Васильевич. Он показал мне, как надо парашют запускать. Я всё понял, но когда стал делать это сам, не обошлось без неприятностей. Я зацепил груз за кольцо, натянул резинку, выпустил стропы, но не успел во-время отпустить резинку, и груз стукнул меня по пальцам. Но скоро я наловчился и стал запускать парашют как полагается. Он взлетал высоко вверх, раскрывался и медленно опускался на землю.

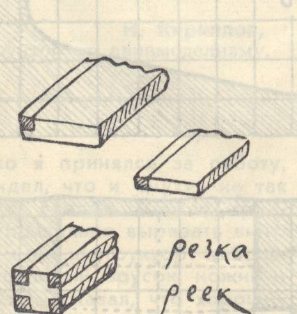
Игорь Грущин.

НЕХИТРЫЙ ИНСТРУМЕНТ

Когда строишь авиамодели, обязательно нужны тонкие и ровные деревянные палочки — рейки. У каждого моделиста в нашей мастерской есть инструмент для вырезывания реек. Этот инструмент можно сделать за пять минут. Надо взять деревянный брусок, вырезать с одной стороны его ступеньку. А потом воткнуть в эту ступеньку перочинный ножик так, чтобы остриё на несколько миллиметров выступало над поверхностью бруска. Расстояние между лезвием ножа и вырезанной гранью бруска можно регулировать в зависимости от того, какой толщины рейку надо сделать. А делаются рейки так: тонкую липовую или сосновую дощечку кладут на ступеньку и ведут её по бруску. Лезвие ножа врезается в дощечку, получается ровный надрез, и когда дощечка пройдёт по бруску, от доски отскакивает прямая тонкая рейка.

Юра Коновалов.



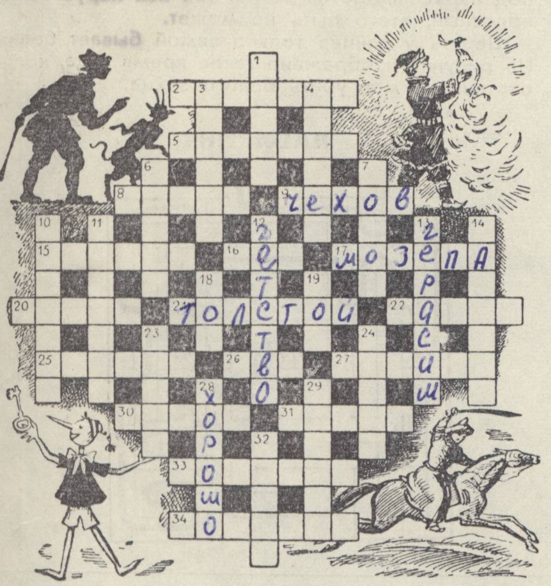


Резка реек



В ЧАСЫ ДОСУГА

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРОССВОРД



По вертикали:

1. Автор сказки «Конёк-горбунок». 3. Автор книги «Архипелаг исчезающих островов». 4. Советская поэтесса. 6. Герой произведения Марка Твена. 7. Народный поэт Белоруссии. 10. Автор повести «Братья-герои». 11. Автор поэмы «Павлик Морозов». 12. Автобиографическое произведение М. Горького. 13. Герой повести И. С. Тургенева «Муму». 14. Имя героя исторического романа С. Злобина. 18. Героиня поэмы М. Алигер. 19. Действующее лицо, высмеянное Пушкиным в одной из его сказок. 23. Автор книги «Первоклассница». 24. Автор книги «Рассказы о вещах». 28. Поэма В. В. Маяковского. 29. Произведение В. Чаплиной. 32. Произведение М. Ю. Лермонтова, на сюжет которого написана широко известная опера.

По горизонтали:

2. Герой произведения Р. Джованьоли. 5. Герой романов К. Федина «Первые радости» и «Необыкновенное лето». 8. Автор повести «Витя Малеев в школе и дома». 9. Автор повести «Каштанка». 15. Герой повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». 16. Автор книги «Панфиловцы на первом рубеже». 17. Герой поэмы А. С. Пушкина «Полтава». 20. Произведение А. Кононова. 21. Автор книги «Золотой ключик или приключения Буратино». 22. Имя легендарного героя из повести Н. В. Гоголя. 25. Детская писательница. 26. Повесть А. Гайдара. 27. Автор книги «Четвёртая высота». 30. Стихотворение А. С. Пушкина. 31. Персонаж произведения Л. Н. Толстого «Кавказский пленник». 33. Автор книги «Служу Родине». 34. Автор книги «Детство в Соломбале».

М. Рассадников

СПРЯТАННАЯ СКОРОГОВОРКА

Десять слов: «карп», «жало», «норма», «волос», «скала», «кольцо», «лодка», «обрыв», «никель», «колос» — напишите одно под другим, не изменяя их порядка.

Переставив буквы, превратите каждое из этих слов в другое имя существительное. После этого выпишите по порядку крайние буквы слов, которые у вас получатся: из первого начальную, из второго последнюю, из третьего опять первую и так до конца. Когда вы это сделаете, составится скороговорка из двух слов. Попробуйте сказать её быстро десять раз подряд.

КУДА ПРОПАЛ РУБЛЬ?

Колхозница продавала на базаре яблоки двух сортов: одни по рублю за пару, другие по рублю за тройку. Когда осталось по 30 яблок каждого сорта, колхозница подсчитала, что должна выручить за них 25 рублей:

30 : 2 = 15; 1 руб. × 15 = 15 руб.; 30 : 3 = 10; 1 руб. × 10 = 10 руб.; 15 руб. + 10 руб. = 25 руб.

Она смешала оба сорта яблок и стала предлагать их покупателям по два рубля за пять штук.

Колхозница рассуждала так: «Два яблока первого сорта стоят рубль, столько же стоят три яблока второго сорта. Значит, вместе они, пятком, стоят два рубля. Следовательно, общая выручка не изменится».

Однако, когда все яблоки были проданы, колхозница получила за них не 25 рублей, как предполагала, а 24 (60 : 5 = 12; 2 руб. × 12 = 24 руб.).

Куда же пропал рубль?

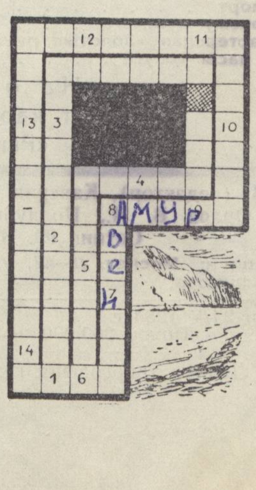
ГОРОДА И РЕКИ

Вот названия четырнадцати городов нашей страны: 1. Ош. 2. Джульфа. 3. Котлас. 4. Абакан. 5. Нарын. 6. Каунас. 7. Ленинград. 8. Хабаровск. 9. Кутаиси. 10. Семипалатинск. 11. Сретенск. 12. Иркутск. 13. Чарджоу. 14. Верхоянск.

Вспомните, на какой реке стоит каждый из этих городов. В случае затруднения загляните в атлас.

Перерисуйте чайнворд на клетчатую бумагу. Названия рек впишите в вертикальные и горизонтальные ряды клеток изображённой здесь фигуры, которая похожа на букву «Р».

Как видите, одна клетка заштрихована, она будет разделять два слова, из которых состоит название реки. В другой клетке находится чёрточка. Она показывает, что название реки, которое расположится между числами 13 и 14, пишется через тире. Названия рек займут все остальные клетки, причём в каждой из них можно написать только одну букву.



Если задача будет решена правильно, названия рек, написанных вами, составят «цепочку»; буква, которая окажется в каждой нумерованной клетке, «свяжет» два смежных названия; для одного она будет являться последней, а для другого — первой.

И. Чкаников

ОТВЕТЫ
на задачи, помещённые в № 5

НАЙДИТЕ НА КАРТЕ

Майкоп, Ямайка, Майн, Эмайыги.

ПО АЛФАВИТУ

Примерный список слов:

Араб — бурав — враг — город — двоеточие — ёж — ж (слова, начинающегося на ж и кончающегося на з, нет) — зори — игрок — канал — лом — маргарин — небо — окоп — пожар — рис — салат.

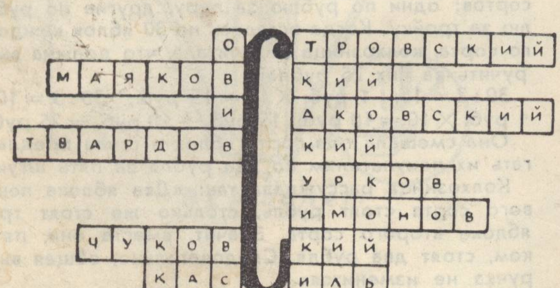
ЧТО ЗДЕСЬ НЕПРАВИЛЬНО?

Судя по ледорезам моста, река течёт вправо. Если это так, то на рисунке неверно показано положение парохода, причаливающего к пристани. В действительности пароход, подходя к пристани, всегда поворачивается носом против течения.

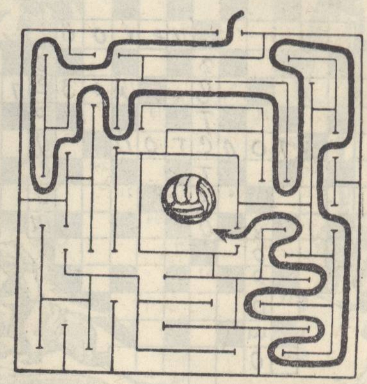
Если определять направление ветра по дыму, выходящему из труб фабрики, парохода и паровоза, то лодка, которая показана на рисунке, идёт под парусом против ветра. Так как парус однополосный, этого быть не может.

Шерсть у зайцев только зимой бывает белая. На рисунке изображено такое время года, когда охотник не мог убить белого зайца.

ПИСАТЕЛИ И ПОЭТЫ



ЛАБИРИНТ



СОДЕРЖАНИЕ







На обложке:
фрагмент картины И. Басиновой «Рыболовы».

Адрес редакции: Москва, Д—47, улица «Правды», 24, комната 235, тел. Д 3-30-73.
Технический редактор **А. Ефимова.** **Рукописи не возвращаются.**

А 01943. Подписано к печати 24/V 1954 г. Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.
Тираж 200 000 экз. Изд. № 432. Зак. 1399.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.